

ВЕСТНИК СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

12+

**БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**ВЕСТНИК СУРГУТСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

ТОМ 11, № 2

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

**Сургут
2023**

Учредитель и издатель
Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76748 от 06.09.2019.

Издается с декабря 2013 года.
Выходит 4 раза в год.

Главный редактор
Шарамеева Ольга Александровна, канд. экон. наук, доцент (Сургут)

Заместитель главного редактора
Попова Лариса Александровна, канд. юрид. наук, доцент (Сургут)

Редакционная коллегия
Дядькин Дмитрий Сергеевич, д-р юрид. наук, проф. (Сургут)
Жадобина Наталья Николаевна, канд. юрид. наук, доцент (Сургут)
Зубарева Любовь Витальевна, д-р экон. наук, проф. (Сургут)
Каратаев Алексей Сергеевич, д-р экон. наук, проф. (Сургут)
Кодинцев Александр Яковлевич, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Нехайчик Владимир Казимирович, канд. юрид. наук, доцент (Сургут)
Поликов Юлиан Николаевич, д-р экон. наук, доцент (Донецк)
Чарковская Нозми Ивановна, канд. юрид. наук, доцент (Сургут)
Чуланова Оксана Леонидовна, д-р экон. наук, доцент (Сургут)
Ширинкина Елена Викторовна, д-р экон. наук, доцент (Сургут)
Ямпольская Наталья Юрьевна, д-р экон. наук, доцент (Сургут)

Редакционный совет
Архипов Игорь Валентинович, д-р юрид. наук, доцент (Москва)
Бархатов Виктор Иванович, д-р экон. наук, проф. (Челябинск)
Белкин Анатолий Рафаилович, д-р юрид. наук, проф. (Москва)
Борков Виктор Николаевич, д-р юрид. наук, доцент (Омск)
Галазова Светлана Сергеевна, д-р экон. наук, проф. (Владикавказ)
Гусева Валентина Ивановна, д-р экон. наук, проф. (Бишкек)
Дежнев Александр Сергеевич, д-р юрид. наук, доцент (Омск)
Жаров Сергей Николаевич, д-р юрид. наук, доцент (Челябинск)
Зайцева Лариса Владимировна, д-р юрид. наук, доцент (Тюмень)
Зеленцов Александр Борисович, д-р юрид. наук, проф. (Москва)
Зырянова Татьяна Владимировна, д-р экон. наук, проф. (Екатеринбург)
Ибрагимов Солиджон Ибрагимович, д-р юрид. наук, проф. (Душанбе)
Иванчина Юлия Валерьевна, д-р юрид. наук, доцент (Екатеринбург)
Истомина Елена Александровна, д-р юрид. наук, доцент (Екатеринбург)
Казанцев Михаил Федорович, д-р юрид. наук, доцент (Екатеринбург)
Камышова Анна Борисовна, д-р экон. наук, доцент (Санкт-Петербург)
Карзаева Наталья Николаевна, д-р экон. наук, проф. (Москва)
Курныкина Ольга Васильевна, д-р экон. наук, доцент (Москва)
Мильчакова Наталья Николаевна, д-р экон. наук, проф. (Тюмень)
Мишунина Алена Александровна, д-р юрид. наук, проф. (Тюмень)
Некрасова Ольга Леонидовна, д-р экон. наук, проф. (Донецк)
Саликов Марат Сабирьянович, д-р юрид. наук, проф. (Екатеринбург)
Сверчкова Ольга Федоровна, д-р экон. наук, доцент (Шахты)
Сергеев Андрей Борисович, д-р юрид. наук, проф. (Челябинск)
Сунцов Александр Павлович, д-р юрид. наук, проф. (Тюмень)
Татуюев Арсен Азидович, д-р экон. наук, проф. (Нальчик)
Хижняк Вероника Сергеевна, д-р юрид. наук, доцент (Саратов)
Шарапов Роман Дмитриевич, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербург, Тюмень)
Ястребов Олег Александрович, д-р юрид. наук, проф. (Москва)

Выпускающий редактор
Хасанова Алёна Шамильевна

Решением Высшей аттестационной комиссии с 01 февраля 2022 года журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки), 5.2.4. Финансы (экономические науки); с 21 февраля 2023 года по следующим научным специальностям: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки), 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).

С требованиями для авторов, а также с полными текстами статей можно ознакомиться на сайте surguvest.ru.
Журнал включен в базу данных РИНЦ (лицензионный договор с Научной электронной библиотекой № 158-03/2014 от 20.03.2014).

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации, ISSN 2312-3419.

Подписной индекс Объединенного каталога «Пресса России» 43401.

Адрес редакции

628412, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, д. 1.
Тел.: + 7 (3462) 76-29-88, факс: + 7 (3462) 76-29-29, e-mail: science.journals@surgu.ru

Редактор

Кислова Наталья Александровна

Переводчик

Петрова Анастасия Вячеславовна

Верстка

Мельникова Екатерина Алексеевна

Фото на обложке

Печерского Максима Сергеевича

Адрес учредителя, издателя и типографии

Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»,
628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1
Тел.: + 7 (3462) 76-29-29

Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в Издательском центре СурГУ
Тел.: + 7 (3462) 76-31-79

Подписано в печать 20.06.2023. Дата выхода в свет 27.06.2023. Формат 60 × 84/8
Усл. печ. л. 15,1. Уч.-изд. л. 12,6. Тираж 100. Заказ № 171
Цена свободная

© БУ ВО «Сургутский государственный университет»
© Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дзюба А. П. Особенности развития мирового топливно-энергетического комплекса в условиях глобальной структурной трансформации	6
Драганчук Л. С. Тенденции в развитии стратегий контент-маркетинга компаний на рынке B2B	20
Емельянов А. А., Кельчевская Н. Р., Попова К. А., Пелымская И. С. Анализ долгосрочной динамики запасов меди в экономике США	31
Куприянова Т. А., Зыкова Т. Б. Практические аспекты использования инструментов контроллинга в жилищно-коммунальном хозяйстве	38
Плясова С. В., Языкова С. В., Конищев Е. В., Арасланбаев И. В. Теоретико-методические основы исследования цифровой инклюзии в России	46
Поликов Ю. Н. Теория и методология оценивания уровня рисков в региональной и отраслевой экономике	61
Хомитов Д. Ш., Бабаджанов Б. М. Педагогический синкретизм как феномен и драйвер развития интеллектуального капитала постиндустриальной эпохи	72

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Замараев В. И., Никиташина Н. А. Дефиниции в уголовном законодательстве	84
Зимасова А. А., Ежова Е. В. Изменение территориальной подсудности уголовного дела в контексте принципов независимости судей и состязательности сторон	91
Кашкина Е. В. К вопросу о возможности выделения специальных принципов института исправительных работ	99
Мишунина А. А., Гоглов А. П. Ликвидация накопленного экологического вреда в Арктике как механизм обеспечения экологических прав человека	105
Сунцов А. П., Андриенко А. И. Приоритетные направления деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в современных условиях: правовое регулирование и практика	112
Сурихин П. Л., Попова Л. А. Соучастие в преступлении: системный анализ	118

CONTENTS

ECONOMICS

<i>Dzyuba A. P.</i> Features of the global fuel and energy sector development under global structural transformation	6
<i>Draganchuk L. S.</i> Trends in developing content marketing strategies in B2B companies	20
<i>Emelyanov A. A., Kelchevskaya N. R., Popova K. A., Pelymskaya I. S.</i> Analysis of long-term dynamics of copper-in-stock in the US economy	31
<i>Kupriyanova T. A., Zyкова T. B.</i> Practical aspects of controlling tools in housing and communal services	38
<i>Plyasova S. V., Yazykova S. V., Konishchev E. V., Araslanbaev I. V.</i> Theoretical and methodical base for studying digital inclusion in Russia	46
<i>Polshkov Yu. N.</i> Theory and methodology of evaluating the risk level in regional and sectoral economy	61
<i>Khomitov D. Sh., Babadzhanov B. M.</i> Pedagogical syncretism as a phenomenon of and developing factor for an intellectual capital in the post-industrial era	72

LAW

<i>Zamaraev V. I., Nikitashina N. A.</i> Definitions in the criminal legislation	84
<i>Zimasova A. A., Ezhova E. V.</i> Change in territorial jurisdiction of a criminal case according to the principle of judicial independence and adversarial principle of parties	91
<i>Kashkina E. V.</i> To the issue of possibility to differentiate special principles of the corrective labor institution	99
<i>Mishunina A. A., Goglov A. P.</i> Elimination of accumulated environmental damage in the Arctic as a mechanism to provide environmental human rights	105
<i>Suntsov A. P., Andrienko A. I.</i> Top-priority orientation of socially oriented non-profit organizations' activities in current state: Legal regulation and practice	112
<i>Surikhin P. L., Popova L. A.</i> Criminal complicity: A systematic analysis	118

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 338.45:622 + 662.6/.9
DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-6-19

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Анатолий Петрович Дзюба

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
dzyuba-a@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей развития мирового топливно-энергетического комплекса за период с 1971 г. по настоящее время в условиях структурных трансформационных изменений. В материалах проводится исследование топливной структуры выработки электроэнергии в мире, сравнение структуры мирового потребления природного газа, расчет и оценка динамики мирового потребления различных типов энергоресурсов на душу населения, анализ динамики мировых показателей энергоемкостей различных энергетических ресурсов к валовому внутреннему продукту по паритету покупательской способности. В материалах проводится эмпирический анализ показателей структуры изменения доли возобновляемых источников энергии в обеспечении валового производства электроэнергии в мире, анализ структуры инвестиций в развитие возобновляемой энергетики некоторыми странами мира, а также объемы мировых выбросов CO₂ за период с 1990-х гг. и по настоящее время.

В рамках исследования выявляются, во-первых, экологичные и экономичные энергетические ресурсы, такие как природный газ и технологии возобновляемых источников энергии, укрепляющие свои позиции в структуре мирового энергетического баланса в топливной структуре выработки электрической энергии, вытесняя при этом неэкологичные нефть и уголь. Во-вторых, доказано, что показатели уровня мировой энергетической эффективности, рассчитанные на основе энергоемкости всех основных потребляемых в мире энергоресурсов за период последнего столетия, постоянно снижаются. В статье проводится исследование структуры изменения доли возобновляемых источников энергии в обеспечении валового производства электроэнергии в мире, которая демонстрирует интенсивный рост, что связано с доступностью технологий производства возобновляемых источников энергии, повышением стоимости углеводородного сырья на мировых рынках, поддержкой «зеленой» энергии на уровне государственной политики большинства стран мира, значительным объемом инвестиционной поддержки возобновляемых источников энергии.

В результате исследования сделан вывод о том, что политика управления развитием мирового топливно-энергетического комплекса оказывает существенное влияние не только на его развитие в будущем, но и на развитие глобальной экономики стран мира, прежде всего Российской Федерации.

Ключевые слова: ТЭК, ТЭР, топливно-энергетический комплекс, энергетические ресурсы, энергопотребление, структура энергопотребления, энергопотребление стран, энергетическая статистика

Для цитирования: Дзюба А. П. Особенности развития мирового топливно-энергетического комплекса в условиях глобальной структурной трансформации // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 2. С. 6–19. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-6-19.

Original article

FEATURES OF THE GLOBAL FUEL AND ENERGY SECTOR DEVELOPMENT UNDER GLOBAL STRUCTURAL TRANSFORMATION

Anatoly P. Dzyuba

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia
dzyuba-a@yandex.ru

Abstract. The article studies the features of the global fuel and energy sector's development under structural transformational changes from 1971 to the present day. In the materials, the author analyzes the fuel structure of global generated electricity, compares the structure of global natural gas consumption, calculates and evaluates the dynamics of global consumption of various energy sources per capita, and analyzes the dynamics of global indicators of energy content of various energy sources to gross domestic product at purchasing power parity. Furthermore, an empirical analysis of indicators of the structure of change in renewable energy sources' share of global gross production of electric power energy is conducted, as is the analysis of the structure of investments into the development of the renewable electric power industry in some countries, as well as global CO₂ emissions since 1990.

Firstly, the study reveals environmentally friendly and cost-effective energy sources such as natural gas and renewable energy sources technology, which strengthen their position in the global energy balance in the fuel structure of electric power generation while displace non-environmental petroleum and coal. Secondly, it has been proven that the indicators of the global energy efficiency level, calculated based on the energy content of all major energy sources consumed globally over the last century, are constantly dropping. The article describes the structure of a significant growth in renewable energy sources share of global gross production of electrical power. This trend is possible due to the accessibility of the technology for the production of renewable energy sources, the rise in the cost of crude hydrocarbons on global markets, "green" energy support at the state policy level in most countries, and massive investment in renewable energy sources.

As a result of the study, it was concluded that the policy of managing the development of the global fuel and energy sector has a significant impact both on its future and on the development of the global economies of the world's countries, primarily the Russian Federation.

Keywords: FES, FER, fuel and energy sector, fuel and energy resources, energy consumption, energy consumption structure, countries' energy consumption, energy statistics

For citation: Dzyuba A. P. Features of the global fuel and energy sector development under global structural transformation. *Surgut State University Journal*. 2023;11(2):6–19. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-6-19.

ВВЕДЕНИЕ

Среди существующих отраслей топливно-энергетического комплекса (ТЭК), функционирующих в странах мира, центральной и системообразующей отраслью является электроэнергетика.

Отрасль электроэнергетики – отрасль топливно-энергетического комплекса, функцией которой является производство, передача и распределение электрической энергии потребителям, с обеспечением требуемого качества электрической энергии и в требуемом количестве. Эта отрасль в любой стране мира включает в свой состав крупный технологический комплекс взаимосвязанных систем производства электрической и тепловой энергии, системы передачи электроэнергии на большие расстояния по сетям высоких классов напряжения, системы распределения электроэнергии до конечных потребителей, а также систему реализации электроэнергии юридическим и физическим лицам и финан-

сового распределения ресурсов всем участвующим субъектам [1]. По своим физическим характеристикам, а также по сравнению с другими используемыми видами энергии, такими как уголь, природный газ, нефть и пр., электрическая энергия является универсальным энергоносителем, способным без существенных затрат и потерь с высокой скоростью передаваться на расстояния нескольких тысяч километров и использоваться конечными потребителями без существенной ее переработки [2]. Конечные же потребители электричества также без существенных затрат и потерь и с применением простых технологических процессов преобразовывают электрическую энергию в другие виды, такие как механическая, химическая, световая, тепловая и пр. [3].

Простота, удобство и экологичность использования электричества по сравнению с другими видами энергии постепенно привели к расширению ее использования во всех уголках планеты и во всех сферах функцио-

нирования человека. Вне зависимости от отраслевых особенностей и климатического расположения страны мира, основная доля потребления первичных топливных ресурсов будет расходоваться на производство именно электрической энергии. Отрасль электроэнергетики тесно связана с другими отраслями ТЭК, такими как газ, угольная и нефтегазовая промышленность, т. к. основная доля продукции этих отраслей используется на выработку электрической энергии. Мировая отрасль электроэнергетики потребляет порядка 40 % топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) добываемых и производимых мировым топливно-энергетическим комплексом. Вектор развития отрасли электроэнергетики тесно связан с развитием мирового топливно-энергетического комплекса и многих отраслей мировой промышленности [3, 4].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Как известно, в процессе поступательного развития технологий освоения, добычи, переработки, транспортировки и потребления топливно-энергетических ресурсов, происходит постепенное изменение структуры глобального потребления ТЭР, которое носит название «энергетический переход». На рис. 1 представлена диаграмма топливной структуры выработки электроэнергии в мире за пе-

риод 1971–2013 гг. Как следует из диаграммы, доля менее экологичных составляющих ТЭР, таких как нефть и прочие виды ТЭР (под которыми понимается древесина, торф и пр.), уступает место природному газу и технологиям возобновляемых источников энергии (ВИЭ) [5]. Следует отметить, что рост и резкое снижение доли дешевой и экологичной атомной энергетики в структуре выработки электроэнергии в первую очередь связаны с техногенной катастрофой, произошедшей на Чернобыльской АЭС в 1986 г., после которой многие мировые программы по развитию атомной энергетики были сокращены. За исследуемый период доля природного газа в структуре производства мировой электроэнергии повысилась с 14 до 23 %, что в масштабах мирового ТЭК является весьма существенным. Доля угля в структуре глобального энергобаланса за исследуемый период является неизменной, однако с учетом глобального роста выработки электроэнергии, темпы которой составляют в среднем 2 % в год, объем производства угля является растущим. Доля ВИЭ с 2010 г. в структуре мирового энергобаланса получила существенный прирост, что также будет прослеживаться и в долгосрочной перспективе развития мировой экономики [6].

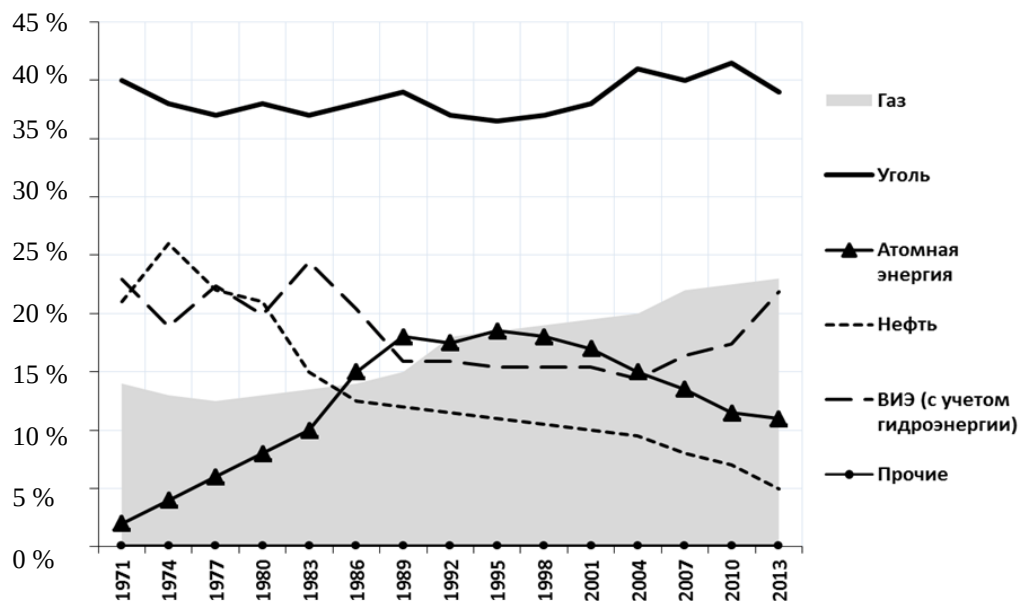

Рис. 1. Топливная структура выработки электроэнергии в мире за период 1971–2013 гг.
Примечание: составлено автором на основе [7].

Природный газ получает доминирующее положение в формировании мирового энергобаланса выработки электроэнергии и оказывает все более существенное влияние на параметры стоимости производства газа [8]. На рис. 2 представлены диаграммы изменения структуры мирового потребления природного газа за 1973 и 2017 гг. Как следует из диаграмм, если в 1973 г. 22 % мирового потребления газа расходовалось на выработку электроэнергии, то в 2016 г., несмотря на общий рост спроса на потребление газа, уже 41 % потребляемого газа в мире использовалось на нужды электрогенерации. Такой рост связан со сравнительно высокой экологичностью использования природного газа как вида топлива, сравнительно низкая стоимость поставок, возможность транспортировки газа на большие расстояния, в том числе на осно-

ве технологии сжиженного природного газа (СПГ) [9].

Условия роста спроса на потребление энергетических ресурсов в глобальном экономическом пространстве приводят к росту цен на первичные, а, следовательно, и конечные энергетические ресурсы. Рост стоимости потребляемых энергоресурсов в свою очередь приводит к увеличению удельных затрат на энергоресурсы в структуре себестоимости производимой продукции, что в условиях роста общего спроса на потребление энергоресурсов негативным образом влияет на экономику стран мира [10]. В условиях глобализации и усиления международной конкуренции вопрос повышения эффективности экономики играет ключевое значение [11].

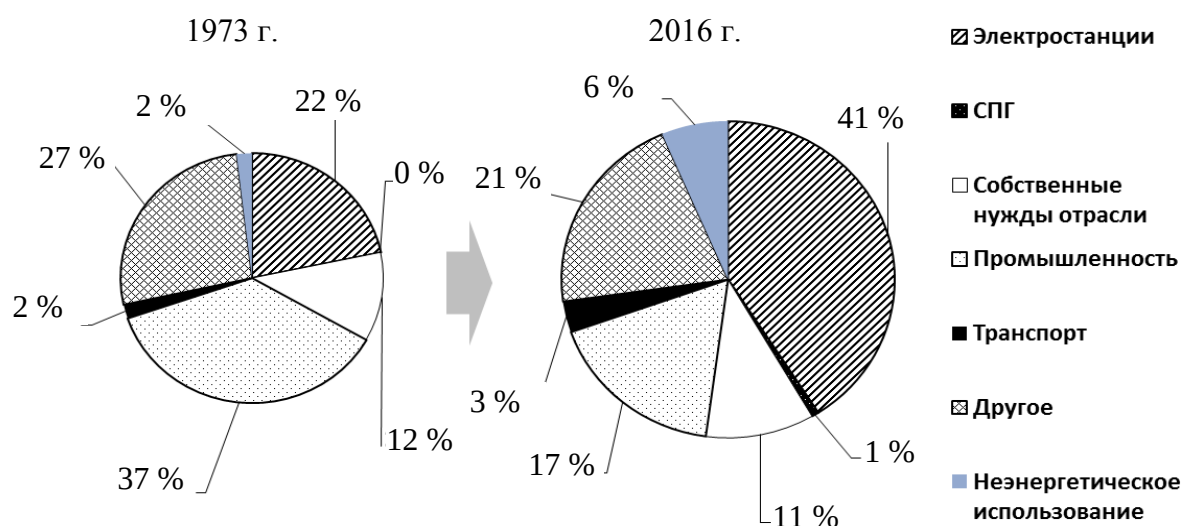

Рис. 2. Изменение структуры мирового потребления природного газа за 1973 и 2017 гг.

Примечание: составлено автором на основе [12].

За последние 20 лет вопрос снижения удельных затрат на потребление энергетических ресурсов для многих стран мира приобрел решающее значение. В большей степени это коснулось стран-импортеров энергоресурсов. Взамен стратегии наращивания масштабов производства энергетических ресурсов многие страны мира реализуют политику энергосбережения и повышения энергетической эффективности, которая позволит вывести экономику на новый конкурентный уро-

вень. Энергосбережение также называют «пятый вид топлива» (после твердого, жидкого, газообразного, и ядерного видов), т. к. именно повышение энергетической эффективности при сохранении прочих равных условий позволяет обеспечить тот же уровень производства продукции, но с использованием меньшего объема топливных ресурсов [13].

В российской научной литературе термин «энергетическая эффективность» появился после 2018 г., после указа Президента РФ

«О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики». В отечественной научной и профессиональной литературе «энергоэффективность» используется в связи с термином «энергосбережение».

В качестве наиболее распространенных индикаторов, позволяющих выполнить сравнительную оценку энергетической эффективности экономик отдельных стран мира либо территориальных образований, используются показатели валового потребления электроэнергии на душу населения и энергоемкости валового внутреннего продукта [14]. В первую очередь указанные показатели рассчитывают применительно к валовому потреблению электрической энергии, так как именно электрическая энергия является наиболее распространенным энергоносителем, потребляемым конечными потребителями. На производство электрической энергии затрачивается основная масса потребления первичных энергетических ресурсов [15].

Подушевое энергопотребление – отношение величины валового потребления энергетических ресурсов страны либо региона за определенный период (как правило, за календарный год) к численности населения за аналогичный период (1).

$$\mathcal{E}_{\text{нас}}^{\text{терр}} = \mathcal{E}_{\text{год}}^{\text{терр}} / \mathcal{q}_{\text{нас}}^{\text{терр}}, \quad (1)$$

где $\mathcal{E}_{\text{нас}}^{\text{страна}}$ – энергопотребление на душу населения территориального образования, для которого проводится исследование (т.н.э./т/кВт*ч и пр./чел.);

$\mathcal{E}_{\text{год}}^{\text{страна}}$ – годовое потребление энергетических ресурсов территориального образования, для которого проводится исследование (т.н.э./т/кВт*ч и пр.);

$\mathcal{q}_{\text{нас}}^{\text{страна}}$ – среднегодовая численность населения территориального образования (чел.).

Экономический смысл показателя подушевого электропотребления заключается в сравнительной оценке эффективности рас-

ходования электроэнергии странами мира в отношении одного жителя страны.

Этот смысл показателя энергопотребления на душу населения используется для сравнительной оценки эффективности использования энергетических ресурсов (электрической энергии, нефти, газа, электроэнергии и пр.) в рамках территориальных образований и отражает степень использования энергетических ресурсов относительно одного жителя территории. Чем выше энергопотребление на душу населения, тем более развита промышленность в рамках исследуемой территории и более плотно сконцентрированы энергопотребляющие активы, и наоборот, чем меньше энергопотребление на душу населения, тем менее развито производство и используется менее технологичное оборудование. Исследование показателя энергопотребления на душу населения следует проводить как в сравнении между различными территориальными образованиями, так и в динамике изменения.

На рис. 3 представлены диаграммы динамики мирового потребления различных типов энергоресурсов на душу населения за период 1973–2018 гг. Как следует из диаграмм, динамика подушевого потребления нефти в мире постепенно снижается, что связано с постепенным замещением потребления нефти альтернативными энергоресурсами. Показатели потребления валовой энергии на душу населения демонстрирует динамику постепенного роста, при этом в различных периодах в рамках исследуемого диапазона наблюдаются кратковременные снижения показателя. Подушевое потребление электроэнергии мире демонстрируют интенсивный рост, который, несмотря на постоянное увеличение населения мира, характеризуется уверенным ростом, наблюдаемым на протяжении исследуемого периода. Таким образом, эффективность потребления как общей энергии, так и электроэнергии в мировых масштабах ежегодно увеличивается.

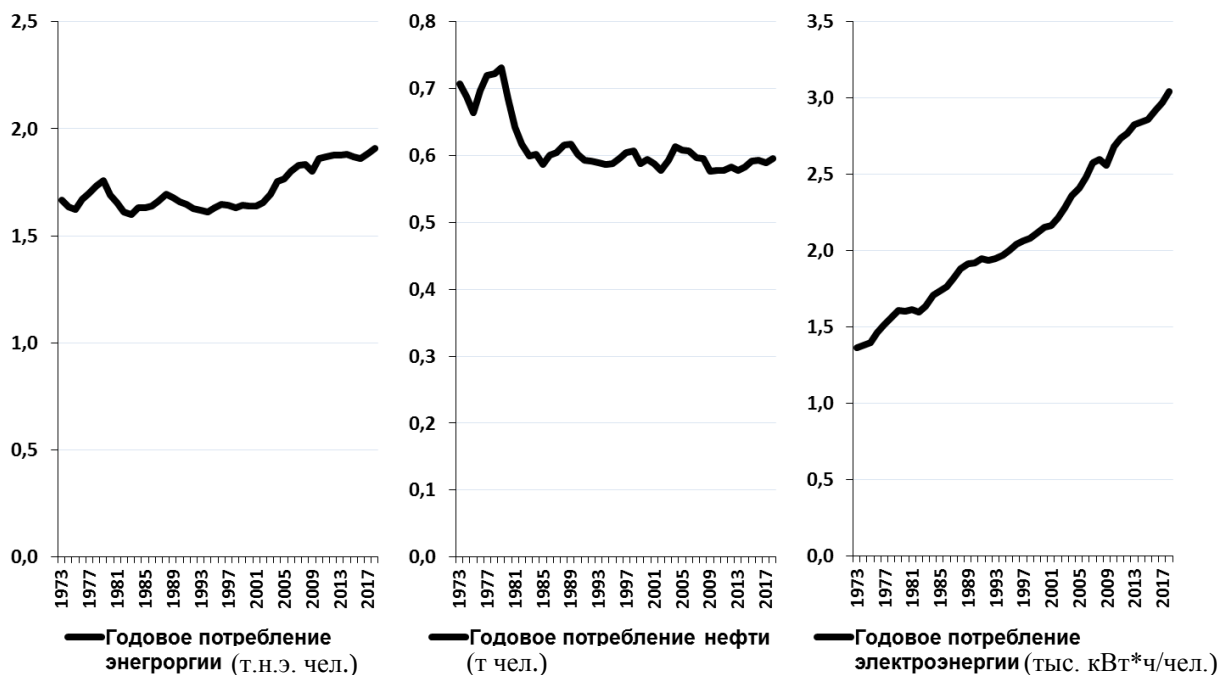

Рис. 3. Динамика мирового потребления различных типов энергоресурсов на душу населения за период 1973–2018 гг.

Примечание: составлено автором на основе [16].

Следующим распространенным и наиболее объективным индикатором, широко применяемым для проведения сравнительных оценок эффективности электропотребления международных экономик, является энергоёмкость национального дохода (ВВП).

Энергоёмкость ВВП (национального дохода) – показатель, характеризующий количественное потребление энергетических ресурсов (электрической энергии, нефти, газа, электроэнергии и пр.), затрачиваемых на единицу производимого ВВП по паритету покупательской способности (ВВП по ППС). Показатель энергоёмкости ВВП по ППС в масштабах национальной экономики рассчитывается как отношение затрат электроэнергии к объёму произведенного ВВП по ППС [17].

Для расчета энергоёмкости ВВП по ППС используется следующая формула (2).

$$\mathcal{E}_{\text{ВВП}}^{\text{терр}} = \frac{\mathcal{E}_{\text{год}}^{\text{терр}}}{\text{ВВП}_{\text{год}}^{\text{терр}}}, \quad (2)$$

где $\mathcal{E}_{\text{ВВП}}^{\text{терр}}$ – энергоёмкость ВВП по ППС (т.н.э./т/кВт*ч и пр./ед. валюты);

$\text{ВВП}_{\text{год}}^{\text{терр}}$ – валовый внутренний продукт, валовый региональный продукт (ВРП), валовый продукт территориального образования (ед. валюты);

Энергоёмкость выражается в т.н.э./т/кВт*ч и пр. по отношению к валюте, в которой производится расчет ВВП или ВРП.

Экономический смысл показателя энергоёмкости ВВП по ППС заключается в сравнительном сопоставлении удельных затрат энергоресурсов на производство одной денежной единицы ВВП каждой страны. Чем меньше энергии расходуется на производство единицы ВВП по ППС, тем более энергетически эффективно работает экономика такой страны. Для примера, если в Южной Корее на производство товарной продукции на сумму 1000 долл. по ППС затрачивается меньше энергетических ресурсов, чем в Беларуси, то экономика Южной Кореи энергетически эффективнее, чем в Беларуси.

На рис. 4 представлена динамика мировых показателей энергоёмкостей различных энергетических ресурсов к ВВП по ППС за период 1973–2018 гг. Как следует из диаграмм, показатели энергоёмкости всех исследуемых энергоресурсов постоянно снижаются, что свидетельствует о повышении мировой энергетической эффективности потребления всех видов энергоресурсов. Показатель электроёмкости ВВП наоборот демонстрирует рост,

что свидетельствует об опережении роста динамики электропотребления над показателями роста мирового ВВП по ППС. Процесс электрификации мирового хозяйства опере-

жает процессы экономического роста мировой экономики, что снижает показатели энергетической эффективности потребления электроэнергии.

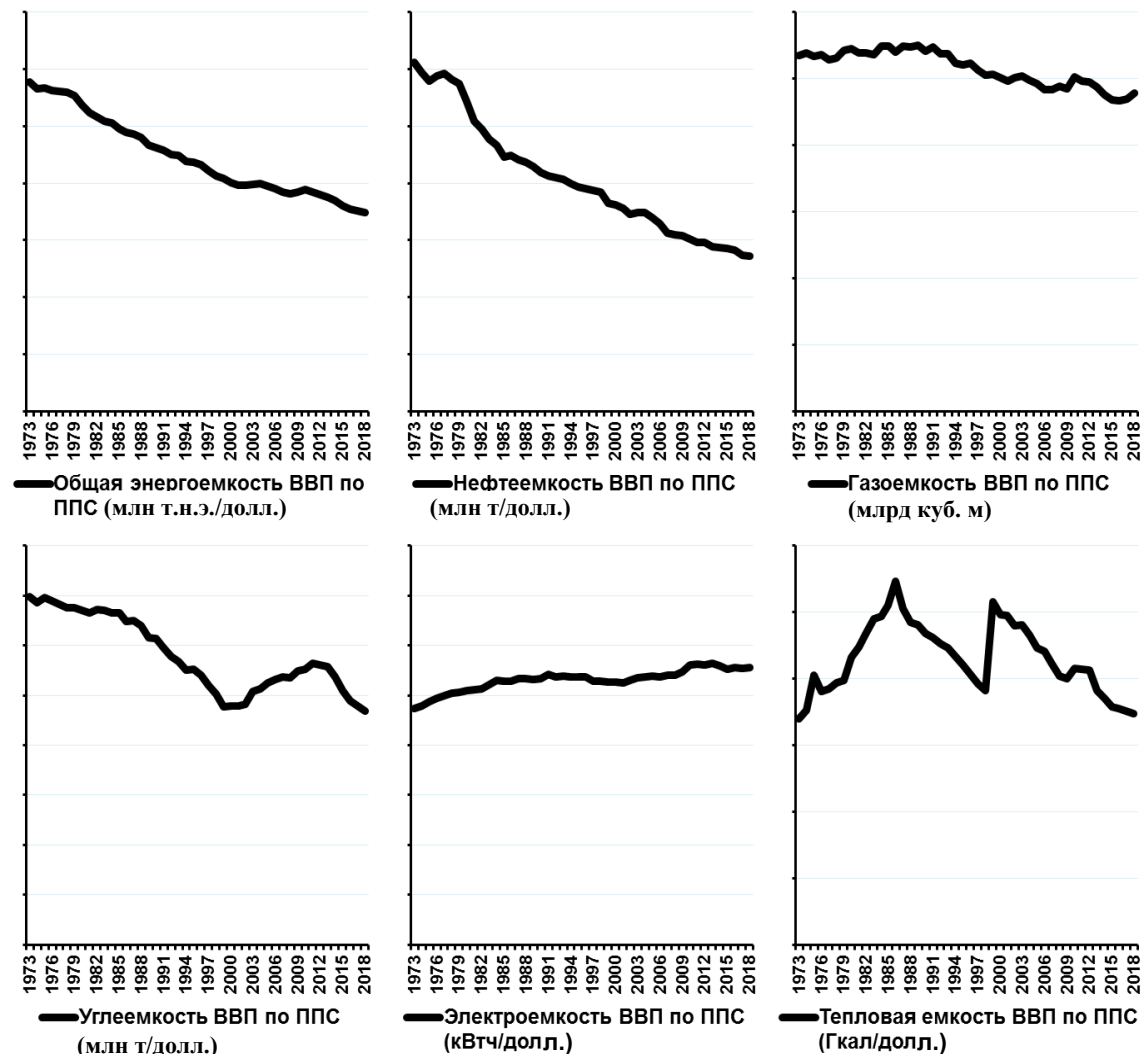

Рис. 4. Динамика мировых показателей энергоемкостей различных энергетических ресурсов к ВВП по ППС за период 1973–2018 гг.

Примечание: составлено автором на основе [11].

Таким образом, в условиях одновременного роста спроса на потребление энергоресурсов и роста стоимости поставок энергоресурсов, задача повышения показателей энергетической эффективности потребления всех типов энергетических ресурсов, а также в первую очередь электрической энергии, является актуальной для экономик всех стран мира.

На рис. 5 представлена диаграмма структуры потребления энергоресурсов в мире за период 1971–2017 гг. Как следует из диаграмм, процессы развития энергетики про-

исходят не только на стороне производителей энергии, но и на стороне конечных потребителей энергетических ресурсов. Анализ изменения структуры потребления энергоресурсов показывает, что за исследуемый период производится постепенный сдвиг энергопотребления в сторону увеличения спроса со стороны транспорта и сектора услуг. При этом в секторе промышленности, сельского хозяйства и прочих категорий наблюдается снижение спроса, что связано с развитием технологий энергопотребления

и реализацией политики энергосбережения и повышения энергетической эффективности, интенсивно реализуемой в странах мира. С развитием мировых технологий в области

как производства, так и потребления энергоресурсов выявление энергетических переходов на уровне производства и потребления энергоресурсов будет интенсифицироваться.

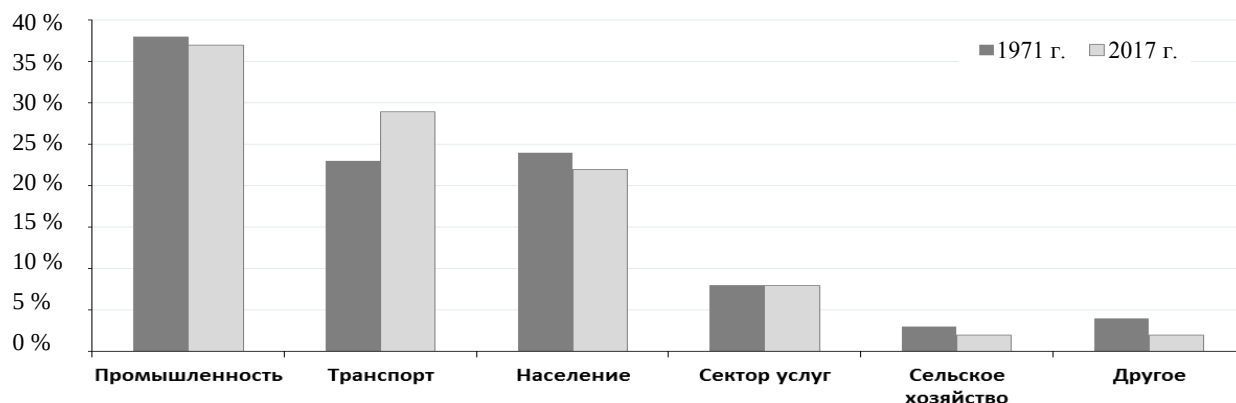

Рис. 5. Структура потребления энергоресурсов в мире за период 1971–2017 гг.

Примечание: составлено автором на основе [17].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Одним из современных трендов, оказывающих значительное влияние на формирование мировых энергетических переходов, является развитие технологий возобновляемых источников энергии.

Возобновляемые источники энергии – источники энергии, или электрической энергии, действующие на основе использования энергии ветра, энергии солнца, энергии воды, геотермальной энергии и являющиеся по своей сути природными и неисчерпаемыми (возобновляемыми) источниками энергии. Также, учитывая то, что по сравнению с традиционными источниками энергии, действующими на основе сжигания углеводородного сырья, возобновляемые источники энергии не наносят столь значительного ущерба окружающей среде. Электрическую энергию, вырабатываемую на основе ВИЭ, также называют «зеленой» энергией. Возобновляемые источники энергии имеют преимущество как в экологичности производства электроэнергии, так и в сравнительно низкой стоимости ее производства.

На рис. 6 представлены диаграммы структур изменения доли возобновляемых источников энергии в обеспечении валового производства электроэнергии в мире.

Если в 2000 г. доля мировой выработки электроэнергии при помощи ветровой и солнечной генерации не превышала 0,7 %, то в 2018 г., учитывая интенсивный рост

общего спроса на электропотребление в мире, доля ветровой и солнечной генерации уже составляет 7,6 %. Как следует из диаграмм, рис. 7, в период с 2010 по 2018 гг. величина установленной мощности солнечных электростанций в мире в среднем ежегодно растет на 50 ГВт, а установленная мощность ветровых электростанций – на 90 ГВт. По мнению большинства экспертов, в ближайшие 20 лет доля возобновляемой энергетики в рамках мирового энергобаланса будет играть одну из доминирующих ролей, что существенно изменит структуру и модель управления мировым топливно-энергетическим комплексом.

Развитие технологий возобновляемой энергетики связано со снижением удельной стоимости производства модулей солнечных источников энергии и ветровых установок. На рис. 8 представлены диаграммы изменения стоимости модулей солнечных источников энергии и совокупная установленная мощность солнечных электростанций в мире за период 1976–2016 гг. После снижения стоимости производства модулей ниже показателя, позволяющего получать стоимости электроэнергии из альтернативных источников, совокупная установленная мощность солнечных электростанций в мире получила тенденцию интенсивного роста.

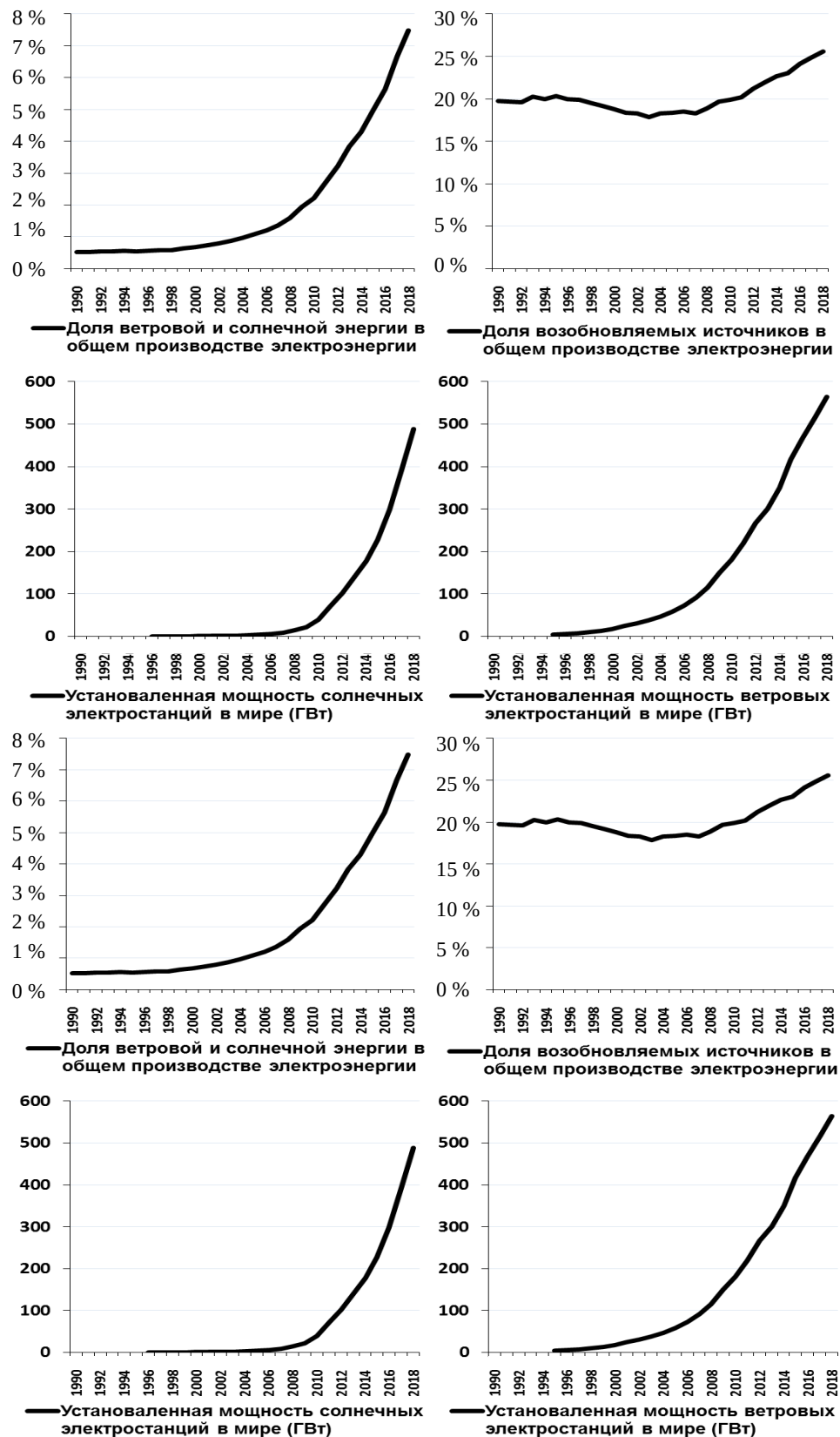

Рис. 6. Структура изменения доли возобновляемых источников энергии в обеспечении валового производства электроэнергии в мире

Примечание: составлено автором на основе [18].

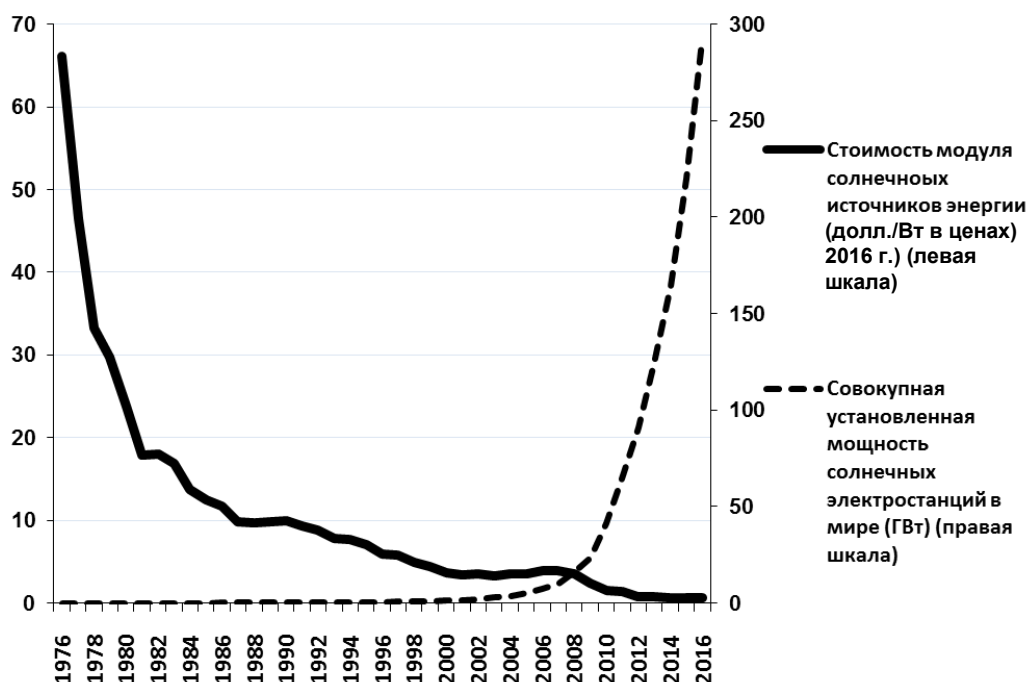

Рис. 7. Характеристики развития солнечных электростанций в мире за период 1976–2016 гг.
Примечание: составлено автором на основе [18].

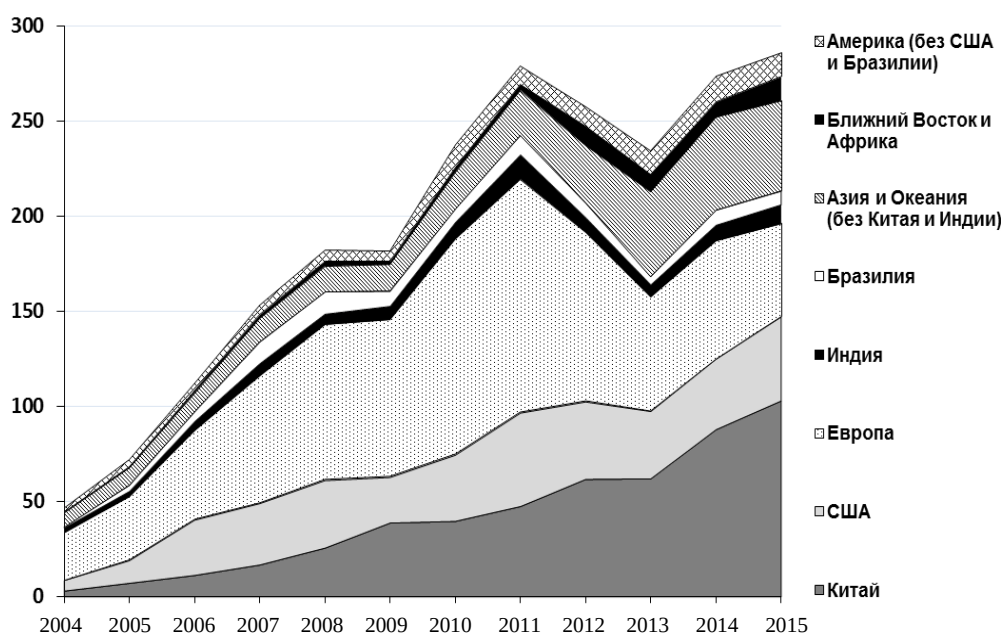

Рис. 8. Инвестиции в развитие возобновляемой энергетики некоторыми странами мира за период 2004–2015 гг. в млрд долл.

Примечание: составлено автором на основе [7].

Снижение удельной стоимости технологий развития возобновляемой электроэнергетики связано со значительными инвестициями в исследования в области разработок возобновляемой электроэнергетики. На рис. 8 представлена диаграмма, отражающая вели-

чину инвестиций в развитие возобновляемой энергетики некоторыми странами мира за период 2004–2015 гг. В Чили и Южной Африке величина инвестиций в ВИЭ составляет 1,4 % национального ВВП, в Японии, Китае и Великобритании данный показатель

составляет – 0,8 %, в Индии – 0,5 %, в Бразилии, Германии, Мексике и США – 0,25 % ВВП. За период исследуемых 11 лет величина инвестиций в возобновляемую энергетику увеличилась почти в 6 раз, что повлияло на совершенствование технологий, развитие их применения, и, следовательно, снижению удельной стоимости производства.

Одним из перспективных трендов развития мировой энергетики ближайшего десятилетия является развитие электромобилей. На рис. 9 представлена диаграмма, отража-

ющая показатели прогноза доли электромобилей в общем мировом автопарке к 2040 г., выполненные различными энергетическими агентствами. Все исследователи дают различные показатели прогноза, при этом, все показатели дают прогнозы роста доли электромобилей как минимум до 15 % от общего объема мирового автопарка. Таким образом, развитие электромобилей также будет являться фактором, обеспечивающим трансформацию мирового топливно-энергетического комплекса.

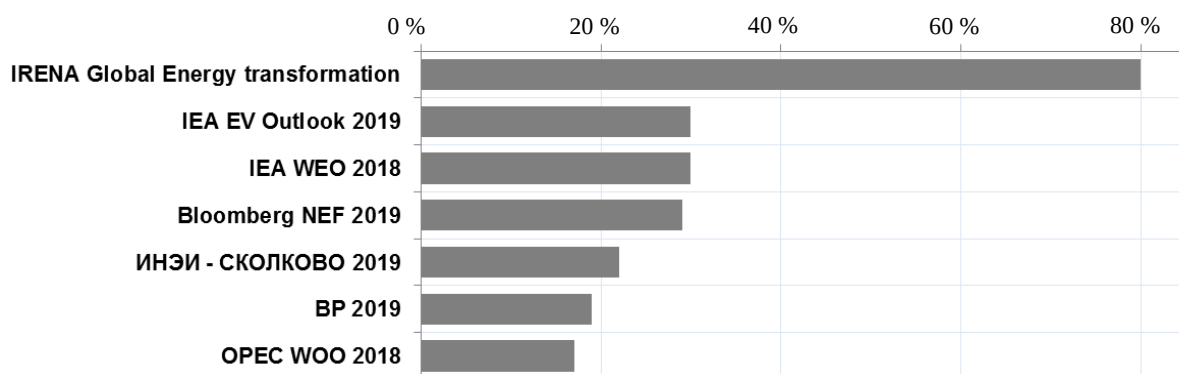

Рис. 9. Прогноз доли электромобилей в общем мировом автопарке к 2040 г.

Примечание: составлено автором на основе [18].

При этом, несмотря на развитие технологий возобновляемых источников энергетики, мировая энергетика наносит значительный

ущерб экологии всей планеты. На рис. 10 представлены диаграммы показателей мировых выбросов CO₂ за период 1990–2018 гг.

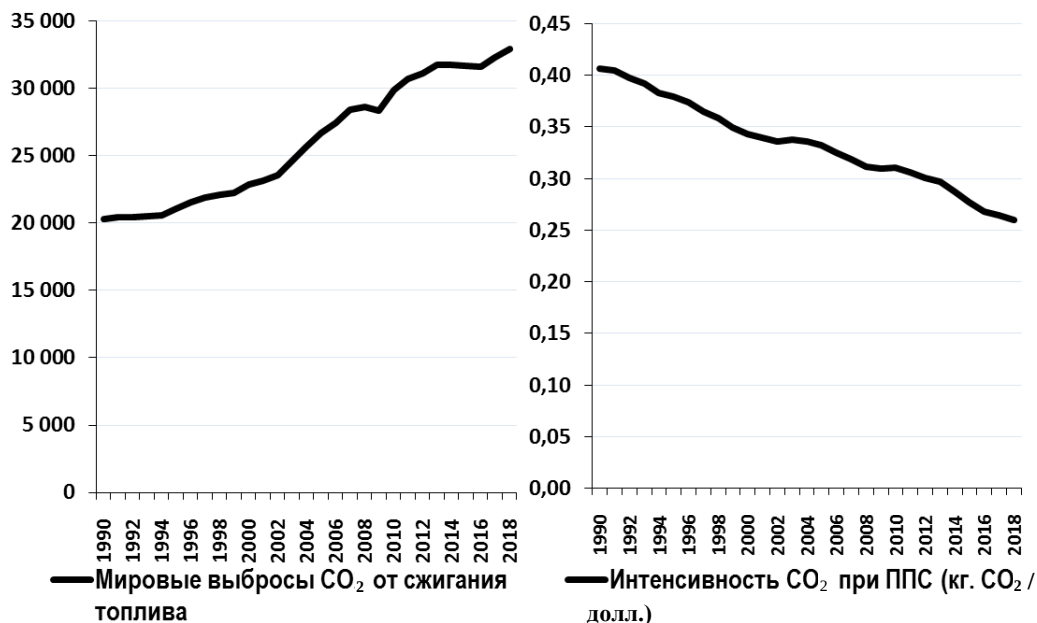

Рис. 10. Мировые выбросы CO₂ за период 1990–2018 гг.

Примечание: составлено автором на основе [18].

Объемы мировых выбросов CO₂ в период с 1990 по 2018 гг. показывают тенденцию ежегодного роста. При этом интенсивность выбросов CO₂ по отношению к ВВП демонстрирует снижение, что подчеркивает повышение удельных показателей эффективности выбросов углеводородов. Как показано в табл. 1, основным мировым источником мировых выбросов CO₂ являются отрасли топливно-энергетического комплекса, на до-

лю которых в 2017 г. пришлось 42 % общемировой доли выбросов. Таким образом, учитывая значительную долю влияния мировой энергетики на экологическую среду планеты, а также высокую интенсивность роста спроса на потребление энергии, модель развития мировой энергетики должна учитывать влияние отраслей ТЭК на мировую экологию и содержать механизмы снижения влияния на окружающую среду планеты.

Таблица 1

**Распределение мировых выбросов CO₂
в разрезе различных типов потребителей энергоресурсов в 2017 г.**

№	Отрасль мировой экономики	млн т CO ₂	%
1	Производство электрической и тепловой энергии	13 540,6	42 %
2	Собственные нужды энергетики	1 654,8	5 %
3	Промышленность и строительство	6 066,1	19 %
4	Транспорт	7 737,8	24 %
5	Население	3 294,8	10 %
	Итого	32 294,2	100 %

Примечание: составлено автором на основе [18].

Согласно прогнозам различных мировых энергетических агентств, опубликованных в источниках IRENA Global Energy transformation, IEA 2018 Sustainable Development, DNV GL Energy Transition Outlook 2018, McKinsey GEP 2019, Reference Case, ИНЭИ – СКОЛКОВО 2019 Энергопереход, ИНЭИ – СКОЛКОВО 2019 Инновационный, BP 2019 Rapid transition, BP 2019 Less globalization, IEA 2018 New Policies, Shell scenarios 2019 Sky, ОПЕК WOO 2018 в период до 2030–2040 гг. в глобальном экономическом пространстве ожидается продолжение тенденции интенсивного роста спроса на потребление всех видов энергоресурсов.

Прогнозы различных мировых энергетических агентств подчеркивают, что рост глобального спроса на потребление топливно-энергетических ресурсов к 2035 г. возрастет на 30 % по отношению к уровню 2017 г. Рост спроса на потребление ТЭР будет связан с увеличением благосостояния развивающихся стран, что будет сопровождаться интенсивной электрификацией, увеличением количества автомобилей, развитием климатических систем и систем транспорта. Несмотря на реализацию глобальной поли-

тики в области повышения энергетической эффективности, до 2035 г. темпы прироста спроса на природный газ составят 1,6 % в год, на нефть и нефтепродукты – 0,7 % ежегодно [19, 20].

Нисходящие темпы роста мирового спроса на потребление топливно-энергетических ресурсов в условиях сокращения мировых запасов углеводородного сырья и роста масштабов вредных экологических выбросов формируют целый спектр проблем, возникающих в отраслях ТЭК и электроэнергетики. Данные проблемы безусловно отражаются на деятельности как отраслей, так и конечных потребителей энергоресурсов. Учитывая высокую значимость отраслей энергетики для мировой экономики, повышение эффективности функционирования топливно-энергетического комплекса было и остается одной из важнейших задач для всего населения планеты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве выводов можно констатировать следующее:

1. За последнее столетие более экологичные и экономичные энергетические ресурсы,

такие как природный газ и технологии ВИЭ, укрепляют свои позиции в структуре мирового энергетического баланса в топливной структуре выработки электрической энергии, вытесняя при этом неэкологичные нефть и уголь. Это связано как с влиянием энергориночных, технологических и экологических факторов, влияющих на мировую политику потребления топливно-энергетических ресурсов, которая направлена на повышение уровня энергетической эффективности. Политика в области повышения энергетической эффективности реализуется во всех странах мира и с ростом мировых цен на ТЭР становится все более актуальной.

2. Динамика мирового потребления различных типов энергоресурсов на душу населения за период 1973–2018 гг. подчеркнула, что именно электрическая энергия постепенно становится наиболее распространенным энергетическим ресурсом, потребляемым во всех отраслях мировой экономики. Повышение энергетической эффективности потребления именно электрической энергии должно являться одним из основных направлений энергетической политики стран мира.

3. Динамика мировых показателей энергоёмкостей различных энергетических ресурсов к ВВП по ППС за период 1973–2018 гг. демонстрирует постоянное снижение, что сви-

детельствует о повышении мировой энергетической эффективности потребления всех видов энергоресурсов. Как следует из диаграмм, показатель электроёмкости ВВП, наоборот, демонстрирует рост, что свидетельствует об опережении роста динамики электропотребления над показателями роста мирового ВВП по ППС.

4. Структура изменения доли возобновляемых источников энергии в обеспечении валового производства электроэнергии в мире демонстрирует интенсивный рост, что связано с доступностью технологий производства ВИЭ, повышением стоимости углеводородного сырья на мировых рынках, поддержкой «зеленой» энергии на уровне государственной политики большинства стран мира, значительным объемом инвестиционной поддержки ВИЭ. Согласно прогнозам мировых энергетических агентств, мировой спрос на потребление топливно-энергетических ресурсов будет продолжать ежегодно увеличиваться, а к 2035 г. составит 30 % по отношению к уровню 2017 г.

5. Таким образом, политика управления развитием мирового топливно-энергетического комплекса оказывает существенное влияние не только на его развитие в будущем, но и на развитие глобальной экономики стран мира, прежде всего Российской Федерации.

Список источников

1. Аюев Б. И. Рынки электроэнергии и их реализация в ЕЭС России. Екатеринбург : УРО РАН, 2007. 107 с.
2. Дзюба А. П., Семиколонов А. В. Управление активными энергетическими комплексами промышленных предприятий в условиях рынка электроэнергии (мощности) России. Челябинск : ЮУрГУ, 2022. 149 с.
3. Горнштейн В. М., Мирошниченко Б. П., Пономарев А. В. и др. Методы оптимизации режимов энергосистем. М. : Энергия, 1981. 336 с.
4. Мастепанов А. М. Топливно-энергетический комплекс России на рубеже веков – состояние, проблемы и перспективы развития. 3-е изд., перераб. и доп. Новосибирск : Наука, 2010. 792 с.
5. Плакиткин Ю. А., Плакиткина Л. С. Энергия и прогнозы мирового развития: тенденции и закономерности. М. : МЭИ, 2020. 220 с.
6. Гительман Л. Д., Кожевников М. В., Ратников Б. Е. Энергетический переход. Руководство для реаллистов. М. : Солон-пресс, 2023. 396 с.

References

1. Ayuev B. I. Rynki elektroenergii i ikh realizatsiia v EES Rossii. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2007. 107 p. (In Russian).
2. Dzyuba A. P., Semikolenov A. V. Upravlenie aktivnymi energeticheskimi kompleksami promyshlennykh predpriatii v usloviakh rynka elektroenergii (moshchnosti) Rossii. Chelyabinsk: South Ural State University; 2022. 149 p. (In Russian).
3. Gornstein V. M., Miroshnichenko B. P., Ponomarev A. V. et al. Metody optimizatsii rezhimov energosistem. Moscow: Energiia; 1981. 336 p. (In Russian).
4. Mastepanov A. M. Toplivno-energeticheskii kompleks Rossii na rubezhe vekov – sostoianie, problemy i perspektivy razvitiia. 3rd ed., rev. ed. Novosibirsk: Nauka; 2010. 792 p. (In Russian).
5. Plakitkin Yu. A., Plakitkina L. S. Energiia i prognozy mirovogo razvitiia: tendentsii i zakonornosti. Moscow: Moscow Power Engineering Institute; 2020. 220 p. (In Russian).

7. Renewable energy statistics 2022. URL: <https://www.irena.org/publications/2022/Jul/Renewable-Energy-Statistics-2022> (дата обращения: 11.03.2023).
8. Дзюба А. П. Развитие технологий, сопутствующих повышению эффективности управления спросом на электропотребление // Современные информационные технологии. Теория и практика : материалы V Всерос. науч.-практич. конф., 5 декабря 2019 г. Череповец, 2019. С. 67–73.
9. Дзюба А. П., Соловьева И. А. Управление спросом на энергоресурсы в глобальном экономическом пространстве. Челябинск : ЮУрГУ, 2021. 260 с.
10. Гительман Л. Д., Ратников Б. Е., Кожевников М. В. и др. Управление спросом на энергию. Уникальная инновация для российской электроэнергетики : моногр. Екатеринбург, 2013. 120 с.
11. Дзюба А. П. Теория и методология управления спросом на энергоресурсы в промышленности : моногр. Челябинск : ЮУрГУ, 2020. 323 с.
12. World energy transitions outlook 2022. URL: <https://www.irena.org/Digital-Report/World-Energy-Transitions-Outlook-2022> (дата обращения: 11.03.2023).
13. Галкин Ю. В., Галкина А. А., Грушевенко Д. А. и др. Перспективы развития мировой энергетики с учетом влияния технологического прогресса. М. : ИНЭИ РАН, 2020. 320 с.
14. Доклад Минэнерго России «О функционировании и развитии электроэнергетики в 2011 году». URL: <https://minenergo.gov.ru/node/3399> (дата обращения: 11.03.2023).
15. Рогалев Н. Д., Зубкова А. Г., Зубкова И. В. и др. Экономика энергетики. М. : МЭИ, 2005. 288 с.
16. Power statistics. URL: <https://www.entsoe.eu/data/power-stats/> (дата обращения: 11.03.2023).
17. Колибаба В. И., Колибаба С. В. Ключевые аспекты и оценка рисков внедрения новой модели рынка мощности в российской федерации // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2015. № 1. С. 71–75.
18. Statistics data. URL: <https://www.irena.org/statistics> (дата обращения: 11.03.2023).
19. АО «Системный оператор Единой энергетической системы». URL: <https://www.so-ops.ru/news/newonsite-view/news/20494/> (дата обращения: 11.03.2023).
20. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2021 : стат. сб. М., 2021. 766 с.
6. Gitelman L. D., Kozhevnikov M. V., Ratnikov B. E. Energeticheskii perekhod. Rukovodstvo dlia realistov. Moscow: Solon-press; 2023. 396 p. (In Russian).
7. Renewable energy statistics 2022. URL: <https://www.irena.org/publications/2022/Jul/Renewable-Energy-Statistics-2022> (accessed: 11.03.2023).
8. Dzyuba A. P. Razvitie tekhnologii, soputstvuiushchikh povysheniiu effektivnosti upravleniia sprosom na elektropotreblenie. In: *Proceedings of the V All-Russian Research-to-Practice Conference "Sovremennnye informatsionnye tekhnologii. Teoriia i praktika"*, December 5, 2019. Cherepovets; 2019. p. 67–73. (In Russian).
9. Dzyuba A. P., Solovyeva I. A. Upravlenie sprosom na energoresursy v globalnom ekonomicheskom prostranstve. Chelyabinsk: South Ural State University; 2021. 260 p. (In Russian).
10. Gitelman L. D., Ratnikov B. E., Kozhevnikov M. V. et al. Upravlenie sprosom na energiiu. Unikalnaia innovatsiia dlia rossiskoi elektroenergetiki. Monograph. Yekaterinburg; 2013. 120 p. (In Russian).
11. Dzyuba A. P. Teoriia i metodologiia upravleniia sprosom na energoresursy v promyshlennosti. Monograph. Chelyabinsk: South Ural State University; 2020. 323 p. (In Russian).
12. World energy transitions outlook 2022. URL: <https://www.irena.org/Digital-Report/World-Energy-Transitions-Outlook-2022> (accessed: 11.03.2023).
13. Galkin Yu. V., Galkina A. A., Grushevenko D. A. et al. Perspektivy razvitiia mirovoi energetiki s uchetom vliianiia tekhnologicheskogo progressa. Moscow: Energy Research Institute of the Russian Academy of Sciences; 2020. 320 p. (In Russian).
14. Report of the Ministry of Energy of Russia "On Functioning and Development of Electric Power Engineering Industry in 2011". URL: <https://minenergo.gov.ru/node/3399> (accessed: 11.03.2023). (In Russian).
15. Rogalev N. D., Zybкова A. G., Zybкова I. V. et al. Ekonomika energetiki. Moscow: Moscow Power Engineering Institute; 2005. 288 p. (In Russian).
16. Power statistics. URL: <https://www.entsoe.eu/data/power-stats/> (accessed: 11.03.2023).
17. Kolibaba V. I., Kolibaba S. V. Key aspects and risk evaluation of the new model of the Russian Federation capacity market. *Vestnik of Ivanovo State Power Engineering University*. 2015;(1):71–75. (In Russian).
18. Statistics data. URL: <https://www.irena.org/statistics> (accessed: 11.03.2023).
19. AO "Sistemnyi operator Edinoi energeticheskoi sistemy". URL: <https://www.so-ops.ru/news/newonsite-view/news/20494/> (accessed: 11.03.2023). (In Russian).
20. Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki subektov Rossiiskoi Federatsii. 2021. Statistical databook. Moscow; 2021. 766 p. (In Russian).

Информация об авторе

А. П. Дзюба – доктор экономических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

A. P. Dzyuba – Doctor of Sciences (Economics), Senior Researcher.

Научная статья
УДК 339.138
DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-20-30

ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СТРАТЕГИЙ КОНТЕНТ-МАРКЕТИНГА КОМПАНИЙ НА РЫНКЕ B2B

Людмила Стратоновна Драганчук
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
draganchuk07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4319-1938>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы повышения роли стратегий контент-маркетинга в формировании конкурентоспособности компаний на рынке B2B. Проведен анализ подходов к определению понятий контент-маркетинга и стратегии контент-маркетинга, обращено внимание на недостаток академических исследований данных понятий, представлены авторские определения понятий контент-маркетинга и стратегии контент-маркетинга и рассмотрены преимущества и недостатки использования стратегии контент-маркетинга.

С целью выявления тенденций формирования стратегий контент-маркетинга в данной работе проведен сравнительный анализ их использования российскими (Сибирский регион) и североамериканскими компаниями, осуществляющими свою деятельность на рынке B2B. Результаты исследования показали, что в компаниях Сибирского региона менее зрелый контент-маркетинг, а также во многих из них стратегии не разрабатываются. Проведенное исследование позволило выявить схожесть целей реализуемых стратегий контент-маркетинга российскими компаниями Сибирского региона и североамериканскими компаниями, но в российских компаниях Сибирского региона стратегии контент-маркетинга редко документируются и не обсуждаются на регулярной основе.

Полученные результаты могут быть использованы при обосновании выбора стратегических решений в области коммуникации компании с потребителями и решении других вопросов стратегического управления.

Ключевые слова: социальные медиа, контент-маркетинг, стратегия контент-маркетинга, рынок B2B

Для цитирования: Драганчук Л. С. Тенденции в развитии стратегий контент-маркетинга компаний на рынке B2B // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 2. С. 20–30. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-20-30.

Original article

TRENDS IN DEVELOPING CONTENT MARKETING STRATEGIES IN B2B COMPANIES

Lyudmila S. Draganchuk
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
draganchuk07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4319-1938>

Abstract. The article discusses issues related to increasing the role of content marketing strategies in building the competitive power of B2B companies. The author analyzed the approaches to determine the definition of content marketing and strategies of content marketing; focused on the drawbacks of academic research on these terms; proposed his own definitions of content marketing and content marketing strategies; and considered the advantages and disadvantages of applying content marketing strategies.

To detect trends in building content marketing strategies, a comparative analysis of their application by Russian (Siberian region) and North American enterprises working with the B2B market was conducted.

The study revealed that enterprises in the Siberian region are less advanced in content marketing, and most of them do not build content marketing strategies. The similarity in goals for implementing content marketing strategies by the Russian companies in the Siberian region and by the North American companies was identified. However, Russian companies rarely register and discuss any content marketing strategies.

The results obtained may be useful when substantiating the choice of strategic decisions in the company's communication with customers and for other strategic management issues.

Keywords: social media, content marketing, content marketing strategy, B2B market

For citation: Draganchuk L. S. Trends in developing content marketing strategies in B2B companies. *Surgut State University Journal*. 2023;11(2):20–30. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-20-30.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях возрастающей интенсивности конкуренции и развития информационных технологий проблемы привлечения и удержания новых потребителей на рынке B2B становятся все более острыми, что вынуждает компании направлять больше усилий на исследования поведения потребителей, на создание и укрепление взаимоотношений с ними.

Наблюдается устойчивая тенденция роста активного использования социальных медиа для достижения целей компаний (в том числе и маркетинговых). Так, согласно данным исследования о социальных медиа «Social Media Marketing Industry Report 2020», 86 % компаний в мире используют социальные медиа для развития своего бизнеса [1].

Социальные медиа способствуют появлению новых тенденций в развитии средств массовой информации, среди них: а) разработка комплекса коммуникаций в соответствии с критериями целевой аудитории; б) формирование доверия потребителей к деятельности компании без использования традиционной рекламы; в) развитие двусторонних коммуникаций (вопросы потребителей компании и ответы на них, комментарии потребителей, их публикации о компании или продукте); г) распространение контента в короткие сроки; д) доступность контента пользователям.

Согласно исследованию «The State of Social 2019 Report» [2], 59 % западных компаний оценивают социальные медиа как наиболее важную составляющую маркетинговой деятельности.

Вопросы использования социальных сетей как инструмента коммуникаций с потребителями становятся все более актуальными, поэтому с каждым годом их роль возрастает. Следует отметить, что социальные медиа оказывают значительное влияние на обновление и появление новых форматов коммуникаций с потребителями, а для многих они являются основным каналом получения информации.

Одним из популярных форматов создания и распространения информации в социальных медиа (контента), адресованной целевой аудитории, становится контент-маркетинг, который с каждым годом развивается более быстрыми темпами, чем традиционный маркетинг. По прогнозам, представленным в отчете «Global and United States Content Marketing Market Report & Forecast 2022–2028», объем мирового рынка контент-маркетинга вырастет с \$407,3 млрд в 2022 г. до \$877,66 млрд к 2028 г. со среднегодовым темпом роста 13,7 % [3]. Как отмечает И. Шамаев, «внутри маркетинга существует целая отрасль, которая вращается вокруг контента, известная как контент-маркетинг» [4].

В настоящее время среди авторов нет единства в понимании сущности контент-маркетинга. Акценты в его определениях сильно различаются. Некоторые авторы рассматривают контент-маркетинг как создание и распространение контента, имеющего ценность для аудитории, например, J. Pulizzi [5], J. Järvinen и H. Taiminen [6], С. Коноплицкий [7]. Другие исследователи предлагают трактовать контент-маркетинг как повествование о бренде, его истории в социальных сетях с целью изменения неактивного поведения

потребителей, например, С. du Plessis [8], J. Wuebben [9], R. Lieb [10], K. L. Miller [11]. J. Rowley предлагает рассматривать контент-маркетинг как процесс управления, который компании необходимо фокусировать на удовлетворении потребностей покупателей с целью получения прибыли, используя электронные каналы [12]. О. В. Милаева и Н. Е. Ростовская считают, что контент-маркетинг – это механизм формирования лояльности потребителей, создание потенциальной аудитории для долговременного взаимодействия (до одного года от запуска до получения ощутимых результатов) [13].

Анализ подходов к определению понятия контент-маркетинга, предложенных разными авторами, показывает, что существует недостаток теоретических исследований данного понятия и в дальнейшем необходимо усиление акцента на его научной разработке. Обобщая вышесказанное, попытаемся представить авторское определение контент-маркетинга. Автор определяет контент-маркетинг как маркетинговую технологию формирования и распространения полезного и востребованного контента для привлечения покупателей, а также установления с ними долгосрочных отношений.

Необходимым условием эффективного контент-маркетинга является разработка и реализация стратегии контент-маркетинга. Созданная с учетом особенностей целевой аудитории, такая стратегия активно влияет на привлечение и удержание потребителей, усиливая их вовлеченность в процесс совершения покупки.

Стратегия контент-маркетинга является одним из наиболее важных направлений «маркетинговой стратегии, поскольку она определяет следующее: кто, что, где, когда и как планируется взаимодействие с целевой аудиторией» [14, с. 24]. Данная стратегия относится к инструментальным стратегиям маркетинга, которые определяют способы наилучшего использования инструментов комплекса маркетинга для достижения поставленных целей в условиях конкуренции. Она входит в группу стратегий продвижения, определяющих содержание и средства коммуникации, а также тип целевой аудитории.

Следует отметить, что в настоящее время существует недостаток академических исследований стратегии контент-маркетинга. Авторы S. Feng, M. Ots объясняют это тем, что данная стратегия в последнее время стала быстроразвивающимся явлением, которое еще не сформировалось в отдельную область исследований [15].

В современной научной литературе подходы к определению сущности стратегии контент-маркетинга сильно различаются. Например, M. Bloomstein рассматривает стратегию контент-маркетинга как «планирование создания, доставки и управления полезным и пригодным для использования контентом» [16, с. 101]. Близкую позицию занимают следующие авторы: Н. Г. Швед [17], В. Шумов [18], K. Halvorson, M. Rach [19] и K. Rahim, B. Clemens [20], которые обращают внимание на долгосрочный характер стратегии контент-маркетинга, ее направленность на установление и укрепление доверительных отношений и взаимопонимания с целевой аудиторией, повышение лояльности и удержание существующих потребителей. R. Rose подчеркивает, что стратегия контент-маркетинга управляет контентом как стратегическим активом компании [21]. M. Brenner и L. Bedor отмечают направленность стратегии контент-маркетинга на привлечение потребителей к построению долгосрочных отношений, имеющих реальную и измеримую ценность для бизнеса [22].

Сформулируем авторское определение стратегии контент-маркетинга с учетом следующих положений:

- успешная рыночная деятельность компании в интернет-среде может быть достигнута за счет стратегических маркетинговых решений, обеспечивающих привлекательность и доступность контента;
- усилия компании необходимо направлять на решения, обеспечивающие успех не только в настоящее время, но и в долгосрочной перспективе;
- достижение целей компании обусловлено не только привлечением, но и удержанием существующих потребителей;
- взаимопонимание и укрепление отношений с целевой аудиторией оказывают боль-

шое влияние на процесс принятия потребителями решения о покупке.

Автор определяет стратегию контент-маркетинга как управленческую деятельность компании по выбору вариантов создания и распространения полезного и востребован-

ного контента для привлечения и удержания потребителей и построения с ними долгосрочных отношений.

Использование стратегии контент-маркетинга позволяет компаниям получить определенные преимущества (рис. 1).

Рис. 1. Преимущества использования стратегии контент-маркетинга

Примечание: составлено автором по [23].

Как видно на рис. 1, 81 % респондентов считают, что применение стратегии контент-маркетинга способствует объединению сотрудников вокруг стратегической цели. Такое же количество респондентов (81 %) отмечают, что применение стратегии помогает компаниям при выборе видов контента, 73 % указывают, что она помогает сфокусировать внимание на приоритетных направлениях, а 68 % считают, что ее применение помогает компании в распределении ресурсов для достижения оптимальных результатов. С помощью стратегии контент-маркетинга компании могут системно и качественно подходить к формированию и распространению контента.

Среди недостатков использования стратегии контент-маркетинга можно выделить сложность применения и оценки эффективности реализации, ограничения в использовании в ряде сфер бизнеса и др.

Несмотря на большое число публикаций, которые фокусируются на различных аспектах стратегии контент-маркетинга, недоста-

точно внимания уделено тенденциям в развитии стратегий контент-маркетинга российскими компаниями (Сибирский регион) и выявлению их особенностей в сравнении с американскими компаниями и, прежде всего, с североамериканскими. Северная Америка является крупнейшим в мире и быстро растущим B2B рынком контент-маркетинга с выручкой, превышающей выручку крупнейших мировых B2B рынков.

Таким образом, целью исследования является выявление тенденций в развитии стратегий контент-маркетинга российскими компаниями Сибирского региона на рынке B2B.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- определить значимые параметры развития стратегий контент-маркетинга на рынке B2B;
- определить тенденции в развитии стратегий контент-маркетинга российскими компаниями Сибирского региона в сопоставлении с североамериканскими компаниями, осуществляющими свою деятельность на рынке B2B.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования составили работы российских и зарубежных авторов, занимающихся исследованиями различных аспектов развития стратегий контент-маркетинга.

В процессе достижения поставленной цели использовались методы опроса, сравнения и обобщения, анализа и синтеза.

Для определения тенденций в развитии стратегий контент-маркетинга проведен сравнительный анализ российских (Сибирский регион) и североамериканских компаний, осуществляющих свою деятельность на рынке B2B. Для оценки тенденций в развитии стратегий контент-маркетинга североамериканских компаний использованы вторичные данные [23].

С целью выявления тенденций в формировании стратегий контент-маркетинга российскими компаниями Сибирского региона проведено исследование, которое состояло из нескольких этапов:

1) проведение фокус-группы экспертов, в которую вошли 11 руководителей и маркетологов российских компаний малого и среднего бизнеса (Сибирский регион), а также использование статей отечественных и зарубежных авторов для определения параметров стратегического развития контент-маркетинга;

2) составление анкеты, которая включала 20 вопросов открытого и закрытого типа с оценкой использования контент-маркетинга и стратегии контент-маркетинга в российских компаниях Сибирского региона;

3) проведение опроса, в котором приняли участие 380 респондентов (руководителей и маркетологов российских компаний малого и среднего бизнеса Сибирского региона), осуществляющих свою деятельность на рынке B2B. Заполнение формализованных анкет респондентами организовано при помощи интернета (через социальные сети). Сбор количественных данных осуществлялся через Google Форму;

4) обработка результатов опроса, анализ и интерпретация первичных данных;

5) анализ вторичных данных, характеризующих развитие стратегий контент-маркетинга североамериканских компаний;

6) сопоставление первичных и вторичных данных, полученных в результате проведенных исследований, для выявления тенденций в развитии стратегий контент-маркетинга российских компаний Сибирского региона.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

С ростом популярности интернета и развитием технологий снижается эффективность традиционных маркетинговых инструментов, что приводит компании к необходимости пересмотра сложившихся форматов взаимодействия с потребителями и поиску новых в долгосрочном периоде, к числу которых относится стратегия контент-маркетинга.

В результате экспертного опроса предложены следующие значимые параметры развития стратегий контент-маркетинга: уровень зрелости контент-маркетинга, наличие разработанной стратегии контент-маркетинга, цель ее разработки и реализации, документированность стратегии контент-маркетинга и частота ее обсуждения в компании.

Исследование тенденций в развитии стратегий контент-маркетинга в российских компаниях Сибирского региона в сравнении с североамериканскими компаниями, осуществляющими свою деятельность на рынке B2B, позволило получить следующие результаты.

Многие исследователи указывают на определенное отставание российских компаний от западных, которые на 5–6 лет раньше начали активно использовать контент-маркетинг, что подтверждают результаты проведенного исследования. Как показали результаты, 42 % российских респондентов оценили уровень развития контент-маркетинга в компаниях как «Юность», 25 % респондентов считают, что контент-маркетинг находится на уровне «Взрослый», такое же количество респондентов (25 %) оценивают уровень его развития как «Первые шаги» и только лишь 8 % респондентов оценивают уровень развития как «Зрелость». В Северной Америке 34 % респондентов оценили уровень развития контент-маркетинга в компаниях как «Взрослый», 29 % считают, что контент-маркетинг находится на уровне «Юность», 25 % – оценивают уровень как «Зрелость» и лишь 12 %

считают, что уровень развития контент-маркетинга находится на стадии «Первые шаги» (рис. 2).

Охарактеризуем более детально уровни развития контент-маркетинга. Уровень «Первые шаги» – компания занимается некоторыми аспектами контент-маркетинга, но ресурсы ограниченные и отсутствует организация контент-маркетинга как процесса, стратегия контент-маркетинга может отсутствовать. Уровень «Юность» – проблемы роста, связанные с созданием согласованной стратегии контент-маркетинга и планом ее измерений. Уровень «Взрослый» – компания расширяет использование контент-маркетинга и внедряет в практику более точные подходы к измерению результатов контент-маркетинга и стратегии контент-маркетинга. Однако разрозненность данных и отсутствие информации о результатах контент-маркетинга и ре-

ализации стратегии может замедлять их развитие. Уровень «Зрелость» – компания добивается успеха в контент-маркетинге и в реализации стратегий контент-маркетинга, которые направлены на достижение целей компании и удовлетворение потребностей пользователей, но при этом испытывает трудности с интеграцией этого процесса в рамках всей организации.

По мере того как уровень развития контент-маркетинга в компании растет, формируются условия для разработки и применения стратегии контент-маркетинга, и, вероятно, компания становится более успешной. Большинство руководителей наиболее успешных компаний отметили, что контент-маркетинг в их компаниях находится на стадии «Зрелость». В менее успешных компаниях контент-маркетинг нередко находится на этапе «Юность» или «Первые шаги».

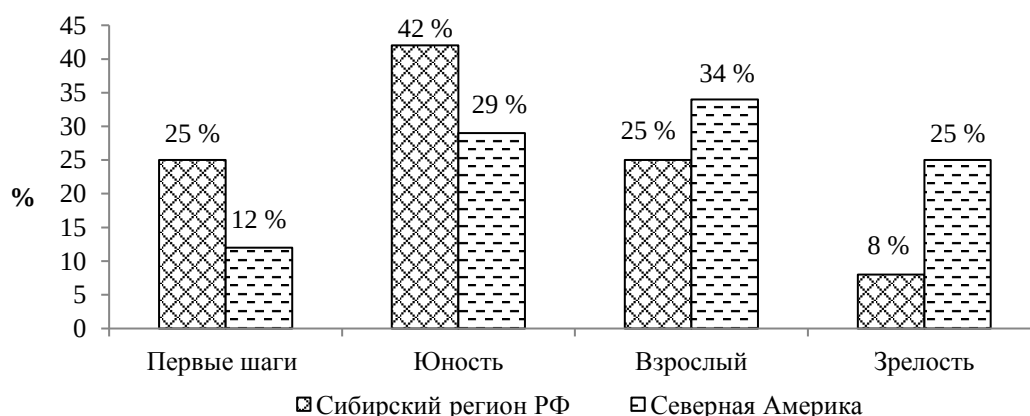

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как вы оцениваете уровень развития контент-маркетинга в вашей компании?»
Примечание: составлено автором на основании данных, полученных в ходе исследования.

Сегодня стратегии контент-маркетинга разрабатывают далеко не все компании, осуществляющие свою деятельность на рынке B2B не только в Сибирском регионе России, но и в Северной Америке. Как показали результаты исследования, 39 % американских респондентов ответили, что в их компаниях разработана стратегия контент-маркетинга, столько же респондентов считают, что стратегия контент-маркетинга еще находится в разработке. Среди российских респондентов лишь 11 % уверенно говорят о разработан-

ных стратегиях контент-маркетинга, тогда как 31 % опрошенных считают, что стратегия контент-маркетинга пока разрабатывается. Более 30 % российских респондентов склоняются к тому, что в их компаниях стратегии контент-маркетинга нет, тогда как среди американских респондентов так считают лишь 5 % (рис. 3). Причиной отсутствия планов к разработке стратегии контент-маркетинга в течение года респонденты называли «отсутствие поддержки со стороны руководителей», «отсутствие координации

между отделами», «отсутствие квалифицированных кадров для ее разработки» и др. Респонденты обратили внимание на различия

в понимании самого термина «стратегия контент-маркетинга» сотрудниками компании.

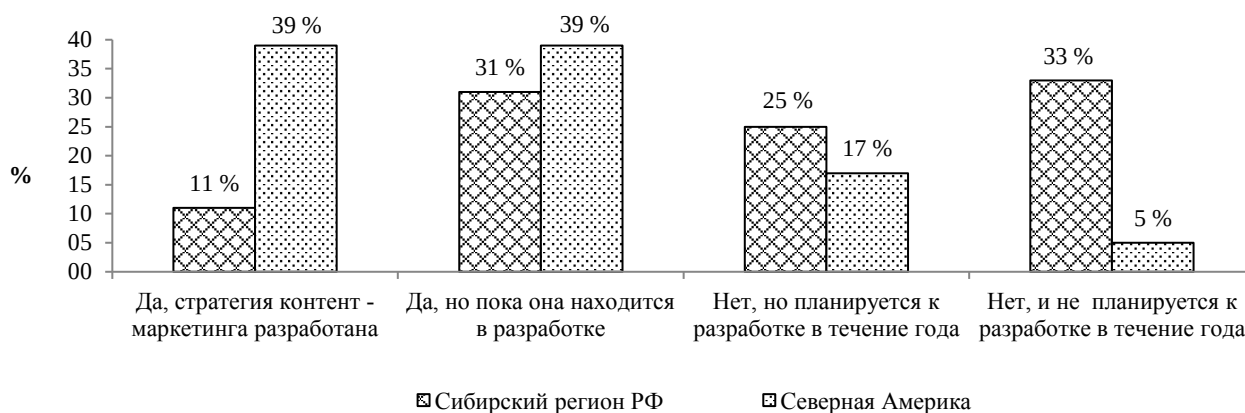

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос:

«Разрабатывает ли ваша компания стратегию контент-маркетинга?»

Примечание: составлено автором на основании данных, полученных в ходе исследования.

Разработка контент-маркетинга и стратегий контент-маркетинга является относительно новым направлением в маркетинговой деятельности российских компаний на рынке B2B. Проведенное исследование показало, что цели, для достижения которых разрабатывается и реализуется стратегия контент-маркетинга, в российских компаниях Сибирского региона и в североамериканских компаниях во многом схожи. Так, в большинстве российских и американских компаний стратегии контент-маркетинга разрабатываются и реализуются в первую очередь для достижения целей по привлечению но-

вых клиентов (83 % и 68 % соответственно) и для повышения узнаваемости бренда (75 % и 81 % соответственно) (рис. 4). При этом половина российских компаний Сибирского региона и североамериканских компаний успешно используют стратегии контент-маркетинга в маркетинговой активности преимущественно для достижения целей по повышению лояльности клиентов (50 % и 54 % соответственно).

Вместе с тем некоторые российские респонденты (5 % опрошенных) отметили, что цели стратегии контент-маркетинга в их компаниях не всегда четко сформулированы.

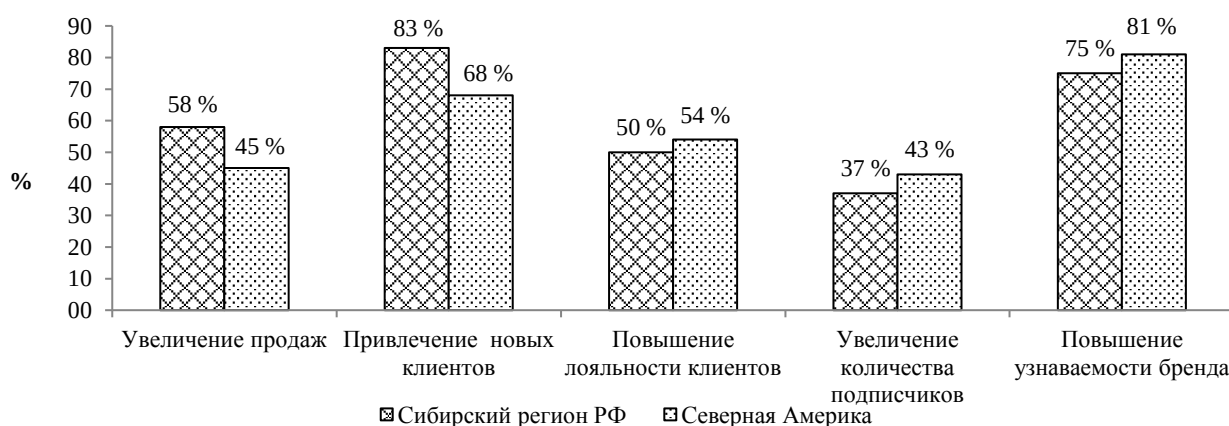

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос:

«Для достижения каких целей разрабатывается и реализуется стратегия контент-маркетинга в вашей компании?»

Примечание: составлено автором на основании данных, полученных в ходе исследования.

Документированная стратегия контент-маркетинга часто является ключевым показателем успеха контент-маркетинга. Среди российских респондентов только 26 % опрошенных ответили, что в компаниях, где они работают, стратегии контент-маркетинга документируются, тогда как среди американских – доля таких стратегий почти в два раза выше

и составляет 50 % (рис. 5). При этом как российские, так и американские респонденты отметили более высокий уровень контент-маркетинга в компаниях, где есть документированная стратегия контент-маркетинга по сравнению с теми компаниями, у которых такой стратегии нет.

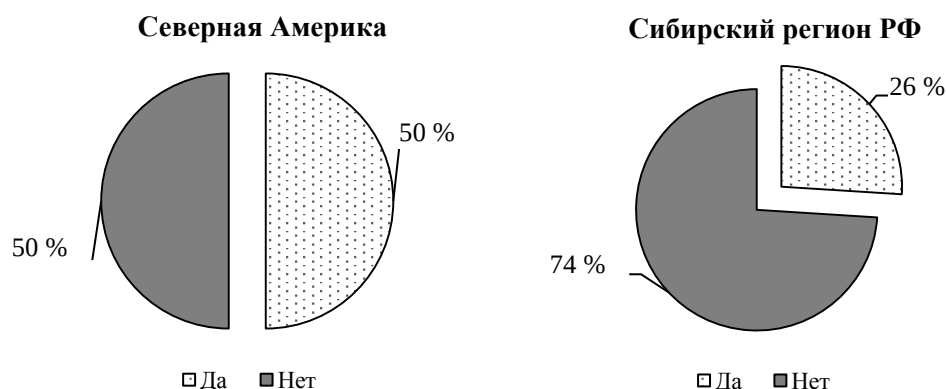

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«В вашей компании документированная стратегия контент-маркетинга?»
Примечание: составлено автором на основании данных, полученных в ходе исследования.

Сравнение российских и американских компаний по частоте обсуждения стратегии контент-маркетинга представлено на рис. 6. Если в российских компаниях обсуждение стратегии контент-маркетинга проводится в основном по мере необходимости (так ответили 52 % опрошенных), то в американских компаниях чаще всего один раз в одну-две недели (так ответили 45 % опрошенных).

Если в американских компаниях ежедневное обсуждение стратегии контент-маркетинга отмечают 8 % респондентов, то в российских компаниях 0 %. Американские и российские респонденты отметили более высокую эффективность стратегий контент-маркетинга в тех компаниях, где сотрудники встречаются чаще для ее обсуждения (ежедневно или один раз в одну-две недели).

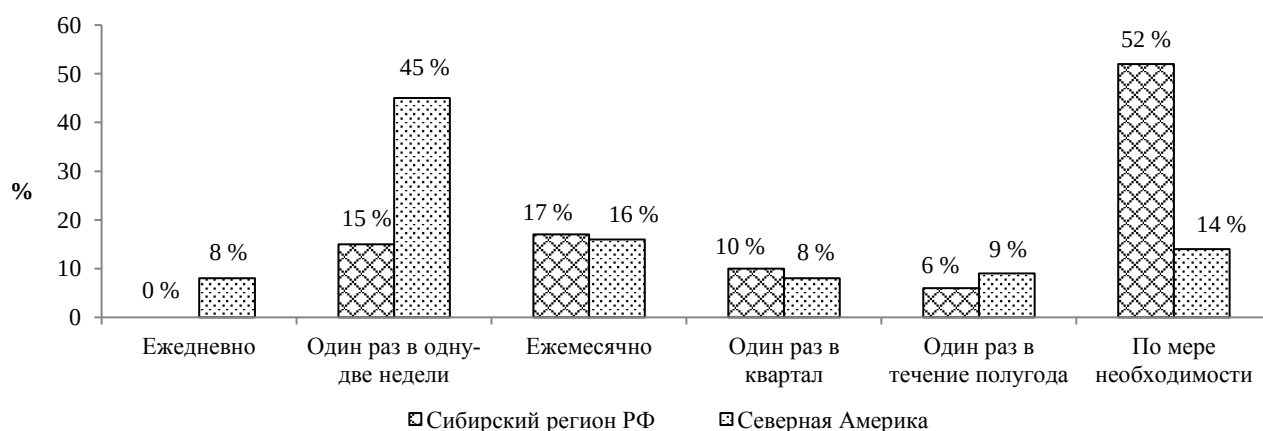

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос:
«Как часто в вашей компании проводится обсуждение стратегии контент-маркетинга?»
Примечание: составлено автором на основании данных, полученных в ходе исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование достигло поставленных целей. Определены такие значимые параметры формирования стратегии контент-маркетинга, как: уровень развития контент-маркетинга, наличие разработанной стратегии контент-маркетинга, цель ее разработки и реализации, документированность стратегии контент-маркетинга, частота ее обсуждения в компании.

На основе сравнительного анализа развития стратегий контент-маркетинга в российских компаниях Сибирского региона и североамериканских компаниях, осуществляющих деятельность на рынке B2B, выявлены тенденции их формирования в сибирских компаниях.

На основании результатов исследования можно сделать следующие выводы.

Доля российских компаний Сибирского региона на рынке B2B, применяющих стратегии контент-маркетинга, ниже, чем североамериканских, относительно ниже и уровень развития в них контент-маркетинга. Несмотря на то, что во многих российских компаниях Сибирского региона, действующих на рынке B2B, применяется контент-маркетинг, последовательный, системный контент-маркетинг, который направлен на реализацию

целей компании, во многих из них отсутствует. Такая ситуация сдерживает развитие стратегии контент-маркетинга и рост конкурентоспособности российских компаний Сибирского региона на рынке B2B. Среди факторов, препятствующих широкому применению стратегии контент-маркетинга в российских компаниях, респонденты назвали: 1) различия в понимании самого термина сотрудниками компании; 2) отсутствие документального оформления; 3) нечеткое формулирование цели стратегии; 4) недостаток квалифицированных сотрудников для ее разработки; 5) редкие встречи сотрудников компании для обсуждения стратегии контент-маркетинга. Снижению влияния негативных факторов и преодоления отставания в развитии стратегий контент-маркетинга в российских компаниях Сибирского региона может способствовать изучение практики разработки, применения контент-маркетинга и стратегий контент-маркетинга зарубежными компаниями.

Результаты исследования могут быть использованы при выборе стратегических решений в области коммуникации компании с целевой аудиторией и в решении других вопросов стратегического управления.

Список источников

1. Social media examiner. URL: <http://www.socialmediaexaminer.com> (дата обращения: 07.02.2023).
2. State of social 2019. URL: <https://buffer.com/state-of-social-2019> (дата обращения: 07.02.2023).
3. Global and United States content marketing market report & forecast 2022–2028. URL: <https://www.absolutereports.com/global-and-united-states-content-market-20605879> (дата обращения: 07.02.2023).
4. Шамаев И. Что такое контент-маркетинг? Матрица контент-маркетинга. URL: <https://ivan-shamaev.ru/about-content-marketing/> (дата обращения: 07.02.2023).
5. Pulizzi J. Epic Content marketing: How to tell a different story, break through the clutter, and win more customers by marketing less. New York: McGraw-Hill Education; 2013. 352 p.
6. Järvinen J., Taiminen H. Harnessing marketing automation for B2B content marketing. *Industrial Marketing Management*. 2016;(54):164–175.
7. Коноплицкий С. Введение в контент-маркетинг. Теория и практика. URL: https://lom.nsu.ru/wp-content/uploads/2018/11/kontent-marketing_Konoplickiy.pdf

References

1. Social media examiner. URL: <http://www.socialmediaexaminer.com> (accessed: 07.02.2023).
2. State of social 2019. URL: <https://buffer.com/state-of-social-2019> (accessed: 07.02.2023).
3. Global and United States content marketing market report & forecast 2022–2028. URL: <https://www.absolutereports.com/global-and-united-states-content-market-20605879> (accessed: 07.02.2023).
4. Shamaev I. Chto takoe kontent-marketing? Matritsa kontent-marketinga. URL: <https://ivan-shamaev.ru/about-content-marketing/> (accessed: 07.02.2023). (In Russian).
5. Pulizzi J. Epic Content marketing: How to tell a different story, break through the clutter, and win more customers by marketing less. New York: McGraw-Hill Education; 2013. 352 p.
6. Järvinen J., Taiminen H. Harnessing marketing automation for B2B content marketing. *Industrial Marketing Management*. 2016;(54):164–175.
7. Konoplytsky S. Vvedenie v kontent-marketing. Teoriia i praktika. URL: https://lom.nsu.ru/wp-content/uploads/2018/11/kontent-marketing_Konoplickiy.pdf (accessed: 07.02.2023). (In Russian).

- content/uploads/2018/11/kontent-marketing_Konoplickiy.pdf (дата обращения: 07.02.2023).
8. Du Plessis C. Academic guidelines for content marketing: Research-based recommendations for better practice. In: *Proceedings of the LCBR European Marketing Conference*. 2015. URL: <https://lcbarchives.com/media/files/DuPlessis.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).
 9. Wuebben J. Content is currency: Developing powerful content for web and mobile. Boston, MA: Nicholas Brealey; 2012. 228 p.
 10. Lieb R. Content marketing: Think like a publisher – How to use content to market online and in social media. Indianapolis: Que Publishing; 2012. 240 p.
 11. Miller K. L. Content marketing for nonprofits: A communications map for engaging your community, becoming a favorite cause, and raising more money. San Francisco, CA: John Wiley & Sons; 2013. 432 p.
 12. Rowley J. Understanding digital content marketing. *Journal of Marketing Management*. 2008;24(5–6):517–540.
 13. Милаева О. В., Ростовская Н. Е. Контент-маркетинг: к вопросу определения понятия // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5, № 1. С. 162–168.
 14. Шевченко Д. А. Контентная стратегия организации: организация и планирование // Практический маркетинг. 2022. № 9. С. 24–29.
 15. Feng S., Ots M. Content marketing: A review of academic literature and future research directions. In: *Proceedings of the Conference of the European Media Management Association “Development and Sustainability in Media Business”*, the Business School of the University of Hamburg, Germany, May 27–29, 2015. URL: <https://studyres.com/doc/7146342/content-marketing--a-review-of-academic-literature-and-fu...> (дата обращения: 07.02.2023).
 16. Bloomstein M. Content strategy at work: Real-world stories to strengthen every interactive project. Waltham, MA: Morgan Kauffman; 2012. 163 p.
 17. Швед Н. Г. Контент-маркетинг как стратегия коммуникации с аудиторией: подходы и возможности // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия. 2019. № 1. С. 273–278.
 18. Шумов В. Контент-стратегия AmoCRM. URL: <https://texterra.ru/upload/img/kontent-marketingovaya-strategiya-dlya-amocrm-ru.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).
 19. Halvorson K., Rach M. Content strategy for the web. Berkeley, CA: New Riders; 2012. 197 p.
 20. Rahim K., Clemens B. Organizational goals and performances measurement criteria for content marketing. *Journal of Communication and Computer*. 2012;9(8):896–904.
 21. Rose R. How content strategy and content marketing are separate but connected. URL: <http://contentmarketinginstitute.com/2013/10/content-strategy-content-marketing-separate-connected/> (дата обращения: 07.02.2023).
 22. Du Plessis C. Academic guidelines for content marketing: Research-based recommendations for better practice. In: *Proceedings of the LCBR European Marketing Conference*. 2015. URL: <https://lcbarchives.com/media/files/DuPlessis.pdf> (accessed: 07.02.2023).
 9. Wuebben J. Content is currency: Developing powerful content for web and mobile. Boston, MA: Nicholas Brealey; 2012. 228 p.
 10. Lieb R. Content marketing: Think like a publisher – How to use content to market online and in social media. Indianapolis: Que Publishing; 2012. 240 p.
 11. Miller K. L. Content marketing for nonprofits: A communications map for engaging your community, becoming a favorite cause, and raising more money. San Francisco, CA: John Wiley & Sons; 2013. 432 p.
 12. Rowley J. Understanding digital content marketing. *Journal of Marketing Management*. 2008;24(5–6):517–540.
 13. Milaeva O. V., Rostovskaya N. E. Content-marketing: To the question of definition of the concept. *Science. Society. State*. 2017;5(1):162–168. (In Russian).
 14. Shevchenko D. A. Content strategy of the organization: Planning and implementation. *Practical Marketing*. 2022;(9):24–29. (In Russian).
 15. Feng S., Ots M. Content marketing: A review of academic literature and future research directions. In: *Proceedings of the Conference of the European Media Management Association “Development and Sustainability in Media Business”*, the Business School of the University of Hamburg, Germany, May 27–29, 2015. URL: <https://studyres.com/doc/7146342/content-marketing--a-review-of-academic-literature-and-fu...> (accessed: 07.02.2023).
 16. Bloomstein M. Content strategy at work: Real-world stories to strengthen every interactive project. Waltham, MA: Morgan Kauffman; 2012. 163 p.
 17. Shved N. G. Content marketing as a communication strategy with the audience: Approaches and opportunities. *Sotsialnye kommunikatsii: nauka, obrazovanie, professiia*. 2019;(1):273–278. (In Russian).
 18. Shumov V. Kontent-strategiia AmoCRM. URL: <https://texterra.ru/upload/img/kontent-marketingovaya-strategiya-dlya-amocrm-ru.pdf> (accessed: 07.02.2023). (In Russian).
 19. Halvorson K., Rach M. Content strategy for the web. Berkeley, CA: New Riders; 2012. 197 p.
 20. Rahim K., Clemens B. Organizational goals and performances measurement criteria for content marketing. *Journal of Communication and Computer*. 2012;9(8):896–904.
 21. Rose R. How content strategy and content marketing are separate but connected. URL: <http://contentmarketinginstitute.com/2013/10/content-strategy-content-marketing-separate-connected/> (accessed: 07.02.2023).
 22. Brenner M., Bedor L. The content formula: Calculate the ROI of content marketing and never waste

22. Brenner M., Bedor L. The content formula: Calculate the ROI of content marketing and never waste money again. West Chester, PA: Marketing Insider Group; 2015. 104 p.
23. B2B content marketing 2020: Benchmarks, budgets, and trends – North America report. URL: https://contentmarketinginstitute.com/wp-content/uploads/2019/10/2020_B2B_Research_Final.pdf (дата обращения: 07.02.2023).
23. B2B content marketing 2020: Benchmarks, budgets, and trends – North America report. URL: https://contentmarketinginstitute.com/wp-content/uploads/2019/10/2020_B2B_Research_Final.pdf (accessed: 07.02.2023).

Информация об авторе

Л. С. Драганчук – кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

L. S. Draganchuk – Candidate of Sciences (Economics), Docent.

Научная статья

УДК 330.524:669.3

DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-31-37

АНАЛИЗ ДОЛГОСРОЧНОЙ ДИНАМИКИ ЗАПАСОВ МЕДИ В ЭКОНОМИКЕ США

Антон Андреевич Емельянов¹, Наталья Рэмовна Кельчевская²,
Ксения Андреевна Попова³, Ирина Сергеевна Пельмская^{4✉}

^{1, 2, 3, 4} Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ emelyanov.anton@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0003-1119-9687>

² n.r.kelchevskaya@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7278-026X>

³ k.a.popova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8871-9460>

⁴ i.s.pelymskaya@urfu.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-3624-2506>

Аннотация. В статье проведен анализ накопленного уровня запасов меди в составе готовых изделий в экономике США (copper-in-stock) за период с 1900 по 2017 гг. Анализ дополнен оценкой внешней торговли медью в составе готовых изделий. Это позволяет получить более объективную оценку запасов меди в экономике США. Полученные результаты указывают на рост удельных (на человека) запасов меди в экономике США, а также дают оценку потенциальных ресурсов меди с позиции экономики замкнутого цикла. В статье делается вывод, что в условиях широкого распространения глобальных цепочек добавленной стоимости анализ потребления металлов должен дополняться анализом движения металлов во внешней торговле в составе готовых изделий. Это позволит получить более объективную оценку запасов металлов в экономике для определения потенциала рециклинга.

Ключевые слова: экономика замкнутого цикла, металлоемкость экономики, запасы меди в экономике США, потребление меди в США, постиндустриальная экономика

Для цитирования: Емельянов А. А., Кельчевская Н. Р., Попова К. А., Пельмская И. С. Анализ долгосрочной динамики запасов меди в экономике США // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 2. С. 31–37. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-31-37.

Original article

ANALYSIS OF LONG-TERM DYNAMICS OF COPPER-IN-STOCK IN THE US ECONOMY

Anton A. Emelyanov¹, Natalya R. Kelchevskaya², Kseniya A. Popova³, Irina S. Pelymskaya^{4✉}

^{1, 2, 3, 4} Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,

Yekaterinburg, Russia

¹ emelyanov.anton@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0003-1119-9687>

² n.r.kelchevskaya@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7278-026X>

³ k.a.popova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8871-9460>

⁴ i.s.pelymskaya@urfu.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-3624-2506>

Abstract. The article analyzes the amount of copper-in-stock as a part of finished articles in the US economy from 1900 to 2017. In addition, an assessment of the external trade of copper as a part of finished articles is conducted. All of that allows collecting a non-biased assessment of copper-in-stock in the US economy. The results obtained demonstrate an increase in specific (per capita) copper-in-stock in the US economy and an assessment of potential copper resources in terms of the circular economy. The authors conclude that an analysis of copper consumption should be accompanied by an analysis of copper as a part of finished articles

movement in the external trade during the global value chain spread. That strategy will provide a more non-biased assessment of copper-in-stock in the economy in order to determine its recycling potential.

Keywords: circular economy, copper intensity in economy, copper-in-stock in the US economy, copper consumption in the US, postindustrial economy

For citation: Emelyanov A. A., Kelchevskaya N. R., Popova K. A., Pelymskaya I. S. Analysis of long-term dynamics of copper-in-stock in the US economy. *Surgut State University Journal*. 2023;11(2):31–37. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-31-37.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы соотношения потребления материальных ресурсов и экономического роста, повторного использования материальных ресурсов в контексте устойчивого развития экономики неизменно остаются актуальными, начиная с последней четверти XX в. Возникновение и развитие концепции экономики замкнутого цикла и повсеместное распространение принципов устойчивого развития повышают актуальность исследования этих вопросов в особенности для постиндустриальных экономик.

Принято считать, что в отличие от индустриального общества экономический рост и экономическое развитие в постиндустриальной экономике не требует и не зависит от объема производства материальных ресурсов, поскольку происходит дематериализация экономики [1–3]. Однако существуют и альтернативные оценки, указывающие на причину дематериализации, как на результат международного разделения труда [4].

Вопрос потребления и потенциальных источников материальных ресурсов для рециклинга в рамках постиндустриальной экономики представляет интерес как с практической, так и с теоретической точки зрения.

В рамках данной статьи мы хотели бы оценить динамику запасов меди в постиндустриальной экономике и тех изменений, которые с ними происходят в долгосрочном периоде на примере потребления меди в США.

Анализу долгосрочных тенденций такого потребления посвящены работы «Анализ потоков меди в США с 1975 по 2012 гг.» [5], «Анализ количества и средний возраст запасов меди в продукции в США с 1985 по 2014 гг.» [6] и «Запасы и потоки меди

в США: анализ цикла оборота за период 1970–2015 гг. и потенциала повышения извлечения» [7]. При всех достоинствах указанных работ они, на наш взгляд, не в полной мере учитывают сальдо внешней торговли медью в готовой продукции. Однако с учетом развития глобальных цепочек добавленной стоимости, в рамках которых производится подавляющая часть продукции современной обрабатывающей промышленности [8], анализ движения меди в составе готовой продукции представляется необходимой частью анализа потребления меди в постиндустриальной экономике.

Настоящей работой мы хотели бы восполнить этот пробел. Таким образом, основной целью нашего исследования является анализ динамики абсолютного и удельного уровня запасов меди в экономике США в период с 1900 по 2017 гг., дополненный анализом внешней торговли медью в готовых изделиях.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Центральным в нашем анализе является показатель запаса меди в составе готовых изделий в экономике (copper-in-stock). Этот показатель отражает количество меди в составе готовых изделий, которое находится в непосредственном использовании в экономике.

Накопленный уровень запасов (copper-in-stock) (S) может быть определен, как разница между накопленным потреблением меди за анализируемый период и накопленным объемом меди в изделиях, утративших свои потребительские свойства (A). Уровень запасов меди в продукции (S) может быть представлен выражением (1), объем меди в изделиях, потерявших потребительские свойства (A) выражением (2).

$$S_Y = \sum_i^Y U_i - \sum_i^Y A_i, \quad (1)$$

где S_Y – накопленный объем запасов меди в медьсодержащей продукции в расчетном году Y ;

U_i – объем видимого потребления меди в i -году;

A_i – объем меди в изделиях, потерявших свои потребительские свойства в i -году.

$$A_Y = \sum_{i=Y-n}^Y U_i \left[\Phi \left(Y, L, \frac{L}{4} \right) \right], \quad (2)$$

где A_Y – объем меди в изделиях, потерявших свои потребительские свойства, в расчетном году Y ;

U_i – объем потребления меди в i -году;

L – средний срок службы медьсодержащих изделий;

Φ – значение функции нормального распределения для расчетного года Y с параметрами распределения L (среднее значение) и $\frac{L}{4}$ (стандартное отклонение).

Для моделирования объема меди в изделиях, потерявших свои потребительские свойства (A), видимое потребление США для каждого i -года (U_i) было разделено на пять основных секторов применения меди, отличающихся сроком жизни изделий: строительство, электрическая и электронная продукция, промышленное оборудование, транспорт, прочая продукция (включая боеприпасы). Структура видимого потребления меди, а также средний срок службы медьсодержащих изделий были приняты на основе анализа работ [5, 8, 9] и представлены в табл. 1.

Таблица 1

Структура видимого потребления меди и средний срок службы медьсодержащих изделий

Период	Строительство	Электрическая и электронная продукция	Промышленное оборудование	Транспорт	Прочие изделия
Структура видимого потребления меди, %					
1900–1929 гг.	32	26	17	15	10
1930–1959 гг.	31	26	16	17	10
1960–1979 гг.	32	26	16	14	12
1980–1999 гг.	40	25	13	12	10
2000–2017 гг.	48	21	9	11	11
Средний срок службы, годы	70	10	20	10	10

Примечание: составлено по [5, 8, 9, 10].

Уровень видимого потребления меди в США был дополнен движением меди в составе внешней торговли медьсодержащей продукцией. Учет меди в готовой продукции влечет за собой ряд трудностей методического характера, однако вполне выполним. Подходы к определению веса меди в составе готовых изделий были подробно изложены в работе [11]. Исходными данными по объемам экспорта и импорта медьсодержащих изделий в США послужила база международной торговли ООН (UN Comtrade) [12].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Накопленный объем запасов меди в изделиях в экономике США составил 74,7 млн т меди на 2017 г., исходя из полученных

результатов моделирования. Полученная оценка не противоречит и сопоставима с данными, приводимыми Международной Ассоциацией Меди (*International Copper Association*), для Северной Америки (включает США и Канаду). По состоянию на 2020 г. суммарный объем запаса меди в готовых изделиях в экономиках США и Канады составил 85,8 млн т [13].

На рис. 1 представлены графики абсолютных и удельных накопленных запасов меди в изделиях в экономике США с 1900 по 2017 гг.

Если рассмотреть динамику абсолютного уровня запасов меди в экономике США (*copper-in-stock*), то можно сделать заключение, что она линейно возрастает на протяже-

нии всего исследуемого периода. Переход к постиндустриальным моделям развития экономики не приводит к какому-либо сокращению абсолютных темпов прироста запасов меди в изделиях, что было бы логичным в рамках процесса дематериализации постиндустриальной экономики. Наоборот,

после 1975 г. происходит ускорение темпов прироста запасов меди в экономике США. Так, если в период с 1900 по 1975 гг. среднегодовой абсолютный прирост накопленного объема запасов меди в изделиях составлял 0,55 млн т Cu в год, то в период с 1975 по 2017 гг. он составил 0,79 млн т Cu в год.

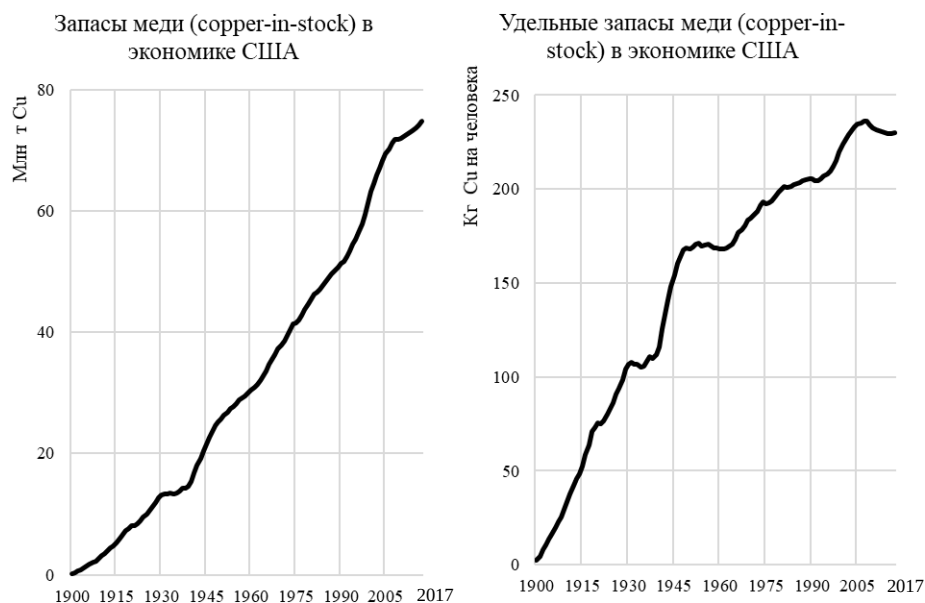

Рис. 1. Накопленные запасы меди в изделиях в экономике США с 1900 по 2017 гг.

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Относительный (на человека) уровень запасов меди в изделиях в США, также характеризовался устойчивой положительной динамикой на протяжении анализируемого периода. Рост удельного уровня запасов меди чередовался сохранением на определенных уровнях, по всей видимости, характеризующих материальное благосостояние общества на определенном этапе развития. Так, в период с 1900 по 1930 гг. наблюдался непрерывный рост запасов меди в изделиях до уровня 106 кг Cu на человека, который сохранялся до начала 1940-х гг. Следующий этап непрерывного роста пришелся на период с 1940 по 1950 гг. и завершился с достижением уровня запасов в 170 кг Cu на человека. Еще один этап роста с 1960 по 1990 гг. до уровня в 200 кг Cu на человека и, наконец, рост накопленных запасов меди в период с 1995 по 2008 гг. позволил достичь уровня обеспеченности медью в готовых изделиях на уровне 230 кг Cu на человека.

Анализ динамики накопленных запасов меди в изделиях в экономике США позволяет прийти к следующему выводу: абсолютный и относительный уровень потребления меди не снижается с переходом экономики к постиндустриальной модели развития. Более того, наблюдается активизация потребления, по всей видимости, обусловленная дальнейшим ростом уровня жизни.

На основании полученной оценки чистого импорта меди в изделия США мы также можем скорректировать оценку ежегодного видимого потребления меди. Произведенная корректировка позволяет прийти к принципиально иным выводам относительно динамики удельного и абсолютного потребления меди американской экономикой. Так, если опираться на данные видимого потребления без учета экспорта/импорта меди в изделиях, то следует, что с 1999 г. потребление меди в США начало резко снижаться с максимума в 3 млн т меди в год до 1,5–2 млн т год

к 2010–2020 гг., т. е. до уровня 1950-х гг. При этом потребление меди на душу населения, в среднем находившееся в диапазоне от 8 до 10 кг на человека в 1960–2000 гг., в период 2000–2020 гг. снижается до среднего значения 6 кг на человека.

Однако, если мы скорректируем видимое потребление на уровень чистого импорта меди в изделиях, то получим принципиально иные результаты.

Во-первых, абсолютное потребление меди в США не снижается с 1999 г., а продолжает расти, достигнув исторического максимума в 3,6 млн т в 2000 г. В последующем оно корректируется до уровня в 3 млн т в год и сохраняется на этом уровне до глобального финансового кризиса 2008 г. В ходе кризиса потребление снижается до 2,2 млн т (а не до 1,5 млн т если оперировать данными без учета импорта/экспорта меди в продукции) с последующим восстановительным ростом до 2,8 млн т меди в год. Таким образом, абсолютный уровень потребления не возвращается к уровню 1950-х гг., а продолжает сохраняться на достаточно высоком уровне, характерном для последней декады XX в.

Во-вторых, удельное потребление меди не снижается до уровня 6 кг на человека,

а сохраняется в историческом диапазоне 8–10 кг на человека.

Ключевую роль в поддержании видимого потребления играет импорт. Фактически происходит не стагнация или сокращение потребления, а замена продукции национальной промышленности продукцией промышленного комплекса других стран.

При этом важно показать, что в рамках формирования постиндустриальной экономики в США существовало два структурно различных этапа возникновения чистого импорта меди в США (рис. 2).

1. Первый этап (с начала 1970-х гг.) характеризовался возникновением чистого импорта рафинированной меди (медных катодов), что было обусловлено сохранением производственных мощностей американской обрабатывающей промышленности в условиях деградации горнодобывающей и металлургической промышленности США.

2. Второй этап (с середины 1990-х гг.) характеризовался возникновением чистого импорта меди в изделиях, что, на наш взгляд, являлось следствием усиления третичного сектора (сектора услуг) в экономике США и деградацией обрабатывающей промышленности.

Рис. 2. Динамика чистого импорта рафинированной меди и меди в изделиях и структура потребления меди в США

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании вышеизложенного мы можем заключить, что снижения уровня потребления меди в постиндустриальных экономиках не происходит. Уровень запасов меди в экономике не снижается, а возрастает. Это указывает на наличие и сохранение существенных объемов меди, которые доступны для вторичного использования в рамках экономики замкнутого цикла.

При этом то, что принимается как дематериализация, на наш взгляд, является следствием сохраняющейся деиндустриализацией развитых стран. Но деиндустриализация меняет не уровень, а форму потребления меди (и всех других материальных ресурсов) – она становится импортоориентированной. Таким образом, де-факто, мы имеем дело с другой характеристикой постиндустриального общества – интенсификацией процесса глобализации международной экономики, так как рост и поддержание достигнутого уровня жизни обеспечивается за счет импортных источников сырья или готовой продукции.

Также из вышеизложенного следует вывод о снижении объективности показателя видимого потребления меди без учета движения меди в составе готовых изделий. Это обусловлено движением значительной части потребленных сырьевых товаров в составе внешней торговли продукцией высоких переделов, что является важным фактором при описании потребления металлов в постиндустриальной экономике и для понимания материальных балансов стран. В эпоху широкого распространения глобальных цепочек создания стоимости показатель видимого потребления любых материальных ресурсов обладает определенной степенью условности и не отражает реального потребления как в развитых, так и в развивающихся странах. Альтернативным способом оценки уровня потребления меди, на наш взгляд, может выступать накопленный запас меди в изделиях (copper-in-stock), который мы использовали в настоящем исследовании.

Список источников

1. Наумова Е. И. Дематериализация капитализма: общественный интеллект и прекариат // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия. Конфликтология. 2016. № 1. С. 45–52.
2. Fix B. Dematerialization through services: Evaluating the evidence. *BioPhysical Economics and Resource Quality*. 2019;(4):6.
3. Meyer B., Meyer M., Distelkamp M. Modeling green growth and resource efficiency: New results. *Mineral Economics*. 2012;24:145–154.
4. Hannesson R. Are we seeing dematerialization of world GDP? *Biophys Econ Sust*. 2021;6:4.
5. Chen W., Wang M., Li X. Analysis of copper flows in the United States: 1975–2012. *Resour Conserv Recycl*. 2016;111:67–76.
6. Wang M., Liang Y., Yuan M. et al. Dynamic analysis of copper consumption, in-use stocks and scrap generation in different sectors in the U.S. 1900–2016. *Resour Conserv Recycl*. 2018;139:140–149.
7. Gorman M., Dzombak D. Stocks and flows of copper in the U.S.: Analysis of circularity 1970–2015 and potential for increased recovery. *Resour Conserv Recycl*. 2020;153:1–15.
8. Hernández V., Pedersen T. Global value chain configuration: A review and research agenda. *BRQ Business Research Quarterly*. 2017;20(2):137–150.
9. Passarini F., Ciacci L., Nuss P. et al. Material flow analysis of aluminium, copper, and iron in the EU-28.

References

1. Naumova E. I. Dematerialization of capitalism: General intellect and precariat. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 2016;(1):45–52. (In Russian).
2. Fix B. Dematerialization through services: Evaluating the evidence. *BioPhysical Economics and Resource Quality*. 2019;(4):6.
3. Meyer B., Meyer M., Distelkamp M. Modeling green growth and resource efficiency: New results. *Mineral Economics*. 2012;24:145–154.
4. Hannesson R. Are we seeing dematerialization of world GDP? *Biophys Econ Sust*. 2021;6:4.
5. Chen W., Wang M., Li X. Analysis of copper flows in the United States: 1975–2012. *Resour Conserv Recycl*. 2016;111:67–76.
6. Wang M., Liang Y., Yuan M. et al. Dynamic analysis of copper consumption, in-use stocks and scrap generation in different sectors in the U.S. 1900–2016. *Resour Conserv Recycl*. 2018;139:140–149.
7. Gorman M., Dzombak D. Stocks and flows of copper in the U.S.: Analysis of circularity 1970–2015 and potential for increased recovery. *Resour Conserv Recycl*. 2020;153:1–15.
8. Hernández V., Pedersen T. Global value chain configuration: A review and research agenda. *BRQ Business Research Quarterly*. 2017;20(2):137–150.
9. Passarini F., Ciacci L., Nuss P. et al. Material flow analysis of aluminium, copper, and iron in the EU-28.

- Luxemburg: Publications Office of the European Union; 2018. 100 p.
10. Yoshimura A., Matsuno Y. Dynamic material flow analysis and forecast of copper in global-scale: Considering the difference of recovery potential between copper and copper alloy. *Mater Trans.* 2018;59(6):989–998.
 11. Historical statistics for mineral and material commodities in the United States. URL: <https://www.usgs.gov/centers/national-minerals-information-center/historical-statistics-mineral-and-material-commodities> (дата обращения: 01.03.2023).
 12. UN comtrade database. URL: <https://comtrade.un.org/> (дата обращения: 01.03.2023).
 13. Stocks and flows. URL: <https://copperalliance.org/policy-focus/society-economy/circular-economy/stocks-flows/> (дата обращения: 01.03.2023).
- Luxemburg: Publications Office of the European Union; 2018. 100 p.
10. Yoshimura A., Matsuno Y. Dynamic material flow analysis and forecast of copper in global-scale: Considering the difference of recovery potential between copper and copper alloy. *Mater Trans.* 2018;59(6):989–998.
 11. Historical statistics for mineral and material commodities in the United States. URL: <https://www.usgs.gov/centers/national-minerals-information-center/historical-statistics-mineral-and-material-commodities> (accessed: 01.03.2023).
 12. UN comtrade database. URL: <https://comtrade.un.org/> (accessed: 01.03.2023).
 13. Stocks and flows. URL: <https://copperalliance.org/policy-focus/society-economy/circular-economy/stocks-flows/> (accessed: 01.03.2023).

Информация об авторах

А. А. Емельянов – кандидат экономических наук.
Н. Р. Кельчевская – доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.
К. А. Попова – аспирант.
И. С. Пелымская – кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

A. A. Emelyanov – Candidate of Sciences (Economics).
N. R. Kelchevskaya – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation.
K. A. Popova – Postgraduate.
I. S. Pelymskaya – Candidate of Sciences (Economics), Docent.

Научная статья
УДК 65.012.7:332.8
DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-38-45

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ КОНТРОЛЛИНГА В ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Татьяна Анатольевна Куприянова^{1✉}, Татьяна Борисовна Зыкова²

^{1,2} Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика
М. Ф. Решетнева, Красноярск, Россия

¹ kupriyanowa@list.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-4918-765X>

² tanaru@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3254-2301>

Аннотация. Жилищно-коммунальное хозяйство является одной из ключевых сфер жизнеобеспечения. Несмотря на постоянные реформы, проводимые в данной сфере, существует острая необходимость в поиске и разработке инструментов, обеспечивающих не только рост эффективности деятельности самих предприятий, но и повышение качества оказываемых услуг. В статье проводится оценка возможности использования различных инструментов контроллинга, таких как бюджетирование, SWOT-анализ, формирование дерева целей, учет по центрам финансовой ответственности, формирование системы управленческой отчетности, в практической деятельности предприятий жилищно-коммунального хозяйства. Раскрыты преимущества и недостатки внедрения инструментов контроллинга. Оценка рассматриваемых инструментов контроллинга проводилась на базе предприятий жилищно-коммунальной сферы Красноярского края, осуществляющих предоставление услуг в части сбора и обработки сточных вод.

Ключевые слова: контроллинг, инструменты контроллинга, жилищно-коммунальное хозяйство, управление

Для цитирования: Куприянова Т. А., Зыкова Т. Б. Практические аспекты использования инструментов контроллинга в жилищно-коммунальном хозяйстве // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 2. С. 38–45. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-38-45.

Original article

PRACTICAL ASPECTS OF CONTROLLING TOOLS IN HOUSING AND COMMUNAL SERVICES

Tatyana A. Kupriyanova^{1✉}, Tatyana B. Zykova²

^{1,2} Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia

¹ kupriyanowa@list.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-4918-765X>

² tanaru@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3254-2301>

Abstract. Housing and communal services are important components in providing life necessities. Despite the housing and communal reforms, there is still an urgent need for tools aimed at increasing both these enterprise's effective activities and the quality of their services. The article assesses the possibility of using such controlling tools as budgeting, SWOT analysis, creating the objective tree, accounting according to the financial responsibility centers, and developing a management responsibility system in the practice of housing and communal enterprises. The advantages and disadvantages of the controlling tools implementation are identified. The controlling tools assessment was conducted on the housing and communal enterprises providing sewage collection and treatment services in the Krasnoyarsk region.

Keywords: controlling, controlling tools, housing and communal services, management

For citation: Kupriyanova T. A., Zykova T. B. Practical aspects of controlling tools in housing and communal services. *Surgut State University Journal*. 2023;11(2):38–45. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-38-45.

ВВЕДЕНИЕ

Хотя российская экономика отошла от плановой экономики более 30 лет назад, полностью на принципы рыночной экономики сектор жилищно-коммунального хозяйства перейти не смог, несмотря на реализацию различных государственных мероприятий и программ. Исходя из цели государственной политики реформирования ЖКХ, заложенной в Жилищном кодексе РФ, основным направлением является полный переход на рыночные отношения в сфере ЖКХ при взаимоотношениях со всеми категориями клиентов.

Жилищно-коммунальное хозяйство представляет собой сложную структуру, включающую в себя различные направления и спектр оказываемых услуг, таких как:

- ресурсоснабжение – тепло и электро-снабжение, водоснабжение и водоотведение, газоснабжение;
- благоустройство;
- бытовое обслуживание.

Для обеспечения высокого качества оказания услуг и эффективного управления на предприятиях ЖКХ необходимо совершенствовать систему управления, позволяющую не только осуществлять текущее управление, но и прогнозировать будущие события [1].

Одним из передовых инструментов, позволяющих осуществить изменения в системе управления предприятием ЖКХ, является контроллинг, который обеспечивает интеграцию и координацию функций различных подразделений, а также совершенствует процессы принятия решений [2].

При разработке и внедрении инструментов контроллинга в деятельность предприятий ЖКХ необходимо учитывать специализацию каждого предприятия и соответствующие риски ведения деятельности. Так, рассматривая деятельность предприятий Красноярского края по сбору и очистке сточных вод, необходимо учитывать такие регуляторные риски, как:

- экологический риск;
- финансовый риск.

Экологический и финансовый риски могут наступить в результате низкого уровня технического состояния и высокого уровня износа объектов водопроводно-канализационного хозяйства. В Красноярском крае протяженность водопроводных сооружений в 2021 г.

составляла 9 466 км, из которых замене подлежит порядка 5 007,8 км. Протяженность канализационных сетей в 2021 г. составляла 3 826,3 км, из них нуждающихся в замене – 2 101,3 км. По результатам 2021 г. было заменено 12,7 км, что составляет 0,6 % от протяженности сетей, нуждающихся в замене.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Теоретической и методологической основой проведенного исследования послужили научные материалы в части разработки и внедрения системы контроллинга в деятельность предприятий, в том числе и жилищно-коммунального хозяйства. Объектом исследования являются предприятия жилищно-коммунального хозяйства, оказывающие услуги по сбору и обработке сточных вод Красноярского края.

При рассмотрении основных аспектов исследования использовались методы анализа, группировки и обобщения, табличный и графический формат подачи информационно-аналитических материалов, что позволило не только рассмотреть инструменты контроллинга, но и оценить возможность их внедрения в деятельность предприятий жилищно-коммунального хозяйства.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Система контроллинга представляет собой совокупность разнообразных инструментов, посредством которых формируется необходимый объем информации для обеспечения нужд управления, принятия эффективных управленческих решений в управлении бизнес-процессами на предприятиях ЖКХ [3].

Перечень инструментов, применяемых при внедрении контроллинга, зависит от цели и этапа реализации контроллинга (рис. 1).

В рамках реализации контроллинга проводится разработка стратегии развития предприятия, обеспечивающей эффективное управление развитием предприятия ЖКХ.

Разработку стратегии развития необходимо проводить по следующим направлениям:

- анализ сферы ЖКХ, т. е. спектра коммунальных услуг, оказываемых на данной территории;
- внешняя среда – анализ внешних факторов, влияющих на результаты деятельности;

- направления развития предприятия;
- анализ проблем, мешающих развитию предприятия [4].

При реализации указанных направлений проводится анализ основных факторов внешней и внутренней среды – SWOT-анализ.

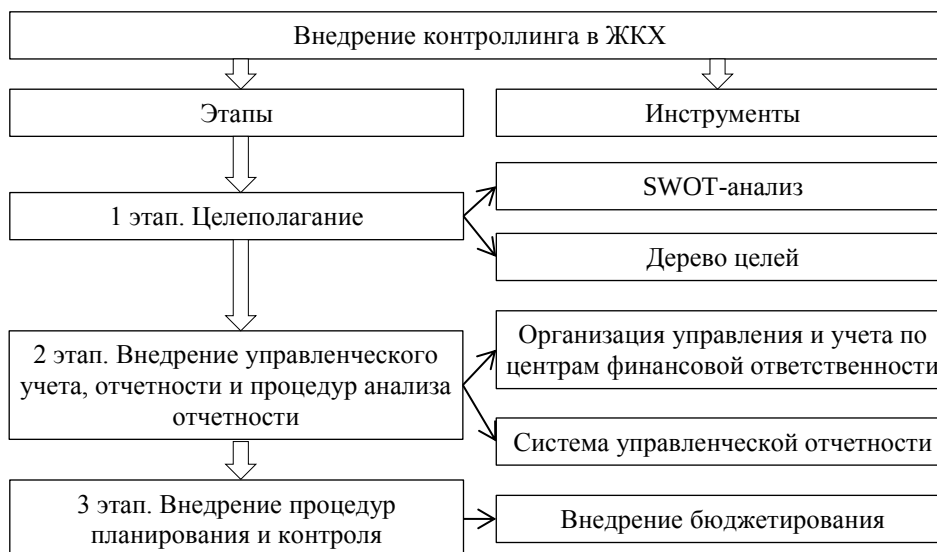

Рис. 1. Инструменты контроллинга в зависимости от этапа внедрения
Примечание: составлено авторами.

SWOT-анализ является методом стратегического планирования, в рамках которого проводится выявление факторов внутренней и внешней среды предприятия с выделением сильных и слабых сторон, возможностей и угроз. SWOT-анализ является универсальным инструментом, используемым как для оценки бизнеса в целом, так и при формировании стратегических планов, позволяющим

определить основные элементы, подлежащие отражению при разработке стратегических целей и задач предприятия [5].

SWOT-анализ предполагает два этапа проведения:

- 1) исследование проблем и перспектив развития организации (табл. 1);
- 2) построение матрицы сильных и слабых сторон, возможностей и угроз (табл. 2).

Таблица 1

Проблемы и перспективы развития организаций водоотведения и водоснабжения

Проблемы	Пути решения
Устаревшие производственные мощности	Модернизация и техническое перевооружение основных средств
Неэффективная тарифная политика	Формирование экономически обоснованного тарифа с учетом инвестиционной составляющей
Высокие затраты производственного процесса	Использование современных и менее затратных методов по очистке воды (ультрафиолетовая обработка воды)
Значительная величина дебиторской задолженности потребителей за услуги ЖКХ	Разработка инструментов по взысканию задолженности

Примечание: составлено авторами.

Таблица 2

SWOT-анализ предприятий водоснабжения и водоотведения Красноярского края

Сильные стороны	Слабые стороны
1. Монопольное положение на рынке 2. Доступность для всех слоев населения	1. Дефицит оборотных финансовых средств 2. Высокий уровень износа технологических сетей и оборудования 3. Низкая эффективность основных фондов

Окончание табл. 2

Возможности	Угрозы
1. Привлечение государственного финансирования для реализации инвестиционных проектов 2. Совершенствование финансирования и ресурсосбережения 3. Внедрение мероприятий по ресурсосбережению	1. Нестабильность экономики 2. Медленный рост реальных доходов населения 3. Существенная зависимость предприятий от стоимости топливно-энергетических ресурсов

Примечание: составлено авторами.

Из матрицы SWOT-анализа предприятий ЖКХ, специализирующихся на водоснабжении и водоотведении в Красноярском крае, можно сделать вывод, что сильной стороной является наличие стабильного спроса на услуги, причем увеличение частной малоэтажной застройки способствует еще большему росту спроса на услуги водоотведения; слабой же стороной деятельности является высокая степень износа коммуникационных сетей и технологического оборудования. В качестве возможностей развития предприятий можно выделить наличие возможностей по внедрению ресурсосберегающих и энергоэффективных технологий, при этом финансирование данных проектов можно осуществлять за счет муниципальных бюджетов в рамках финансирования реализации национальных проектов по модернизации ЖКХ.

Эффективность принимаемых решений по результатам оценки внутренней и внешней среды зависит от того, какие цели ставит

перед собой руководство предприятия. Упорядочивание целей осуществляется посредством выстраивания дерева целей, которое представляет собой структурированный иерархический перечень целей, в котором цели более низкого уровня подчинены и служат основанием для достижения целей более высокого уровня [6].

В основе дерева целей предприятий водоснабжения и водоотведения Красноярского края использовались базовые перспективы развития:

- перспектива обучения и развития;
- перспектива внутренних бизнес-процессов;
- потребительская перспектива;
- финансовая перспектива (рис. 2).

Структура представленных целей показывает, что ключевой целью является повышение уровня доходности, достижение которой возможно за счет повышения качества оказываемых услуг, а также за счет ускорения оборачиваемости оборотных активов.

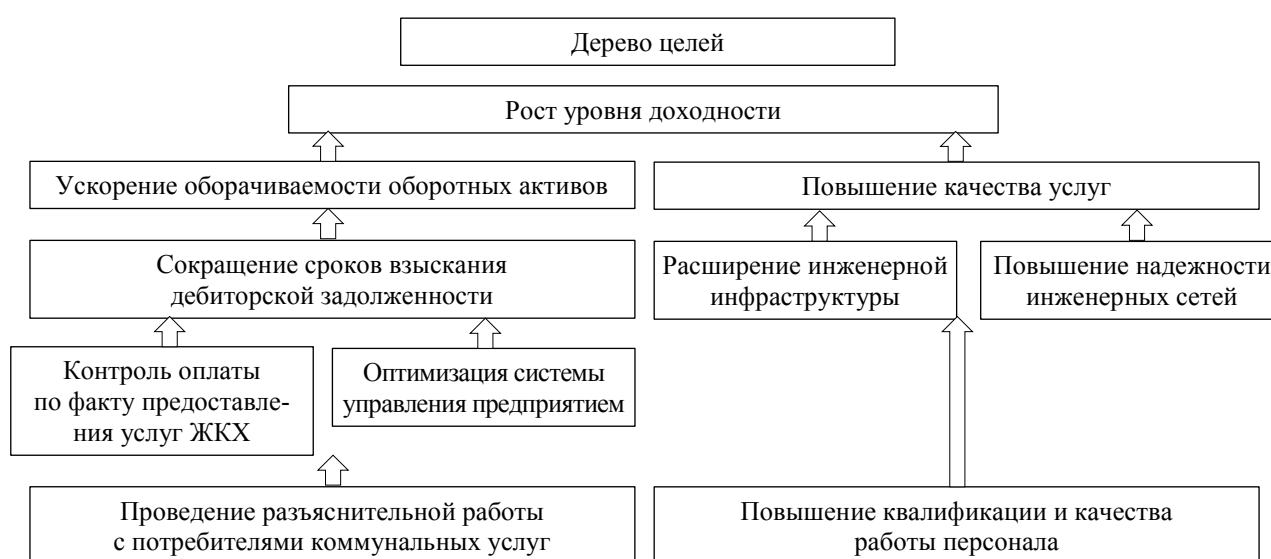

Рис. 2. Вариант структуры дерева целей для предприятий водоснабжения и водоотведения

Примечание: составлено авторами.

В рамках внедрения контроллинга на предприятии проводится пересмотр организационной структуры с выделением центров ответственности. При их выделении проводится закрепление ответственности за руководителями производственных участков, непосредственно обслуживающих основной вид деятельности предприятия, и материально-ответственными лицами, контролирующими затраты, доходы и средства, инвестируемые в этот сегмент производственно-хозяйственной деятельности.

Стандартной классификацией центров ответственности в зависимости от их функций (возложенной ответственности) является выделение четырех видов: 1) по затратам; 2) доходам (продажам); 3) прибыли и 4) инвестициям [7].

Для предприятий водоотведения и водоснабжения предлагается использовать выделение следующих центров ответственности:

- центр затрат – производственная дирекция (подразделения ремонтно-эксплуатационного обслуживания оборудования, КИП и средств автоматики), финансовая и кадровая дирекция, дирекция по безопасности (отдел охраны труда и техники безопасности), дирекция по информационным технологиям. Каждый центр затрат может оказывать услуги другим подразделениям, его деятельность оценивается по величине расходов;

- центр доходов – отдел реализации услуг по водоснабжению и водоотведению;

- центр прибыли – им выступает непосредственно само предприятие, так как его полномочия рассматриваются в более широком диапазоне.

Выделение центров ответственности и наделение их руководителей обязанностями по использованию инструментов контроллинга позволяет выстраивать систему планирования деятельности предприятий ЖКХ, а при использовании показателей оценки эффективности каждого центра ответственности формируется грамотная система мотивации персонала. Кроме того, управленческая модель, сформированная на основе центров ответственности, позволяет более оперативно реагировать на конъюнктурные изменения за счет сокращения промежуточных звеньев.

Помимо выделения центров ответственности важное место в процессе реализации

контроллинга занимает регистрация учетных данных в регистрах управленческой отчетности по показателям, определенным для каждого производственного подразделения, позволяющим оценить эффективность деятельности подразделения с целью проведения последующего анализа эффективности деятельности и принятия мер по устранению выявленных негативных факторов.

Управленческая отчетность используется внутренними пользователями – в ней содержится актуальная информация по необходимым областям учета в необходимой детализации.

В качестве основных характеристик управленческой отчетности можно выделить:

- информативность – наличие информации необходимой и достаточной не только для проведения анализа, но и для принятия управленческих решений;

- своевременность – данные, представленные в управленческой отчетности, должны содержать сведения как на текущий момент времени, так и в перспективе на несколько бюджетных периодов;

- детализация – сведения должны быть информативны, лаконичны и представлены в виде аналитических обзоров;

- необходимость – затраты на формирование управленческой отчетности должны покрываться за счет экономического эффекта от ее использования.

Управленческую отчетность на предприятиях ЖКХ разделяют на три большие группы на основании информации, которая в них содержится:

- по финансовым результатам;

- по денежным средствам;

- по балансу [8].

В дальнейшем каждая группа отчетов может детализироваться, а общее количество регистров управленческой отчетности зависит от целей руководства.

Одним из самых основных финансовых отчетов будет являться отчет по оказанным жилищно-коммунальным услугам (табл. 3), в рамках которого приводятся сведения о финансовых результатах предприятия в разрезе категорий потребителей, а также проводится оценка эффективности каждого направления.

Таблица 3

Управленческий отчет по оказанию услуги водоотведения

Наименование показателя	Всего, тыс. руб.	В том числе по потребителям			
		юридические лица	бюджетные организации	индивидуальные предприниматели	население
Выручка от оказанных услуг, руб.	3 638,46	1 467, 68	1 056,03	659,23	485,52
Себестоимость оказанных услуг, руб.	3 564,17	1 425,67	1 033,61	642,75	462,14
Прибыль от оказанных услуг, руб.	74,29	42,01	22,42	16,48	23,38
Рентабельность оказанных услуг, руб.	2,04	2,86	2,12	2,49	4,81

Примечание: составлено авторами.

Предоставление коммунальных услуг является основным источником дохода для организаций жилищно-коммунальной сферы. Поэтому одним из ключевых отчетов будет «Отчет по задолженности контрагентов за оказанные коммунальные услуги» (табл. 4), поскольку во многих организациях сферы жилищно-коммунальных услуг имеется значительная величина дебиторской задолженности, которая с каждым годом увеличивается, а это в свою очередь может привести к задержке выполнения предприятием собственных обязательств, и как следствие может повлиять на эффективность деятельности. Так, к концу первого полугодия за-

долженность перед ресурсоснабжающими организациями в Красноярском крае выросла за год с 420 млрд руб. до 452 млрд руб. В целом сумма долга потребителей коммунальных услуг увеличилась с 738 млрд руб. до 767 млрд руб. Существеннее всего выросли долги за вывоз мусора – на 31–38 %.

Поэтому информация управленческого отчета по задолженности контрагентов за оказанные жилищно-коммунальные услуги необходима при отслеживании операций по движению дебиторской задолженности для своевременного принятия руководством соответствующих решений.

Таблица 4

Управленческий отчет по задолженности контрагентов за оказанные коммунальные услуги

Наименование контрагента	Начислено, руб.	Оплачено, руб.	Сумма возникшей задолженности	Уровень оплаты услуги водоотведения, %
Енисейская РБ КГБУЗ	147 380,26	147 380,26	0	100
ИП Баннов Александр Николаевич	356 976,30	245 557,44	111 418,86	68,79
ИП Бахирева Мария Владимировна	67 399,92	12 539,52	54 860,40	18,60
Чикинев Леонид Валериевич	25 156,22	22 273,11	2 883,11	88,54
МП «Енисейское АТП»	80 461,92	68 902,05	11 559,87	85,63
ООО «Кубик»	173,51	0	173,51	-
ООО ПК «Удача»	92 870,82	20 000	72 870,82	21,53

Примечание: составлено авторами.

Информация, представленная в управленческом отчете по задолженности контрагентов за оказанные коммунальные услуги, позволяет собственникам и руководителям высшего звена и центров финансовой ответственности получить информацию о начислениях и произве-

денных оплатах в разрезе каждого контрагента, а также отслеживать уровень оплаты за коммунальные услуги, позволяющей контролировать состояние задолженности контрагентов за оказываемую услугу.

Деятельность предприятий ЖКХ имеет ряд особенностей, влияющих на внедрение системы контроллинга, а именно:

- затратный метод ценообразования;
- источники поступления финансовых ресурсов;
- вид оказываемых услуг (водоотведение и очистка сточных вод, горячее и холодное водоснабжение, электроснабжение).

Исходя из специфики деятельности, можно предложить формирование бюджетов по трем группам:

- операционные бюджеты: бюджет реализации услуг по водоотведению (табл. 5),

бюджет расходов по расчетам с персоналом, бюджет расходов на сырье и материалы, бюджет общепроизводственных расходов, бюджет себестоимости (затрат) коммунальных услуг, бюджет общеэксплуатационных и управленческих расходов, бюджет финансовых результатов.

- специальные бюджеты – бюджет закупки сырья и материалов, инвестиционный бюджет, бюджет показателей по потребителям;

- финансовые бюджеты: бюджет движения денежных средств, бюджет по балансовому листу.

Таблица 5

Бюджет реализации услуг по водоотведению

Наименование услуги	Планируемый объем, м куб.	Цена реализации, руб./м куб.	Планируемая выручка от реализации услуг, руб.	Планируемая прибыль от реализации услуг, руб.
Водоотведение	39 376,842	118,84	4 679 543,90	383 379,48
Водоотведение (в части очистки сточных вод)	73 344,350	65,31	4 790 119,50	392 378,27
Итого	112 721,192	-	9 469 663,40	775 757,75

Примечание: составлено авторами.

Бюджет реализации в разработанной форме позволит планировать реализацию оказываемой услуги в будущих периодах как в натуральном, так и стоимостном выражении.

Указанный перечень не является исчерпывающим при реализации бюджетирования, поскольку количество бюджетов зависит от глубины детализации показателей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что в последнее время вопросам внедрения управленческого учета и контроллинга в деятельность предприятий ЖКХ уделяется все больше внимания, активного внедрения изменений в деятельность предприятий не происходит, что существенно тормозит развитие данной отрасли

экономики. В свою очередь применение вышеизложенных инструментов контроллинга на предприятиях ЖКХ, охватывающих области учета, анализа, планирования и контроля, наряду с построением единой системы отчетной и бюджетной документации, является основой повышения качества управления в современных условиях хозяйствования.

При этом необходимо понимать, что тот или иной инструмент контроллинга не может существовать как независимый элемент системы управления, он должен находиться во взаимосвязи с другими системами учета, а также само руководство предприятия должно быть заинтересовано в их применении в своей операционной деятельности.

Список источников

1. Грахов В. П., Мохначев С. А., Кислякова Ю. Г. и др. Внедрение системы контроллинга на предприятиях сферы ЖКХ в Удмуртской республике // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2–12. С. 2652–2656.

References

1. Grakhov V. P., Mokhnachev S. A., Kislyakova Yu. G. et al. Implantation of controlling's system to organizations of housing and utilities infrastructure in Udmurtian Republic. *Fundamental Research*. 2015;(2–12):2652–2656. (In Russian).

2. Куприянова Т. А., Распуткина А. А. Инструменты контроллинга: виды и оценка их использования на предприятиях ЖКХ // Учет, анализ, аудит: проблемы теории и практики. 2022. № 29. С. 104–109.
3. Мкртчян А. М. Система контроллинга как эффективный инструмент управления унитарными предприятиями водопроводно-канализационного хозяйства (ВКХ) // Стратегии бизнеса. 2020. Т. 8, № 12. С. 319–323.
4. Павленко М. Н., Кемайкин Н. К. Технология системы контроллинга в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Контроллинг. 2016. № 59. С. 16–27.
5. Фолльмут Х. Й. Инструменты контроллинга : моногр. М. : Омега-Л, 2018. 171 с.
6. Костюченко Н. И., Хенцинский Е. А., Семихов Д. А. Проблемы теории и практики управления социальными системами, связанные с определением понятия «дерево целей» (методологический аспект) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 3. С. 102–107.
7. Зыкова Т. Б., Куприянова Т. А. Организация учета по центрам ответственности как элемент эффективной деятельности управляющих организаций // Экономика промышленности. 2022. Т. 15, № 3. С. 344–355.
8. Камакаева А. И. Совершенствование инструментов контроллинга в управлении организацией России // Вестник науки и образования. Олимп. 2018. Т. 2, № 1. С. 31–34.
2. Kupriyanova T. A., Rasputkina A. A. Controlling tools: Types and evaluation of use at housing and communal services enterprises. *Uchet, analiz, audit: problemy teorii i praktiki*. 2022;(29):104–109. (In Russian).
3. Mkrtchyan A. M. Controlling system as an effective tool for managing unitary enterprises of water supply and sewerage facilities (WSS). *Business Strategies*. 2020;8(12):319–323. (In Russian).
4. Pavlenko M. N., Kemaikin N. K. Controlling system technology in the sphere of housing and communal services. *Controlling*. 2016;(59):16–27. (In Russian).
5. Vollmuth H. J. Controlling instruments. Monograph. Moscow: Omega-L; 2018. 171 p. (In Russian).
6. Kostyuchenko N. I., Khentsinsky E. A., Semikhov D. A. Problems of the theory and practice of social system management related to the definition of “a tree of goals” (methodological aspect). *Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*. 2018;(3):102–107. (In Russian).
7. Zykova T. B., Kupriyanova T. A. Organization of accounting by responsibility centers as an element of effective performance of managing companies. *Russian Journal of Industrial Economics*. 2022;15(3):344–355. (In Russian).
8. Kamakaeva A. I. Improvement of the controlling tool in managing of the organization in russia. *Vestnik nauki i obrazovaniia. Olimp*. 2018;2(1):31–34. (In Russian).

Информация об авторах

Т. А. Куприянова – кандидат экономических наук, доцент.

Т. Б. Зыкова – кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

T. A. Kupriyanova – Candidate of Sciences (Economics), Docent.

T. B. Zykova – Candidate of Sciences (Economics), Docent.

Научная статья
УДК 30.47-056.24
DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-46-60

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ИНКЛЮЗИИ В РОССИИ

**Светлана Владимировна Плясова¹, Светлана Владимировна Языкова²,
Егор Валерьевич Конищев^{3✉}, Ирек Вакильевич Арасланбаев⁴**

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

^{2,3} Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия

⁴ Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия

¹ splyasova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4681-7011>

² sv.yaz@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2176-470X>

³ 9204770299@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-4290-1045>

⁴ irek302@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0210-9206>

Аннотация. Целью исследования является развитие теоретико-методологических основ изучения цифровой инклюзии и выявление специфики ее проявления в российских условиях. Представлен авторский подход к исследованию цифровой инклюзии через установление причин и факторов ее развития в России. Авторами проведен макроэкономический анализ территориальных и возрастных факторов развития цифровой инклюзии в России. Для этого выбраны показатели официальной статистики, отражающие специфику доступа населения к сети интернет, направления использования населением цифровых технологий, наличие у пользователей цифровых навыков и др. Сделан вывод о решающем значении территориального фактора для развития цифровой инклюзии в России, который проявляется в большей доступности сети интернет населению городских территорий и возможностей использования потенциала цифровых технологий, чем жителям сельской местности и территорий, удаленных от «точек роста». Выявлены особенности воздействия возрастного фактора на развитие цифровой инклюзии в России и изменения динамики влияния возрастного фактора на развитие цифровой инклюзии в период пандемии. Проведенный анализ позволил авторам обосновать направления распространения позитивного опыта развития цифровой инклюзии в российских условиях для преодоления проблемы цифрового неравенства как на уровне национального хозяйства, так и в международном аспекте. Полученные выводы выступили теоретико-методологической основой для будущих научных исследований в данной области, а также для совершенствования государственной политики в области цифрового развития и реализации стратегических направлений цифровизации национальной экономики России.

Ключевые слова: инклюзия, цифровая инклюзия, цифровое развитие, цифровое неравенство, Россия, цифровая грамотность, цифровая инфраструктура

Для цитирования: Плясова С. В., Языкова С. В., Конищев Е. В., Арасланбаев И. В. Теоретико-методические основы исследования цифровой инклюзии в России // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 2. С. 46–60. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-46-60.

Original article

THEORETICAL AND METHODICAL BASE FOR STUDYING DIGITAL INCLUSION IN RUSSIA

Svetlana V. Plyasova¹, Svetlana V. Yazykova², Egor V. Konishchev^{3✉}, Irek V. Araslanbaev⁴

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

^{2,3} Moscow University for Industry and Finance “Synergy”, Moscow, Russia

⁴ Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

¹ splyasova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4681-7011>

² sv.yaz@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2176-470X>

³ 9204770299@mail.ru , <https://orcid.org/0000-0003-4290-1045>

⁴ irek302@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0210-9206>

Abstract. The aim of the article is to develop the theoretical and methodological base for studying digital inclusion and to identify the distinguishing features of its manifestation in Russian settings. The authors propose an approach to studying digital inclusion by determining the causes and factors of its development in Russia. Macroeconomic analysis of territorial and age-related factors of digital inclusion development in Russia is conducted based on the official statistics indicators that define the features of access to the Internet for the population, directions for digital technology use, digital skills in the population, etc. The territorial factor was found to be a key cause for the development of digital inclusion in Russia. It displays through a more accessible Internet and possibilities to use the potential of digital technology for the population in urban areas rather than for those who live in rural areas and territories remote from the “growth areas”. The article identifies features of the age factor affecting the development of digital inclusion in Russia and changes in the dynamics of the age factor affecting the development of digital inclusion during the pandemic. The analysis allowed the authors to substantiate the directions of positive practice in developing digital inclusion in Russia in order to overcome the digital divide both on the national business level and on the international level. The theoretical and methodological basis for further research in the field is presented in the obtained conclusions. It can be used for improving the state policy on digital development and the implementation of strategic directions for the digitalization of the Russian national economy.

Keywords: inclusion, digital inclusion, digital development, digital divide, Russia, digital literacy, digital infrastructure

For citation: Plyasova S. V., Yazykova S. V., Konishchev E. V., Araslanbaev I. V. Theoretical and methodical base for studying digital inclusion in Russia. *Surgut. State University Journal*. 2023;11(2):46–60. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-46-60.

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир открывает новые грани человеческого потенциала и его реализации. Одной из таких граней является способность человека продуцировать цифровые технологии и использовать их для повышения качества собственной жизни. Последние десятилетия развитие экономики и общества происходит в условиях интенсивной цифровизации. Цифровые технологии применяются практически во всех сферах экономики и жизни человека. Их применение позволяет упростить многие операции, ускорить их выполнение, оптимизировать затраты человеческого труда и расширить возможности развития индивида.

Однако на современном этапе цифровое развитие нельзя назвать равномерным. Одной из сторон проявления такой неравномерности является возникновение цифровой инклюзии. Данный термин используется для характеристики положения слоев общества, обладающих дополнительными возможностями (об-

разования, компетенций, трудоустройства, экономического поведения и т. д.) для раскрытия своего потенциала и повышения качества жизни за счет использования цифровых технологий и сети интернет [1].

В настоящее время цифровая инклюзия проявляется в разрезе территорий (городской и сельской местности, регионов), возрастных групп (население старшей возрастной группы, среднего возраста и молодежь), гендерного фактора [2], а также в контексте различий слоев общества по уровню доходов [3–6].

Существование цифровой инклюзии, с одной стороны, позитивно сказывается на общем уровне цифрового развития государства, определяя возможности преодоления цифрового отставания страны в глобальном измерении [7].

С другой стороны, возникновение различных проявлений цифровой инклюзии свидетельствует об углублении цифрового неравенства между различными категориями населения, которое по мере общественного

развития может усиливать финансовые, гендерные, возрастные и другие различия, а значит, стать препятствием для сбалансированного развития государства.

Таким образом, целью статьи будет являться теоретико-методическое исследование цифровой инклюзии и специфики ее проявления в российских условиях. В качестве задач авторы определяют анализ проявления цифровой инклюзии в разрезе территорий, возрастных и доходных групп, установление причин и факторов ее возникновения, а также поиск инструментария для устранения существующего цифрового неравенства, особенно в период пандемии, когда сильны дестабилизирующие факторы внешней среды.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Под термином «цифровая инклюзия» следует понимать особую позицию отдельных индивидов и общественных групп, которая достигается посредством освоения ими цифровых технологий и обеспечивает им преимущества социальной жизни [8].

Базовыми предпосылками появления цифровой инклюзии являются обеспечение доступа индивидов к цифровой инфраструктуре, оснащенность необходимым оборудованием, а также наличие у них сформированных цифровых навыков и мотивации к освоению цифровых технологий [1, 7].

Преимущества, создаваемые цифровой инклюзией, на уровне индивида могут выражаться в виде расширенных возможностей для реализации его человеческого потенциала (получения знаний и образования, приобретения новых навыков и умений, поиска престижной работы, расширения бизнеса, увеличения дохода, доступа к качественному медицинскому обслуживанию и т. д.) [7].

На уровне социальной группы преимущества цифровой инклюзии могут быть представлены в форме повышения стандартов качества жизни, расширения общественного влияния, роста благосостояния и т. д.

В свою очередь, неравномерность доступа к сети интернет и низкий уровень цифровой грамотности способствуют возникновению цифрового отставания между индивидами,

социальными группами, территориями и странами [1, 2, 6, 7].

Развитие цифровой инклюзии населения может рассматриваться как база для формирования новой цифровой экономики и обеспечения экономического роста. Получение опыта извлечения выгод в процессе освоения цифровых технологий отдельными группами населения предполагает появление возможности его транслирования в пределах национального хозяйства и, соответственно, преодоления разрывов в уровне экономического, технологического развития, знаниях и возможностях реализации [7, 9].

Цель исследования состоит в развитии теоретико-методологических основ изучения цифровой инклюзии и специфики ее проявления в российских условиях.

Задачами исследования являются:

- теоретико-методологическое раскрытие содержания понятия «цифровая инклюзия»;
- проведение макроэкономического анализа причин факторов цифровой инклюзии в России;
- обоснование направлений распространения позитивного опыта развития цифровой инклюзии в российских условиях.

Для реализации первого этапа исследования – теоретико-методического раскрытия содержания понятия «цифровая инклюзия» – авторами был проведен теоретический анализ научных источников, с помощью методов анализа и синтеза выделены основные характеристики исследуемого понятия, а также сформирована концептуальная идея исследования.

Второй этап исследования – анализ проявления цифровой инклюзии – был реализован с помощью метода сбора статистической информации из открытых источников, ее систематизации, а также обработки с помощью метода экономического анализа. Отдельные фрагменты данного этапа исследования представлены с помощью графического и табличного методов.

На третьем этапе исследования для обоснования направлений распространения позитивного опыта развития цифровой инклюзии в российских условиях в России авторы использовали логический метод, методы индукции и дедукции, системный подход.

Информационной базой исследования являются официальные статистические материалы Федеральной службы государственной статистики РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

1. Теоретико-методологическое раскрытие содержания понятия «цифровая инклюзия».

По мнению авторов, содержание понятия «цифровая инклюзия» уместно связывать с включенностью отдельных групп населения в процессы социально-экономической интеграции благодаря использованию цифровых технологий.

Вместе с тем появление цифровой инклюзии является одной из форм проявления цифрового неравенства, когда благодаря соответствию индивида ряду условий (доступ к сети интернет, мотивация, цифровая грамотность, финансовые возможности и т. д.) возникает возможность достижения им экономического, образовательного, инновационного, социального, технологического преимуществ [1, 10].

Исследование цифровой инклюзии может проводиться с позиций различных подходов.

Использование социологического подхода позволяет изучить социальные риски цифровой инклюзии, а также систематизировать зоны напряженности во взаимодействии различных социальных групп с органами государственного управления, бизнес-структурами и институтами гражданского общества, в результате которых достигается социальное преимущество одних групп перед другими посредством использования цифровых технологий [11].

Экономический подход предполагает изучение цифровой инклюзии как эффективного опыта обеспечения социально-экономического развития индивидуума, организации, территории на основе использования цифровых ресурсов. Применение такого подхода к исследованию цифровой инклюзии позволяет оценить издержки институциональных разрывов между возможностями и потенциальными рисками использования цифровых технологий, а также определить вектор преодоления данных разрывов.

Пространственный подход к исследованию цифровой инклюзии применяется для изучения динамики развития цифровой инклюзии в условиях неравномерного развития цифровой экономики в разрезе территорий, то есть в зависимости от особенностей сформированных пространственных условий [11].

По мнению авторов, в процессе исследования цифровой инклюзии любой из указанных подходов может быть эффективен, если он устанавливает причинно-следственные связи между факторами возникновения явления и вектором его развития.

Поэтому сконцентрируем исследовательское внимание на раскрытии причин и факторов возникновения цифровой инклюзии в российском обществе.

Анализ научной литературы позволяет выделить причины возникновения цифровой инклюзии:

- неравномерный доступ к цифровой инфраструктуре (абоненты мобильной связи, сетевое покрытие, доступ в интернет, электроснабжение);
- уровень образованности населения (определяет потребность населения к использованию сети интернет и цифровых технологий для получения преимуществ – совершенствования знаний и навыков, увеличения конкурентоспособности на рынке);
- сформированность цифровых навыков, необходимых для пользования цифровыми сервисами;
- финансовая доступность услуг подключения к сети интернет, а также использования цифровых сервисов;
- институциональная поддержка со стороны государства¹.

Соответствие базовым условиям возникновения инклюзии определяется воздействием различных факторов, включая территориальные, гендерные, возрастные, расовые, доходные и т. д.

¹ Трендов Н., Варас С., Цзэн М. Цифровые технологии на службе сельского хозяйства и сельских районов. Справочный документ. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций, Рим, 2019. URL: <https://www.fao.org/3/ca4887ru/ca4887ru.pdf>.

Заметим, что доступ к информационным ресурсам во многом определяется территориальными факторами, то есть принадлежностью к городской местности или сельским территориям, с выраженной спецификой в отношении удаленных территорий [12–16]. Влияние уровня дохода на цифровую инклюзию описано в работах различных авторов. В частности, в исследовании Томас Дж. и соавт. при расчете второго австралийского индекса цифровой инклюзии доказано, что те, кто выходит в интернет только через свои мобильные телефоны (что соответствует более низким уровням дохода, образования и занятости), были менее вовлечены в цифровые технологии, чем пользователи мультиплатформенных платформ [17]. Кроме того, авторы отметили, что те, кто имеет более низкий уровень дохода, образования и занятости, гораздо реже выходят в интернет, как и коренные австралийцы и люди с ограниченными возможностями. При этом цифровой разрыв между богатыми и бедными австралийцами углубляется. Й. Субраманиам и соавт. [18] в своем исследовании указывают на существование цифровой инклюзии в развивающихся странах: богатые и образованные люди имеют лучший доступ к цифровым ресурсам и, соответственно, больше возможностей, чем бедные. Последствия неравенства в доступе к цифровым технологиям, определяемые уровнем дохода, заключаются в том, что технологический разрыв увеличивается, а для бедных остается меньше экономических возможностей (при этом авторы произвели расчет по 37 развивающимся странам) [18]. Различия в уровне дохода, определяющего техническое оснащение домохозяйства, необходимое для получения доступа к сети интернет и использования цифровых технологий [9], становятся решающими для включенности индивидов в процессы реализации своих возможностей посредством использования цифровых технологий в российских условиях.

Большое значение имеют возрастные факторы цифровой инклюзии. Как правило, молодежь и население среднего возраста

в наибольшей мере используют интернет и цифровые сервисы в своей повседневной жизни. Старшая возрастная группа в силу меньшей цифровой грамотности и меньшей мотивации имеет меньше возможностей для использования благ цифровизации. Однако по мере научно-технического прогресса, а также при изменении внешних условий (например, вследствие пандемии) данная тенденция также начинает приобретать новые формы [4, 19].

Имеющиеся статистические данные позволяют нам провести анализ территориальных и возрастных причин и факторов развития цифровой инклюзии в России.

2. Макроэкономический анализ причин и факторов возникновения цифровой инклюзии в России.

1. Территориальные факторы цифровой инклюзии.

Имеющиеся исследования доказывают существование зависимости между местом проживания человека и его возможностями использования сети интернет. В частности, в работе А. Banerjee и соавт. такие доказательства приводятся применительно к Индии [20]; в исследовании Н. Dudek рассматривается ситуация в Польше [21], где население сельских территорий обладает меньшими возможностями подключения к сети интернет; в работе L. Townsend и соавт. подчеркивается, что широкополосный доступ все еще не повсеместен на всей территории Великобритании, и особенно проблематичен в отдаленных сельских районах [22].

Проанализируем, как обстоит ситуация с наличием базовых условий для обеспечения доступа населения к сети интернет в разрезе городских и сельских территорий России.

Обратим внимание на существующую разницу между городскими и сельскими территориями в техническом оснащении домохозяйств, необходимом для получения доступа к сети интернет и использования цифровых технологий (рис. 1).

Рис. 1. Распределение домашних хозяйств, имеющих стационарные компьютеры (настольные, мобильные, планшетные), по типам поселения, % от общего числа домашних хозяйств, 2015–2021 гг.
Примечание: составлено авторами по данным [23].

Данные рис. 1 демонстрируют существенный отрыв домохозяйств, расположенных в городских территориях, от домохозяйств сельских территорий по оснащенности стационарными компьютерами, используемыми с целью выхода в сеть интернет. Вплоть до 2017 г. данный отрыв составлял в среднем 1,3 раза, что может быть объяснено более низким уровнем дохода населения сельских территорий, их низкой покупательной способностью, а также сдержанными потребностями

в доступе к сети. Начиная с 2018 г. очевидна и другая тенденция – снижение количества домохозяйств, использующих стационарные компьютеры для доступа к сети интернет как в городских, так и в сельских территориях. При этом данная тенденция сопровождается ростом показателей доступа населения к сети интернет: в период 2018–2021 гг. рост показателя в разрезе городских территорий составил 7,9 %, тогда как в сельских – 16,2 % (рис. 2).

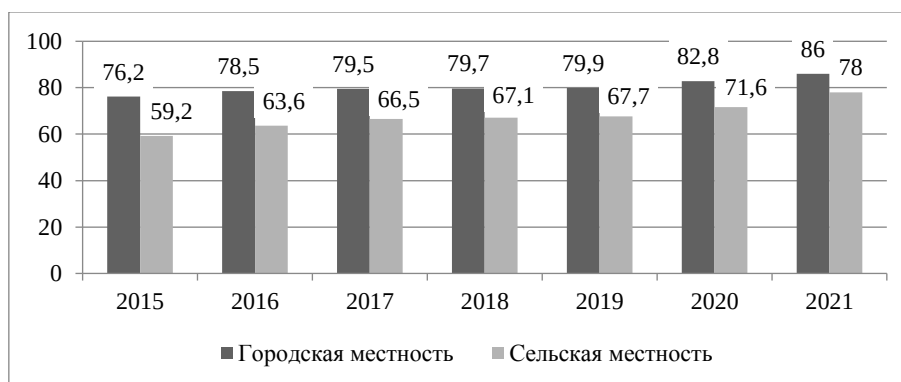

Рис. 2. Распределение домашних хозяйств по типам поселения, имеющих доступ к сети интернет, % от общего числа домашних хозяйств, 2015–2021 гг.
Примечание: составлено авторами по данным [23].

Указанная динамика характерна не только для России, но и для большинства развивающихся стран, которые имеют ограничения по обеспечению широкополосного доступа к интернету, но активно развивают доступ к сети через мобильные устройства, тем самым удовлетворяя потребности населения в использовании цифровых технологий [10].

Следует отметить, что городские территории России имеют лучшее сетевое покрытие и менее выраженные проблемы с электрообеспечением, то есть существуют более качественные базовые условия для широкополосного доступа к сети интернет (рис. 3).

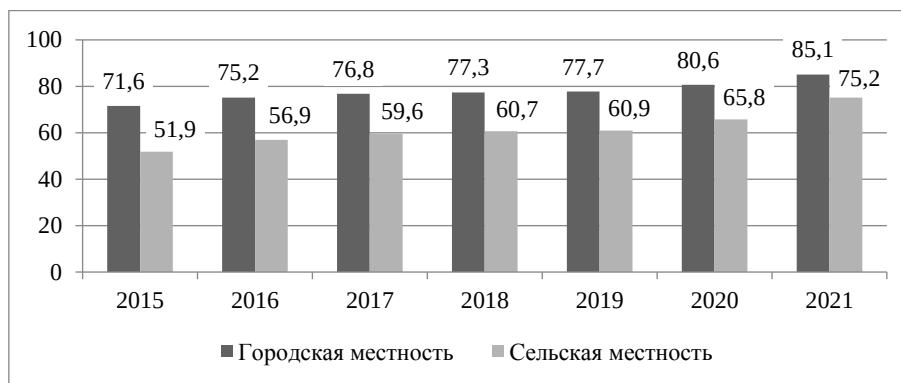

Рис. 3. Распределение домашних хозяйств по типам поселения, имеющих широкополосный доступ к сети интернет, % от общего числа домашних хозяйств, 2015–2021 гг.

Примечание: составлено авторами по данным [23].

Для России характерна позитивная динамика роста широкополосного доступа к сети интернет среди домохозяйств. В период 2015–2021 гг. рост составил: среди домохозяйств, расположенных в городе – 1,2 раза, среди домохозяйств в сельских территориях – 1,4 раза. Другими словами, темп роста подключений к широкополосному доступу к сети интернет в сельских территориях выше, чем в городских, несмотря на существующий отрыв, который, однако, со временем сокращается (в 2015 г. – 1,4 раза, в 2021 г. – 1,1 раза). Большое влияние на рост показателя оказала пандемия, а точнее, вводимые режимы самоизоляции и соответствующий

рост потребностей населения в удаленном общении, обучении, выполнении трудовых функций, приобретении товаров и услуг, а также в проведении досуга [24, 25]. Только за период 2019–2021 гг. данный показатель вырос среди городского населения – в 1,1 раза, среди сельского – в 1,2 раза. Заметна большая интенсивность роста показателя характерна для сельских территорий.

Для использования потенциала цифровых технологий требуются навыки работы с информационными технологиями.

В данном аспекте ярко выражен территориальный признак, в особенности проявившийся к 2021 г. (рис. 4–5).

Рис. 4. Доля населения в возрасте 15–74 лет, имеющего навыки работы с информационными технологиями, по типам поселения, % от общей численности населения в возрасте 15–74 лет, 2015 г.

Примечание: составлено авторами по данным [23].

Рис. 5. Доля населения в возрасте 15–74 лет, имеющего навыки работы с информационными технологиями, по типам поселения, % от общей численности населения в возрасте 15–74 лет, 2021 г.

Примечание: составлено авторами по данным [23].

Представленные данные позволяют сделать вывод об углублении разрыва в навыках работы с информационными технологиями и появлении признаков цифровой инклюзии городского населения в период 2015–2021 гг.

Например, в 2015 г. дифференциация между ключевыми навыками работы с компьютером и обработки информации среди городского и сельского населения составляла 1,43 раза. При этом в 2021 г. практически по всем группам навыков работы с информационными технологиями городское население в 1,8 раза стало более квалифицированным в сравнении с сельским. Кроме того, перечень навыков работы с информационными технологиями значительно расширился за последние 6 лет, а освоение некоторых из них в 2021 г. для сельского населения оказалось уже недоступным (например, самостоятельное написание программного обеспечения или кодов/команд с использованием языков программирования доступно только 0,3 % сельского населения в данной возрастной группе).

В 2015 г. среди городского населения России в возрасте 15–74 лет приобретали товары

и услуги в сети интернет 22,5 % населения (среди сельского – 10,6 %), то есть отставание сельских территорий составляло 2,1 раза.

В 2021 г. количество активных интернет-пользователей в городской местности достигло 89,2 % (в сельской местности – 81,4 %). Пандемия сформировала новые потребительские привычки, в частности, использование сети интернет для заказов товаров и услуг. Доля городского населения, приобретающего товары и услуги через интернет в 2021 г. составила 51,6 %, доля сельского – 31,5 % (отставание в 1,6 раза), что может быть объяснено не только меньшим доступом к сети интернет в сельских поселениях, но и отсутствием развитой транспортной инфраструктуры и действующих логистических цепочек доставки товаров в регионах страны, особенно в удаленных территориях.

В целом, динамика роста активности населения в использовании сети интернет для приобретения товаров и услуг представлена на рис. 6.

Рис. 6. Использование сети интернет городским и сельским населением в возрасте 15–74 лет для приобретения товаров и услуг, % от общей численности обследуемого населения, 2015–2021 гг.
Примечание: составлено авторами по данным [23].

Население использует сеть интернет как для приобретения товаров и услуг, так и для общения в социальных сетях, доступа к образовательным ресурсам, сайтам развлечений, осуществления телефонных и видеозвонков, пользования государственными услугами в онлайн-формате, консультаций и т. д. [13].

Еще одной стороной, определяющей преимущества использования цифровых технологий населением, является расширение доступа к получению государственных и муниципальных услуг. Представленные ниже данные демонстрируют признаки цифровой инклюзии для городского населения, особенно в 2015–2017 гг. (рис. 7).

Рис. 7. Использование населением сети интернет для получения государственных и муниципальных услуг, % от общей численности обследуемого населения, 2015–2021 гг.
Примечание: составлено авторами по данным [23].

Однако к 2021 г. ситуация относительно выровнялась, а существующий в 2015 г. разрыв между группами городского и сельского населения в 2,7 раза сократился (до 1,3 раза).

Описанная ситуация позволяет идентифицировать признаки существования цифровой инклюзии по территориальному признаку – большая обеспеченность городского населения доступом к сети интернет в сравнении с сельским населением, что создает большие

возможности для развития человека и его включенности в социально-экономические процессы. Очевидно сокращение разрыва между городским и сельским населением в использование сети интернет для приобретения товаров и услуг. То есть причины для развития цифровой инклюзии размываются с течением времени.

Данные официальной статистики, с одной стороны, позволяют выявить ключевые при-

чины развития цифровой инклюзии в России, а, с другой – проявления цифрового отставания сельских территорий.

В частности, среди населения сельских территорий большее количество домохозяйств не имеют необходимости (нежелания пользоваться, отсутствие интереса) в использовании сети интернет – 14,6 % в 2021 г. (для сравнения среди городского населения – 10,4 %).

Для 2,4 % домашних хозяйств от общего процента домашних хозяйств сельских территорий стоимость оборудования для подключения к сети интернет является фактором, определяющим причину их отказа от использования сети интернет (среди городского населения доля таковых составляет 1,6 %).

Высокие тарифы на услуги доступа к сети интернет в 2021 г. являются причиной отказа от использования сети интернет среди 2,4 % домохозяйств в сельской местности и 1,8 % домохозяйств в городской местности.

Еще одной весомой причиной неиспользования сети интернет населением является недостаток навыков для работы в ней, причем среди сельского населения такая причина является более значимой (характерна для 8,2 % домохозяйств, в сравнении с городскими (4,9 %)).

Далее, 1,9 % домохозяйств, расположенных в сельской местности, отказываются от подключения к сети интернет по причине отсутствия технической возможности (как правило, это характерно для территорий, удаленных от цифровой инфраструктуры), тогда как только 0,4 % домохозяйств в городских поселениях сталкиваются с подобной проблемой. Кроме того, на цифровое отставание сельских территорий влияют такие факторы, как несоответствие качества пре-

доставляемых услуг доступа к сети интернет потребностям домохозяйства (например, из-за недостаточной скорости, низкой пропускной способности), а также соображения безопасности и конфиденциальности (причем в городской среде это более распространенная причина отказа) [23].

Таким образом, территориальный фактор, проявляющийся в удаленности некоторых территорий от «точек роста», оказывает решающее значение на развитие цифровой инклюзии.

2. Возрастные факторы цифровой инклюзии.

Социально выгодная позиция, достигаемая вследствие успешного освоения цифровых технологий на основе воздействия механизмов социальной инклюзии, может способствовать расширению участия индивидов в жизни общества. При этом возрастной фактор может оказывать существенное влияние на развитие цифровой инклюзии.

В частности, в 2015–2016 гг. максимальное использование сети интернет происходило в возрастных группах 20–39 лет, а люди старших возрастных групп, особенно в возрасте 60–74 лет, использовали интернет в 2–2,5 раза меньше, чем более молодые. Постепенно началось перераспределение пользователей интернета, к 2021 г. возрастными группами, в которых проявляется цифровая инклюзия, стали группы 25–44 года, а также 60–74 года, то есть люди пенсионного возраста трансформировали свои потребительские привычки и стали активными пользователями сети интернет. Особенно сильно данная динамика проявилась в период пандемии среди населения возрастной группы 60–74 года (+7,7 % в период 2019–2020 гг., а также дальнейший рост в 2021 г. (+11 % в период 2020–2021 гг.)) (табл. 1).

Таблица 1

Распределение населения, использовавшего сеть интернет, по возрастным группам, %, 2015–2021 гг.

Год	Население в возрасте 15–72 лет, всего	в том числе в возрасте, лет									
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–74
2015	100	8,0	11,4	14,1	12,9	11,3	9,9	8,6	9,3	7,4	4,6
2016	100	7,5	10,2	13,7	12,9	11,4	10,3	8,7	9,1	7,9	5,2
2017	100	6,9	8,7	12,7	12,4	11,0	10,0	8,6	8,9	8,5	9,5

Окончание табл. 1

Год	Население в возрасте 15– 72 лет, всего	в том числе в возрасте, лет									
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–74
2018	100	6,7	7,9	11,9	12,5	11,1	10,1	8,8	8,8	9,1	13,1
2019	100	6,8	7,3	11,0	12,5	11,2	10,1	9,0	8,5	9,2	14,3
2020	100	6,8	7,0	10,0	12,4	11,4	10,2	9,2	8,3	9,3	15,4
2021	100	6,9	6,6	9,1	12,1	11,5	10,1	9,3	8,1	9,2	17,1

Примечание: составлено авторами по данным [23].

Заметим, что доля населения в возрастной группе 65–74 года в период 2015–2021 гг. упрочила свои позиции по таким навыкам работы с информационными технологиями, как: работа с текстовым редактором (+4 п. п.), работа с электронными таблицами (+0,9 п. п.), использование инструмента копирования и вставки для дублирования или перемещения данных, информации или других материалов (+3,4 п. п.), подключение и установка новых устройств (+2,3 п. п.), передача файлов меж-

ду персональным компьютером и периферическими устройствами (+3,4 п. п.) [23]. Это создало предпосылки для их большей включенности в социальные процессы, получения выгод цифровизации, то есть развития цифровой инклюзии и большей адаптации населения к изменяющимся условиям среды. Например, динамика приобретения товаров и услуг в сети интернет в старших возрастных группах является свидетельством роста их социальной интеграции (табл. 2).

Таблица 2

**Доля населения РФ, использовавшего сеть интернет
для заказов товаров и/или услуг, по возрастным группам, % от общей численности
населения соответствующей группы, 2015–2021 гг.**

Год	Население в возрасте 15–72 лет, в том числе в возрасте, лет									
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–72
2015	18,7	29,3	32,4	30,2	25,3	22,2	17,5	12,8	9,1	4,1
2016	21,7	34,9	37,5	35,0	29,9	26,3	22,2	16,5	10,8	4,8
2017	24,3	44,0	47,7	44,4	39,9	34,0	29,8	22,0	15,5	7,2
2018	37,2	52,3	55,1	51,2	46,6	40,5	36,3	27,8	19,8	8,3
2019	35,4	52,4	56,1	51,6	47,4	42,6	39,6	29,3	22,0	10,1
2020	37,9	58,5	61,7	59,1	55,5	48,7	44,7	35,7	25,8	11,8
2021	47,4	65,4	67,6	63,8	61,1	56,6	51,4	43,5	34,6	17,1

Примечание: составлено авторами по данным [23].

Кроме того, данные табл. 2 отражают влияние пандемии на усиление процессов цифровизации и соответствующие изменения в моделях потребительского поведения во всех возрастных группах. В определенной степени пандемия способствовала выравниванию включенности различных возрастных групп населения в процессы получения выгод от цифровизации.

Проведенный анализ позволяет определить причины развития цифровой инклюзии в российском обществе, обусловленные дифференциацией различных групп населения

в доступе к цифровой инфраструктуре (прежде всего, в городских поселениях), разницей в обладании цифровыми компетенциями и навыками, которые, в большей степени, свойственны младшей и средней возрастным группам, различиями в финансовых возможностях и мотивации к развитию.

С учетом выявленных факторов, считаем целесообразным предложить направления распространения позитивного опыта развития цифровой инклюзии в российских условиях.

Во-первых, совершенствование цифровой инфраструктуры для расширения возможно-

стей доступа большего количества пользователей к сети интернет и потенциалу использования цифровых технологий, в особенности в отдаленных территориях и сельской местности. Политика цифрового выравнивания должна строиться на принципах обеспечения технических возможностей для подключения, повышения качества предоставляемых услуг доступа к сети интернет и решения финансовых проблем осуществления доступа (за счет софинансирования услуг по подключению к сети интернет со стороны государства; субсидирования ежемесячных платежей услуг связи в отстающих территориях; пересмотра тарифной политики для сельских и удаленных территорий).

Во-вторых, решение проблемы низкой цифровой компетентности населения. Восполнение недостатка навыков для работы в сети интернет, в особенности среди сельского населения, является ключевой задачей для системы государственного управления всех уровней. С одной стороны, для овладения населения цифровыми навыками нужна мотивация, являющаяся следствием роста общего уровня образованности населения. Указанная мотивация может формироваться в условиях открытости информации о перспективах развития индивидов, территорий, страны на основе цифровой включенности, путем реализации программ и грантов в области цифрового развития для населения и бизнес-структур, создания слаженных систем подготовки и переподготовки кадров в соответствии с меняющимися потребностями экономики. Особое внимание должно быть уделено повышению цифровой грамотности старшего населения и граждан, проживающих в сельских поселениях и удаленных территориях. Необходимо обеспечить подключение образовательных организаций и университетов к реализации государственных программ и проектов по повышению цифровой грамотности. Важный акцент – развитие компетенций в области информационной безопасности с учетом многократного повышения открытости данных в период пандемии

и нарастания киберугроз для всех категорий пользователей.

В-третьих, стимулирование процессов цифровизации системы образования (дистанционного образования, онлайн образовательных курсов), медицинского обслуживания (онлайн-медицинские услуги, цифровые технологии в здравоохранении), системы государственного и муниципального управления (онлайн сервисов оказания государственных услуг), расширения полноты использования потенциала цифровых технологий и для стимулирования населения и бизнес-структур к повышению цифровой грамотности.

В-четвертых, создание единых информационно-коммуникационных пространств в рамках территорий страны, обеспечивающих доступность социально-значимых услуг в цифровом формате для населения и его вовлеченность в цифровую экономическую деятельность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье представлен авторский подход к исследованию цифровой инклюзии в российских условиях. Акцент сделан на формирование теоретико-методических основ изучения цифровой инклюзии через установление причин и факторов ее развития в России. Проведен макроэкономический анализ территориальных и возрастных факторов развития цифровой инклюзии в России. Сделан вывод о решающем значении территориального фактора для развития цифровой инклюзии, который проявляется в обеспечении больших преимуществ от использования цифровых технологий населением городских территорий над жителями сельских районов и территорий, удаленных от «точек роста». Выявлены особенности воздействия возрастного фактора на развитие цифровой инклюзии в России. Проведенный анализ позволил обосновать направления распространения позитивного опыта развития цифровой инклюзии в российских условиях для преодоления проблемы цифрового неравенства как в национальном, так и международном измерении. Полученные выводы могут сформировать теоретико-методологическую основу

для будущих научных исследований в данной области, для совершенствования политики в области цифрового развития террито-

рий, а также при реализации стратегических направлений цифровизации национальной экономики России.

Список источников

1. Плотицкина Н. В. Цифровая инклюзия: теоретическая рефлексия и публичная политика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 216–226.
2. Arroyo L. Implications of digital inclusion: Digitalization in terms of time use from a gender perspective. *Social Inclusion*. 2020;8(2):180–189.
3. Borg K., Boulet M., Smith L. et al. Digital inclusion & health communication: A rapid review of literature. *Health Commun*. 2019;34(11):1320–1328.
4. Lai J., Widmar N. O. Revisiting the digital divide in the COVID-19 era. *Appl Econ Perspect Policy*. 2021;43(1):458–464.
5. Thompson K. M., Paul A. Factors of digital inclusion among women: Revisiting India and extending to Chile and Australia for additional analysis. *The Library Quarterly*. 2020;90(2):173–188.
6. Кульпин С. В., Савчук Г. А., Якимова О. А. Региональный анализ цифровой инклюзии на российском рынке C2C // Экономика региона. 2022. Т. 18, № 2. С. 437–449.
7. Karpunina E., Zabelina O., Lupacheva S. et al. Assessment of interregional divides in digital development as a basis for the policy of overcoming the Russia's digital lag. *International Journal of Technology, Policy and Management*. 2023;23(2).
8. Karpunina E. K., Arutyunova A. E., Sazanova E. V. et al. Digitalisation determinants and digital dividends of the higher education system (on the example of Russia). *International Journal of Education Economics and Development*. 2022;13(4):392–409.
9. Molchan A. S., Osadchuk L. M., Anichkina O. A. et al. The "Digitalisation trap" of Russian regions. *International Journal of Technology, Policy and Management*. 2023;23(1):20–41.
10. Karpunina E. K., Magomaeva L. R., Kochyan G. A. et al. Digital inequality and forms of its appearance: A comparative analysis in the OECD and BRICS countries. In: *Proceedings of the 37th IBIMA conference*, May 30–31, 2021, Cordoba, Spain. Cordoba: IBIMA Publishing; 2021 p. 1028–1039.
11. Головина Т. А., Хорольская Т. Е., Мусостов З. Р. Политика цифровой инклюзии в развитии человеческого капитала // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 43. С. 77–83.
12. Шабунова А. А., Груздева М. А., Калачикова О. Н. Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России // Проблемы развития территории. 2020. № 4. С. 7–19.
13. Дубинина М. Г. Неравномерность развития цифровой экономики в федеральных округах Российской Федерации // Управление наукой и наукометрия. 2019. Т. 14, № 3. С. 368–399.

References

1. Plotichkina N. V. Digital inclusion: Theoretical reflection and public policy. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2020;(58):216–226. (In Russian).
2. Arroyo L. Implications of digital inclusion: Digitalization in terms of time use from a gender perspective. *Social Inclusion*. 2020;8(2):180–189.
3. Borg K., Boulet M., Smith L. et al. Digital inclusion & health communication: A rapid review of literature. *Health Commun*. 2019;34(11):1320–1328.
4. Lai J., Widmar N. O. Revisiting the digital divide in the COVID-19 era. *Appl Econ Perspect Policy*. 2021;43(1):458–464.
5. Thompson K. M., Paul A. Factors of digital inclusion among women: Revisiting India and extending to Chile and Australia for additional analysis. *The Library Quarterly*. 2020;90(2):173–188.
6. Kulpin S. V., Savchuk G. A., Iakimova O. A. Regional analysis of digital inclusion in the C2C market of Russia. *Economy of Regions*. 2022;18(2):437–449. (In Russian).
7. Karpunina E., Zabelina O., Lupacheva S. et al. Assessment of interregional divides in digital development as a basis for the policy of overcoming the Russia's digital lag. *International Journal of Technology, Policy and Management*. 2023;23(2).
8. Karpunina E. K., Arutyunova A. E., Sazanova E. V. et al. Digitalisation determinants and digital dividends of the higher education system (on the example of Russia). *International Journal of Education Economics and Development*. 2022;13(4):392–409.
9. Molchan A. S., Osadchuk L. M., Anichkina O. A. et al. The "Digitalisation trap" of Russian regions. *International Journal of Technology, Policy and Management*. 2023;23(1):20–41.
10. Karpunina E. K., Magomaeva L. R., Kochyan G. A. et al. Digital inequality and forms of its appearance: A comparative analysis in the OECD and BRICS countries. In: *Proceedings of the 37th IBIMA conference*, May 30–31, 2021, Cordoba, Spain. Cordoba: IBIMA Publishing; 2021 p. 1028–1039.
11. Golovina T. A., Khorolskaya T. E., Musostov Z. R. Digital inclusion policy in human capital development. *Natural-Humanitarian Studies*. 2022;(43):77–83. (In Russian).
12. Shabunova A. A., Gruzdeva M. A., Kalachikova O. N. Settlement aspect of digital inequality in modern Russia. *Problems of Territory's Development*. 2020;(4):7–19. (In Russian).
13. Dubinina M. G. Unequal development of the digital economy in federal districts of Russia. *Science Governance and Scientometrics*. 2019;14(3):368–399. (In Russian).

14. Moskovtceva L. V., Pilipchuk N. V., Khashir B. O. et al. Development of digital regional ecosystems: Russian specifics and risk leveling. In: Popkova E. G., Sozinova A. A., editors. *AgroTech*. Singapore: Springer; 2022. p. 79–87.
15. Карпунина Е. К., Кузнецов Ю. В., Юшкова С. Д. и др. Цифровая трансформация хозяйственных систем: новые возможности и риски : коллект. моногр. М. : Русайнс, 2022. 273 с.
16. Александров И. Н., Федорова М. Ю. Влияние цифровой экономики на саморазвитие сельских территорий (на примере регионов Северо-Западного федерального округа России) // Проблемы современной экономики. 2019. № 3. С. 246–250.
17. Thomas J., Barraket J., Wilson C. et al. Measuring Australia's digital divide: The Australian digital inclusion index 2017, RMIT University, Melbourne, for Telstra. Melbourne; 2017. 47 p.
18. Субраманиам Й., Масрон Т. А., Хадиян Н. и др. Цифровой разрыв в развивающихся странах // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15, № 4. С. 115–139.
19. Авдеева И. Л. Цифровая трансформация экономических систем: итоги и перспективы развития // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16, № 1. С. 226–239.
20. Banerjee A., Duflo E., Imbert C. et al. E-governance, accountability, and leakage in public programs: Experimental evidence from a financial management reform in India. NBER Working Paper No. 22803. Cambridge, MA; 2016. 52 p. URL: <https://www.nber.org/papers/w22803.pdf> (дата обращения: 12.03.2023).
21. Dudek H. Determinants of access to the internet in households – Probit model analysis. *Studia i Materiały Polskiego Stowarzyszenia Zarządzania Wiedzą*. 2007;(11):51–56.
22. Townsend L., Wallace C., Fairhurst G. Stuck out here: The critical role of broadband for remote rural places. *Scottish Geographical Journal*. 2015;131(3–4):171–180.
23. Итоги федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (дата обращения: 12.03.2023).
24. Karpunina E. K., Ruzhanskaya N. V., Podorova-Anikina O. N. et al. Transformation of consumer behavior during the COVID-19 pandemic. In: Popkova E. G., Sergi B. S., editors. *Geo-economy of the future: Sustainable agriculture and alternative energy*. Cham: Springer; 2022. p. 85–96.
25. Podorova-Anikina O. N., Karpunina E. K., Gukasyan Z. O. et al. E-commerce market: Intensification of development during the pandemic. In: Popkova E. G., editor. *Proceedings of the Conference "Imitation Market Modeling in Digital Economy"*. Moscow: Rusains; 2022. 273 p. (In Russian).
14. Moskovtceva L. V., Pilipchuk N. V., Khashir B. O. et al. Development of digital regional ecosystems: Russian specifics and risk leveling. In: Popkova E. G., Sozinova A. A., editors. *AgroTech*. Singapore: Springer; 2022. p. 79–87.
15. Karpunina E. K., Kuznetsov Yu. V., Yushkova S. D. et al. Tsifrovaia transformatsiia khoziaistvennykh sistem: novye vozmozhnosti i riski. Collective monograph. Moscow: Rusains; 2022. 273 p. (In Russian).
16. Aleksandrov I. N., Fedorova M. Yu. Impact of the digital economy upon the self-development of rural territories (case of the regions of Russia's North-Western Federal okrug) (Russia, St. Petersburg, Petrozavodsk). *Problems of Modern Economics*. 2019;(3):246–250. (In Russian).
17. Thomas J., Barraket J., Wilson C. et al. Measuring Australia's digital divide: The Australian digital inclusion index 2017, RMIT University, Melbourne, for Telstra. Melbourne; 2017. 47 p.
18. Subramaniam Y., Masron T. A., Hadiyan N. et al. The digital divide in developing countries. *International Organisations Research Journal*. 2020;15(4):115–139. (In Russian).
19. Avdeeva I. L. Digital transformation of economic systems: Results and prospects for development. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2021;16(1):226–239. (In Russian).
20. Banerjee A., Duflo E., Imbert C. et al. E-governance, accountability, and leakage in public programs: Experimental evidence from a financial management reform in India. NBER Working Paper No. 22803. Cambridge, MA; 2016. 52 p. URL: <https://www.nber.org/papers/w22803.pdf> (accessed: 12.03.2023).
21. Dudek H. Determinants of access to the internet in households – Probit model analysis. *Studia i Materiały Polskiego Stowarzyszenia Zarządzania Wiedzą*. 2007;(11):51–56.
22. Townsend L., Wallace C., Fairhurst G. Stuck out here: The critical role of broadband for remote rural places. *Scottish Geographical Journal*. 2015;131(3–4):171–180.
23. Results of the federal statistical monitoring of the issues of population's use of information technology and information and telecommunication networks. Federal State Statistics Service: official web-site. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (accessed: 12.03.2023). (In Russian).
24. Karpunina E. K., Ruzhanskaya N. V., Podorova-Anikina O. N. et al. Transformation of consumer behavior during the COVID-19 pandemic. In: Popkova E. G., Sergi B. S., editors. *Geo-economy of the future: Sustainable agriculture and alternative energy*. Cham: Springer; 2022. p. 85–96.
25. Podorova-Anikina O. N., Karpunina E. K., Gukasyan Z. O. et al. E-commerce market: Intensification of development during the pandemic. In: Popkova E. G., editor. *Proceedings of the Conference "Imitation Market Modeling in Digital Economy"*.

my: *Game Theoretic Approaches*". ISC 2020. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 368. 2022. p. 363–373.

Информация об авторах

С. В. Плясова – кандидат экономических наук, доцент.

С. В. Языкова – кандидат экономических наук.

Е. В. Конищев – старший преподаватель.

И. В. Арасланбаев – кандидат экономических наук, доцент.

Game Theoretic Approaches". ISC 2020. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 368. 2022. p. 363–373.

Information about the authors

S. V. Plyasova – Candidate of Sciences (Economics), Docent.

S. V. Yazykova – Candidate of Sciences (Economics).

E. V. Konishchev – Senior Lecturer.

I. V. Araslanbaev – Candidate of Sciences (Economics), Docent.

Научная статья
УДК 330.131.7:332
DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-61-71

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНИВАНИЯ УРОВНЯ РИСКОВ В РЕГИОНАЛЬНОЙ И ОТРАСЛЕВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Юлиан Николаевич Полишков

Донецкий национальный университет, Донецк, Россия
yul-pol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2574-5925>

Аннотация. Предмет исследования – теоретические и методологические проблемы оценивания уровня экономических рисков, присущих хозяйственным отношениям на отраслевом и региональном уровнях. Цель – развитие методов оценки уровня рисков в региональной и отраслевой экономике, что достигнуто решением задач повышения объективности экспертных методов анализа экономических рисков, совершенствования детерминированных и стохастических методов математического моделирования систем риск-менеджмента. Методология работы включает общие теоретико-экономические методы абстрактно-логического, системно-структурного анализа и синтеза, методы экспертных оценок и методы эконометрики. Авторский подход состоит в сочетании перечисленных методов для совершенствования комплексной методики оценивания уровня рисков в регионе, апробированной на социально-экономических показателях Донецкой и Луганской Народных Республик, а также Кемеровской области. Научная новизна методики заключается в повышении объективности оценки результирующего индикатора уровня экономических рисков в регионе, что позволило сформировать систему поддержки принятия решений в сфере управления хозяйствующими субъектами, отраслями, комплексами территориального образования.

Ключевые слова: риск, регион, экономика, модель, оценка, экспертиза, метод, управление, эффективность, отрасль, подход, хозяйство

Для цитирования: Полшков Ю. Н. Теория и методология оценивания уровня рисков в региональной и отраслевой экономике // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 2. С. 61–71. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-61-71.

Original article

THEORY AND METHODOLOGY OF EVALUATING THE RISK LEVEL IN REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Yulian N. Polshkov

Donetsk State University, Donetsk, Russia
yul-pol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2574-5925>

Abstract. The subject of the study is the theoretical and methodological problems of evaluating the level of economic risk inherent in business relations at the sectoral and regional levels. The study aims to create methods for evaluating risk levels in regional and sectoral economies. The aim is achieved through solving the problems of increasing unbiased expert assessment in terms of economic risk analysis, as well as advancing deterministic and stochastic methods for mathematical stimulation of risk management systems. The methodology of the study includes general theoretical and economical methods of abstract and logical, systematic and structural analysis and synthesis, expert assessment methods, and econometric methods. The author's approach comprises a combination of the methods abovementioned in order to advance a complex method for evaluating the risk level in the region tested on the social and economic data of the Donetsk People's and Luhansk People's Republics, and the Kemerovo region. Improving the impartiality of the assessment of the economic risk level output indicator in the region substantiates the scientific novelty of the

author's approach. This resulted in a support system for decision-making in managing the business entity, sector, and territorial entity complexes.

Keywords: risk, economy, model, evaluation, expertise, method, management, efficiency, sector, approach, business

For citation: Polshkov Yu. N. Theory and methodology of evaluating the risk level in regional and sectoral economy. *Surgut State University Journal*. 2023;11(2):61–71. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-61-71.

ВВЕДЕНИЕ

Любой вид экономической деятельности в той или иной мере сталкивается с неопределенностью, отражающейся в недополученном доходе, нехватке ресурсов, расхождении между прогнозом, планом и фактом. Экономические риски, которые в данной работе будут определяться возможностью потерь в процессе финансово-хозяйственной деятельности, влияют на размер прибыли предприятий, отраслей, комплексов на региональном и общегосударственном уровнях.

Методы оценивания рисков, свойственных самой природе предпринимательства, а также способы их ограничения достаточно полно исследованы в трудах В. М. Безденежных [1]; А. В. Бухвалова, О. А. Алексеевой [2]; Е. А. Кузьмина [3]; М. А. Мызниковой [4]; I. A. Rudskaya [5]; Y. Ben-Haim [6]; K. L. Narayanan, Karuppasamy Ramanathan [7]; A. Padukkage, V. Hooper, J. Toland [8]; S. Song [9]; Н. Л. Кетовой, М. А. Киселевой, В. К. Драничиной [10] и других ученых. Обширный материал для размышлений дает научный журнал «Проблемы анализа риска», в котором публикуют результаты по проблемам региональной и отраслевой экономики такие исследователи, как Е. А. Афанасьева [11]; И. В. Бычков, О. А. Николайчук, А. И. Павлов и соавт. [12]; У. С. Иванов, В. В. Москвичев, О. В. Тасейко [13]; Е. В. Каранина, Ю. Ю. Доменко [14] и Ю. А. Селезневой [15]; М. С. Кызыров [16, 17]; Ю. С. Пиньковецкая [18]; О. А. Рязанова, А. Н. Тимин [19]; О. С. Сухарев, Е. Н. Ворончихина [20]; Е. Е. Теленков [21] и др.

Результаты наблюдений и исследований перечисленных авторов представляют значительный интерес, хотя и не лишены определенных недостатков. В теоретическом аспекте рискологии В. М. Безденежных [1] и М. А. Мызникова [4] четко разграничи-

вают понятия неопределенности и риска, чего нельзя сказать в полной мере о работах [2, 3, 5–21].

Методологически дефиниция «риск» ассоциируется Е. А. Кузьминым [3] с величиной недополученного дохода. Автор же данной статьи больше склоняется к мнению В. М. Безденежных [1], которое отождествляет числовую характеристику «риск» с дисперсией эффективности финансово-хозяйственной операции.

Это убеждение основано на том, что при точке зрения [1] минимум риска возможен, т. к. отражающая его математическая функция является квадратичной. Чего нельзя сказать в случае линейной функции [3].

Спорным является взгляд Y. Ben-Haim [6] на риск как сугубо качественную характеристику. Теоретический фундамент работ [1–5, 7–21] более основателен, т. к. использует количественные подходы к оценке уровня экономического риска.

Перечисленные выше ученые используют разные методы анализа рисков. Наиболее категорична методологическая гипотеза А. Padukkage и соавт. [8] о детерминизме математического инструментария оценивания экономического риска, что фактически отвергает использование стохастических количественных подходов.

На этом закончим обсуждение методов оценки рисков, возникающих в достаточно устойчивых социально-экономических системах.

События последних двух лет актуализируют развитие методологии анализа экономических рисков в сфере управления хозяйствующими субъектами, отраслями, комплексами региона и государства.

Россия, возвращая себе былую мощь Советского Союза и опираясь на многовековые достижения Российской Империи, наращивает степень влияния на мировые геополитиче-

ские процессы. Защита ценностей Русского Мира посредством проведения специальной военной операции и расширение сфер влияния во многих точках земного шара требует коренной модернизации всей российской экономики.

Способы коллективного Запада привести экономику России к состоянию хаоса весьма изощренные. Ограничительные международные санкции, запрет экспорта технологий переросли в откровенный грабеж и диверсии.

Финансовые средства, недвижимость и другие ценности, принадлежащие собственникам из Российской Федерации, присваиваются политическими противниками Кремля. Еще более категоричен подрыв газопровода «Северный поток» в Балтийском море.

Таким образом, проявляется доселе невиданный, энтропийный характер современных экономических рисков. Традиционный теоретико-методологический фундамент риск-менеджмента не удовлетворяет вызовам времени.

Этот факт определил целевую направленность и задачи исследования, приведенные в аннотации.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объектом исследования выступают риски, возникающие в процессе управления экономикой отрасли и региона. Аннотация включает описание предметной области работы.

Для подтверждения на практике выдвигаемых теоретико-методологических гипотез и проверки адекватности совершенствуемых методов использовались информационно-статистические материалы Министерств промышленности и торговли Донецкой [22] и Луганской Народных Республик [23].

Выводы, полученные на основе развития методологии риск-менеджмента, критически осмысливались через призму результатов, полученных группой донецких ученых под руководством А. В. Половяна [24].

Уровни рисков экономик Республик Русского Донбасса сопоставлялись с аналогичными характеристиками, оцененными на базе социально-экономических показателей регионов России, представленных в материалах Федеральной службы государственной статистики [25].

Верификация методов оценивания уровня инвестиционного риска осуществлена на основе материалов, представленных в годовых отчетах Внешэкономбанка Российской Федерации [26].

Предварительная систематизация и обработка количественных показателей и качественных характеристик проводилась общими теоретико-экономическими методами абстрактно-логического, системно-структурного анализа и синтеза.

Повышение объективности экспертных методов анализа экономических рисков в сфере управления хозяйствующими субъектами, отраслями, комплексами региона и государства достигнуто применением методики эконометрического оценивания. Развитие методологии в этом направлении связано с уходом от эгалитаризма, присущего традиционным экспертным методам, а также с использованием стохастических методов экономико-математического моделирования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Под экономическим риском чаще всего понимают вероятность угрозы материальных потерь хозяйствующего субъекта [1]. Последствием реализации таких угроз является утрата предприятием, отраслью, хозяйственным комплексом части имеющихся ресурсов, недополучение выручки от реализации товаров и услуг, дополнительные расходы при осуществлении экономической деятельности.

Экономический риск как следствие неопределенности связан с какими-либо событиями (экономическими, политическими, природно-естественными и пр.) или с последствиями этих событий. Зачастую риск ассоциируют с ситуативной характеристикой экономической деятельности, отображающей неопределенность ее исхода и возможность неблагоприятных последствий для экономики и социальной сферы [3].

Исходя из вышесказанного, выдвинем рабочую гипотезу данного исследования. В самой простой формулировке гипотеза выражается в том, что экономические риски не отделимы от социальных.

Значительная степень взаимовлияния экономических и социальных рисков требует комплексных подходов к оцениванию их уровней. В аналитических схемах основной блок экономических рисков будет дополняться блоком рисков социальной сферы.

С позиций выдвинутой гипотезы риск-менеджмент будет рассматриваться в качестве системы управления хозяйствующими субъектами, отраслями, комплексами на основе оценки возможных потерь в процессе реализации задач социально-экономического развития региона и государства.

В силу того, что приложения совершенствуемой методологии применялись в отношении Донецкой и Луганской Народных Республик, исследуем экспертные методы анализа экономических рисков на уровне региона.

Экспертиза уровня экономического развития региона носит количественный характер. Отчетным периодом традиционно является прошедший год. Помимо доли занятых в экономике региона учитываются в расчете на душу населения:

- объем выпущенной продукции;
- стоимость основных производственных фондов;
- объем инвестиций в производство.

Экспертиза уровня развития трудовых ресурсов региона исходит из показателей квалификации и образования персонала хозяйствующих субъектов. Анализируются также условия труда и территориальная мобильность работников.

Экспертиза уровня благосостояния населения региона состоит в оценке:

- реальных доходов населения;
- наличия недвижимости и другой собственности;
- объема сбережений.

Экспертиза уровня развития социальной сферы региона опирается на:

- состояние инфраструктуры;
- личную и имущественную безопасность;
- удельный вес общественных патологий;
- социально-политическую стабильность;
- распространение традиционных семейных ценностей;
- возможности воспроизводства населения;
- состояние здоровья граждан.

Экспертиза уровня качества окружающей среды складывается из сведений о:

- состоянии почвы, воздушного бассейна и водных ресурсов;
- биологическом разнообразии растительного и животного мира;
- возможностей рекреации внутри региона;
- наличии природных ресурсов;
- климатических условиях.

На основе проведенных экспертиз оцениваются пять индикаторов эффективности управления экономикой и социальной сферы региона. Наличие достаточной временной базы (не менее семи лет) позволяет оценить величины рисков 1) экономического развития, 2) развития трудовых ресурсов, 3) благосостояния населения, 4) развития социальной сферы и 5) качества окружающей среды, рассчитав дисперсии и среднеквадратические отклонения соответствующих эффективностей.

С помощью метода наименьших квадратов строится стандартизированная эконометрическая модель, отражающая зависимость ведущего экономического фактора, роль которого играет объем валового регионального продукта, от уровней пяти рисков.

Свойства этой модели таковы. Чем больше абсолютное значение коэффициента парной регрессии, тем большее влияние соответствующий риск оказывает на социально-экономическое развитие региона, что является одним из проявлений совершенствования детерминированных и стохастических методов математического моделирования систем риск-менеджмента.

Такой подход позволяет рассчитать весовые коэффициенты для каждой величины риска. Значение весового коэффициента равно отношению абсолютного значения соответствующего коэффициента парной регрессии к сумме модулей каждого из коэффициентов.

Данный этап завершает формирование комплексной методики оценивания результирующего индикатора уровня экономических рисков в регионе. Комплексность выражается в том, что традиционные методы экспертного оценивания дополнены методом наименьших квадратов, являющегося ядром большей части эконометрических моделей (рис. 1).

Рис. 1. Схема комплексной методики оценивания уровня экономических рисков в регионе

Примечание: составлено автором.

Для реализации комплексной методики (рис. 1) осуществлен анализ хозяйственного комплекса Русского Донбасса за период с 2016 по 2022 гг. Исследованы совокупные показатели экономик Донецкой и Луганской

Народных Республик по одноименным отраслям и секторам (количество отраслей, секторов и их названия совпадают) [22, 23]. Структура промышленности Русского Донбасса представлена на рис. 2.

Рис. 2. Удельный вес объемов реализации промышленной продукции предприятиями Донецкой и Луганской Народных Республик

Примечание: составлено на основе данных [22–24].

Проведенный анализ экономики и социальной сферы Русского Донбасса за период с 2016 по 2022 гг. послужил основой реализации комплексной методики оценивания уровня экономических рисков в регионе.

Наименьший уровень экономических рисков зафиксирован в черной металлургии. Далее по возрастающей следуют электроэнергетика, пищевая промышленность, сфера услуг и т. д. Наибольший уровень экономических

рисков имеет место в угледобывающей промышленности.

Не последнюю роль в полученных результатах сыграл тот факт, что черная металлургия занимает наибольшую долю в экономике Русского Донбасса. По состоянию на 2022 г. в Донецкой и Луганской Народных Республиках работало около 80 металлургических предприятий. В отрасли трудилось примерно 45 тыс. человек, выпуская продукцию разных видов (табл. 1).

Таблица 1

**Производство основных видов продукции черной металлургии
в Донецкой и Луганской Народных Республиках, млн тонн**

Год	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Чугун	4,5	2,6	3,5	3,9	4,1	4,4	4,6
Сталь	3,5	1,9	2,1	2,4	2,8	2,3	3,6
Готовый прокат	1,9	1,3	1,6	1,8	1,9	2,0	2,1
Кокс	4,1	2,1	3,5	4,1	4,3	4,4	4,5

Примечание: составлено на основе данных [22, 23].

Наибольший спад производства основных видов металлургической продукции произошел в 2017 г. По сравнению с 2016 г. производство в натуральных показателях уменьшилось на 42 % по чугуну, 46 % по стали, 32 % по готовому прокату и 49 % по коксу.

В свою очередь наибольший рост производства основных видов продукции черной металлургии наблюдался в 2018 г. По сравнению с 2017 г. производство в млн тонн увеличилось на 35 % по чугуну, на 23 % по готовому прокату и на 67 % по коксу.

Резкие провалы и подъемы связаны с конъюнктурой потребления на внутренних рынках Донецкой и Луганской Народных Республик, которая во многом определялась непризнанным статусом территорий и боевыми действиями.

Общая картина такова. По всем основным видам металлургической продукции за период с 2016 по 2022 гг. имел место небольшой среднегодовой рост: + 3,5 % по чугуну, + 5,7 % по стали, + 3,3 % по готовому прокату, + 7,4 % по коксу.

Определенная экономическая стабилизация объясняется переходом наиболее крупных металлургических предприятий Русского

Донбасса под внешнее управление российских собственников. Это обеспечило местной черной металлургии выход на потребителей в Российской Федерации и государствах Таможенного союза (под российскими торговыми марками).

Доля металлургии в выпуске промышленной продукции в течение последних семи лет колебалась от 25 % до 50 % (32 % в среднем), приблизившись в пропорциях практически к довоенной ситуации. Более 60 % продукции идет на экспорт, и данный показатель растет [22, 23].

С 2018 г. вновь заработал Харцызский трубный завод, что удалось благодаря кооперации предприятий Донецкой и Луганской Народных Республик. На Харцызском трубном заводе производственные процессы возобновились вследствие восстановления полноценной работы Алчевского металлургического комбината.

В Харцызске производят прямошовные электросварные трубы крупных диаметров. Их используют на магистральных трубопроводах и в тепловых сетях. Харцызский трубный завод способен изготавливать более 500 тыс. тонн данной продукции еже-

годно, что характеризует промышленный потенциал хозяйственного комплекса Русского Донбасса в составе Российской Федерации [22].

В стоимостном измерении картина выглядит следующим образом (рис. 3).

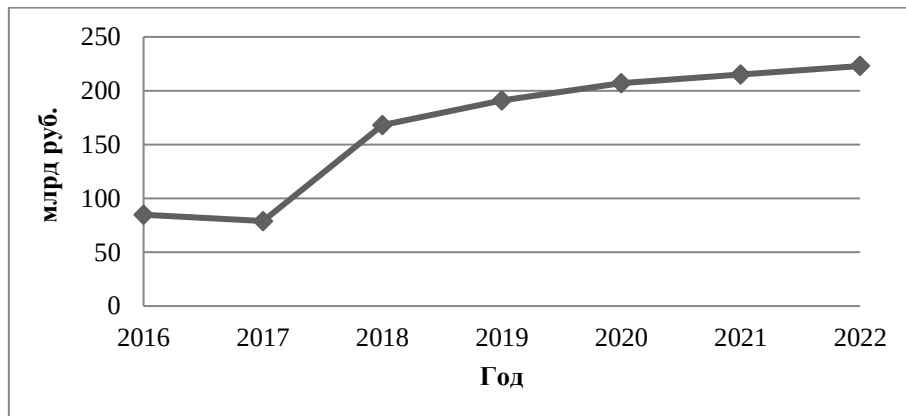

Рис. 3. Доход от реализации продукции металлургических предприятий Донецкой и Луганской Народных Республик
Примечание: составлено на основе данных [22, 23].

Наименьший объем реализации в 2017 г. связан с отсутствием крупных заказов на продукцию черной металлургии за пределами Донецкой и Луганской Народных Республик. Стабилизация ситуации с экспортом привела к росту доходов. Начиная с 2020 г., ежегодные продажи превышали 200 млрд руб. При этом среднегодовой прирост составлял более 20 %, что можно назвать положительным результатом в контексте реализации промышленного потенциала хозяйственного комплекса Русского Донбасса в составе Российской Федерации.

Результирующий индикатор уровня экономических рисков в Донецкой и Луганской Народных Республиках был сопоставлен с тем же показателем по Кемеровской области [25]. Выбор региона обусловлен тем, что экономика Кузбасса во многом схожа с экономикой Русского Донбасса.

Экономические риски Донецкой и Луганской Народных Республик выше, чем риски, присущие хозяйственному комплексу Кемеровской области. Причем отличие качественное.

Средняя рентабельность экономической деятельности хозяйствующих субъектов Русского Донбасса по разным оценкам [22–24] составляет около 5 %. Однако уровень экономических рисков настолько высок, что воз-

можен выход на нулевую и даже отрицательную рентабельность, как в угледобывающей промышленности Донецкой и Луганской Народных Республик.

Несмотря на наличие рисков в экономике Кузбасса, вышеописанная критическая ситуация не свойственна данному старопромышленному региону. Существенный вклад в устойчивое социально-экономическое развитие Кемеровской области вносят реализуемые государством крупные и долгосрочные инвестиционные проекты в металлургической промышленности, нефтепереработке, химической отрасли, транспортной инфраструктуре [26].

Полученные результаты, отталкиваясь от трудов предшественников [1–21, 24], развивают теорию и методологию оценивания уровня рисков, присущих экономике отрасли и региона. В ходе исследования обоснована необходимость увеличения числа количественных показателей и качественных характеристик при совершенствовании методов экспертного анализа экономических рисков в регионе, что обобщает результаты В. М. Безденежных [1] и Е. А. Кузьмина [3].

Развивая методы эконометрического моделирования при оценивании уровня рисков в экономике и социальной сфере региона,

автор дополнил результаты K. L. Narayanan и соавт. [7], A. Padukkage и соавт. [8], S. Song [9].

Анализ экономик Донецкой и Луганской Народных Республик выполнен с позиций риск-менеджмента, расширяя спектр рекомендаций, предложенных в коллективном докладе под научной редакцией А. В. Половяна, Р. Н. Лепы, Н. В. Шемякиной [24].

Научная новизна данного исследования заключается в совершенствовании комплексной методики оценивания уровня экономических рисков в регионе, что выполнено путем сочетания методов экспертного анализа и методов эконометрического моделирования. Методика позволяет определить удельный вес рисков экономического развития, развития трудовых ресурсов, благосостояния населения, развития социальной сферы и качества окружающей среды, что повышает объективность оценки результирующего индикатора уровня экономических рисков в регионе, формируя систему поддержки принятия решений в сфере управления хозяйствующими субъектами, отраслями, комплексами территориального образования.

Объективность работы подтверждается использованием обширной информационной базы, представленной на электронных ресурсах государственных органов управления экономикой и социальной сферой [22, 23, 25, 26], корректным применением статистического инструментария систематизации и обработки данных, допустимым расхождением прогнозных и фактических значений показателей, взятых из достоверных источников [24].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставление априорных сведений и апостериорных итогов позволяет сделать вывод, что цель работы достигнута. Поставленные задачи решены посредством формирования комплексной методики оценивания результирующего индикатора уровня экономических рисков в регионе, которая была успешно апробирована на социально-экономических показателях Донецкой и Луганской Народных Республик, а также Кемеровской области.

Полученные результаты расширили границы заявленной тематики исследования и дополнили научные знания в области эко-

номической теории, региональной и отраслевой экономики в контексте развития методов риск-менеджмента.

Критический уровень рисков, присущих экономике Русского Донбасса, требует коренной трансформации управляющих воздействий посредством:

- расширения направлений экономической деятельности промышленности региона;
- увеличения числа наименований выпускаемой продукции;
- диверсификации производства.

Скорейшее встраивание предприятий Донецкой и Луганской Народных Республик в промышленность и сельское хозяйство Российской Федерации позволит:

- увеличить уровень загрузки основных производственных фондов;
- повысить квалификацию трудовых ресурсов;
- построить эффективную систему сбыта продукции;
- перенять опыт государственно-частного партнерства;
- создать современную индустриально-аграрную логистику.

Многое зависит от грамотного использования промышленного потенциала Русского Донбасса, которое способствует:

- эффективному расходованию и экономии ресурсов;
- росту фондовооруженности и фондоотдачи;
- снижению фондоемкости и энергоемкости производства;
- совершенствованию системы технического обеспечения;
- модернизации применяемых технологий.

Эффект от использования кадрового потенциала Донецкой и Луганской Народных Республик проявится в:

- росте производительности и качестве труда;
- снижении «текучки» квалифицированного персонала;
- повышении доли творческой работы в общем объеме трудовых усилий.

Увеличение скорости оборота денежных средств хозяйствующих субъектов и уменьшение капиталоемкости производства обес-

печит эффективность применения финансовых ресурсов в экономике Русского Донбасса.

Перспективы дальнейших исследований по заявленной тематике видятся автору в совершенствовании детерминированных и стохастических методов моделирования систем риск-менеджмента с помощью инструментария математических методик исследования операций, теории вероятностей, экономиче-

ской статистики, теории случайных процессов. Выбор именно таких направлений развития методологии оценивания уровня рисков обусловлен нарастанием турбулентных явлений в экономической жизни стран и регионов мира, что требует использования стохастических подходов с последующей адаптацией к конкретным реалиям хозяйственных отношений на микро-, мезо- и макроуровнях.

Список источников

1. Безденежных В. М. Управление неопределенностью и риском при функционировании сложных систем – теорема соотношения уровней неопределенности и риска // Экономика и управление: проблемы, решения. 2015. Т. 1, № 12. С. 123–131.
2. Бухвалов А. В., Алексеева О. А. Стратегии международных компаний: влияние факторов неопределенности : науч. доклад № 11(R)–2015. СПб. : Высшая школа менеджмента, С.-Петербург. гос. ун-т, 2015. 27 с.
3. Кузьмин Е. А. Проблема неопределенности как научной категории // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2014. № 3. С. 90–100.
4. Мызникова М. А. Стратегическое управление организацией в условиях неопределенности: механизмы и инструменты: моногр. Донецк : ГБУ «Институт экономических исследований», 2022. 366 с.
5. Rudskaya I. A. Methods to evaluate uncertainty of investment process in innovative organizations. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2013;(1–2):149–154.
6. Ben-Haim Y. Dealing with uncertainty in strategic decision-making. *Parameters, US Army War College Quarterly*. 2015;45(3):63–73.
7. Narayanan K. L., Ramanathan Karuppasamy. Strategy during uncertainty – Environmental analysis. *International Journal of Management and International Business Studies (IJMIBS)*. 2014;4(3):361–370.
8. Padukkage A., Hooper V., Toland J. Implications of environmental uncertainty for business-IT alignment: A comparative study of SMEs and large organizations. In: *Proceedings of the Australasian Conference on Information Systems (ACIS) 2015*, Adelaide, Australia. 2015. p. 115.
9. Song S. Entry mode irreversibility, host market uncertainty, and foreign subsidiary exits. *Asia Pacific Journal of Management*. 2014;31(2):455–471.
10. Кетоева Н. Л., Киселева М. А., Драницына В. К. Классификация рисков в образовательной деятельности высших учебных заведений, участвующих в проекте «Приоритет-2030» // Вестник Сургутского государственного университета. 2022. № 3. С. 6–15. DOI 10.34822/2312-3419-2022-3-6-15.
11. Афанасьева Е. А. Совершенствование процесса управления рисками при разработке продукции космического машиностроения путем его непре-

References

1. Bezdenzhnykh V. M. Management of uncertainty and risk in the operation of complex systems – Theorem ratio levels of uncertainty and risk. *Economics and Management: Problems, Solutions*. 2015;1(12):123–131. (In Russian).
2. Bukhvalov A. V., Alekseeva O. A. Strategii mezhduнародnykh kompanii: vliianie faktorov neopredelennosti. Scientific report No. 11(R)–2015. St. Petersburg: Graduate School of Management, St. Petersburg State University; 2015. 27 p. (In Russian).
3. Kuzmin E. A. The problem of uncertainty as a scientific category. *Strategic Decisions and Risk Management*. 2014;(3):90–100. (In Russian).
4. Myznikova M. A. Strategicheskoe upravlenie organizatsiei v usloviiakh neopredelennosti: mekhanizmy i instrumenty. Monograph. Donetsk: Economic Research Institute; 2022. 366 p. (In Russian).
5. Rudskaya I. A. Methods to evaluate uncertainty of investment process in innovative organizations. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2013;(1–2):149–154.
6. Ben-Haim Y. Dealing with uncertainty in strategic decision-making. *Parameters, US Army War College Quarterly*. 2015;45(3):63–73.
7. Narayanan K. L., Ramanathan Karuppasamy. Strategy during uncertainty – Environmental analysis. *International Journal of Management and International Business Studies (IJMIBS)*. 2014;4(3):361–370.
8. Padukkage A., Hooper V., Toland J. Implications of environmental uncertainty for business-IT alignment: A comparative study of SMEs and large organizations. In: *Proceedings of the Australasian Conference on Information Systems (ACIS) 2015*, Adelaide, Australia. 2015. p. 115.
9. Song S. Entry mode irreversibility, host market uncertainty, and foreign subsidiary exits. *Asia Pacific Journal of Management*. 2014;31(2):455–471.
10. Ketoeva N. L., Kiseleva M. A., Dranitsyna V. K. Classification of risks in educational activities of higher educational institutions participating in the Priority-2030 project. *Surgut State University Journal*. 2022;(3):6–15. DOI 10.34822/2312-3419-2022-3-6-15. (In Russian).
11. Afanasyeva E. A. Improvement of risk management process in space product development through its continuous integration. *Issues of Risk Analysis*.

- рывной интеграции // Проблемы анализа риска. 2021. Т. 18, № 6. С. 54–65. DOI 10.32686/1812-5220-2021-18-6-54-65.
12. Бычков И. В., Николайчук О. А., Павлов А. И. и др. Использование показателей уязвимости и опасности для оценки риска территорий Иркутской области // Проблемы анализа риска. 2020. Т. 17, № 6. С. 22–37. DOI 10.32686/1812-5220-2020-17-6-22-37.
13. Иванов У. С., Москвичев В. В., Тасейко О. В. Ранжирование территорий Красноярского края с использованием риск-ориентированного подхода // Проблемы анализа риска. 2019. Т. 16, № 4. С. 48–63. DOI 10.32686/1812-5220-2019-16-4-48-63.
14. Каранина Е. В., Доменко Ю. Ю. Оценка влияния факторов на развитие сельскохозяйственного производства региона с позиции риск-ориентированного подхода // Проблемы анализа риска. 2022. Т. 19, № 1. С. 54–63. DOI 10.32686/1812-5220-2022-19-1-54-63.
15. Каранина Е. В., Селезнева Е. Ю. Методы анализа и диагностики рисков социально-экономической безопасности региона с учетом факторов развития потребительского рынка // Проблемы анализа риска. 2020. Т. 17, № 2. С. 10–21. DOI 10.32686/1812-5220-2020-17-2-10-21.
16. Кызыуров М. С. Оценка рисков как этап управления рисками финансово-бюджетной безопасности региона в условиях санкционной войны западных стран против России (на примере Кировской области) // Проблемы анализа риска. 2022. Т. 19, № 4. С. 30–44. DOI 10.32686/1812-5220-2022-19-4-30-44.
17. Кызыуров М. С. Оценка рисков корпоративно-финансовой безопасности региона (на примере Республики Коми) // Проблемы анализа риска. 2021. Т. 18, № 4. С. 66–78. DOI 10.32686/1812-5220-2021-18-4-66-78.
18. Пиньковецкая Ю. С. Оценка регионального уровня катастрофического предпринимательского риска // Проблемы анализа риска. 2019. Т. 16, № 3. С. 52–61. DOI 10.32686/1812-5220-2019-16-3-52-61.
19. Рязанова О. А., Тимин А. Н. Социально-экономические риски и угрозы в системе экономической безопасности региона // Проблемы анализа риска. 2022. Т. 19, № 6. С. 76–85. DOI 10.32686/1812-5220-2022-19-6-76-85.
20. Сухарев О. С., Ворончихина Е. Н. Влияние рисков на распределение ресурсов в секторах экономики и индустриализацию // Проблемы анализа риска. 2019. Т. 16, № 5. С. 40–61. DOI 10.32686/1812-5220-2019-16-5-40-61.
21. Теленков Е. Е. Оценка и управление технико-производственными рисками в промышленности // Проблемы анализа риска. 2020. Т. 17, № 6. С. 38–49. DOI 10.32686/1812-5220-2020-17-6-38-49.
22. Промышленный потенциал ДНР – 2021 // Министерство промышленности и торговли Донецкой 2021;18(6):54–65. DOI 10.32686/1812-5220-2021-18-6-54-65. (In Russian).
12. Bychkov I. V., Nikolaichuk A. I., Pavlov A. I. et al. Using hazard and vulnerability indicators for the risk assessment of the Irkutsk region territories. *Issues of Risk Analysis*. 2020;17(6):22–37. DOI 10.32686/1812-5220-2020-17-6-22-37. (In Russian).
13. Ivanov U. S., Moskvichev V. V., Taseiko O. V. Classifying of Krasnoyarsk territory using a risk-based approach. *Issues of Risk Analysis*. 2019;16(4):48–63. DOI 10.32686/1812-5220-2019-16-4-48-63. (In Russian).
14. Karanina E. V., Domenko Yu. Yu. Assessment of the impact of factors on the development of agricultural production in the region from a risk-oriented perspective. *Issues of Risk Analysis*. 2022;19(1):54–63. DOI 10.32686/1812-5220-2022-19-1-54-63. (In Russian).
15. Karanina E. V., Selezneva E. Yu. Methods of analysis and diagnosis of risks of the socioeconomic security of the region, taking into account factors in the development of the consumer market. *Issues of Risk Analysis*. 2020;17(2):10–21. DOI 10.32686/1812-5220-2020-17-2-10-21. (In Russian).
16. Kyzuyurov M. S. Risk assessment as a stage of risk management of the financial and budgetary security of the region in the context of the sanctions war of Western countries against Russia (on the example of the Kirov region). *Issues of Risk Analysis*. 2022;19(4):30–44. DOI 10.32686/1812-5220-2022-19-4-30-44. (In Russian).
17. Kyzuyurov M. S. Assessment of risks of corporate and financial security of the region (on the example of the Komi Republic). *Issues of Risk Analysis*. 2021;18(4):66–78. DOI 10.32686/1812-5220-2021-18-4-66-78. (In Russian).
18. Pinkovetskaya Yu. S. Evaluation of regional level catastrophic entrepreneurial risk. *Issues of Risk Analysis*. 2019;16(3):52–61. DOI 10.32686/1812-5220-2019-16-3-52-61. (In Russian).
19. Ryazanova O. A., Timin A. N. Socio-economic risks and threats in the economic security system of the region. *Issues of Risk Analysis*. 2022;19(6):76–85. DOI 10.32686/1812-5220-2022-19-6-76-85. (In Russian).
20. Sukharev O. S., Voronchikhina E. N. Risk impact on resource distribution in sectors economics and industrialization. *Issues of Risk Analysis*. 2019;16(5):40–61. DOI 10.32686/1812-5220-2019-16-5-40-61. (In Russian).
21. Telenkov E. E. Assessment and management of technical and production risks in industry. *Issues of Risk Analysis*. 2020;17(6):38–49. DOI 10.32686/1812-5220-2020-17-6-38-49. (In Russian).
22. Industrial capacity of the Donetsk People's Republic – 2021. Ministry of Industry and Trade of the Donetsk People's Republic: official web-site. URL: <https://www.mpt-dnr.ru/pages/catalog.html> (accessed: 09.02.2023). (In Russian).
23. Industrial sector of the Luhansk People's Republic. Ministry of Industry and Trade of the Luhansk People's

- Народной Республики. URL: <https://www.mpt-dnr.ru/pages/catalog.html> (дата обращения: 09.02.2023).
23. Промышленность Луганской Народной Республики // Министерство промышленности и торговли Луганской Народной Республики. URL: <https://www.minpromlnr.su/all.html> (дата обращения: 09.02.2023).
24. Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения : науч. докл. / коллектив авторов ГУ «Институт экономических исследований»; под науч. ред. А. В. Половяна, Р. Н. Лепы, Н. В. Шемякиной. Донецк : ГУ «Институт экономических исследований», 2021. 360 с.
25. Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 09.02.2023).
26. Годовые отчеты Внешэкономбанка РФ // Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ». URL: <https://вэб.рф/investoram/otchetnost/godovyye-otchety/> (дата обращения: 09.02.2023).
- Republic: official web-site. URL: <https://www.minpromlnr.su/all.html> (accessed: 09.02.2023). (In Russian).
24. Economic Research Institute's group of authors. *Ekonomika Donetskoi Narodnoi Respubliki: sostoianie, problemy, puti resheniia*. Scientific report. Polovyan A. V., Lepa R. N., Shemyakina N. V., editors. Donetsk: Economic Research Institute; 2021. 360 p. (In Russian).
25. Russia's regions. Social and economic indicators. Federal State Statistics Service: official web-site. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed: 09.02.2023). (In Russian).
26. *Godovye otchety Vneshekonombanka RF. "VEB.RF" state development institution: official web-site*. URL: <https://вэб.рф/investoram/otchetnost/godovyye-otchety/> (accessed: 09.02.2023). (In Russian).

Информация об авторе

Ю. Н. Полшков – доктор экономических наук, доцент.

Information about the author

Yu. N. Polshkov – Doctor of Sciences (Economics), Docent.

Научная статья
УДК 37.014.54 + 330.3
DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-72-83

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ КАК ФЕНОМЕН И ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭПОХИ

Далериддин Шамсиевич Хомитов^{1✉}, Баходурхон Мамудхонович Бабаджанов²

¹ Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики, Худжанд, Республика Таджикистан

² Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова, Худжанд, Республика Таджикистан

¹ dalerdin@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-8458-0334>

² babay12082022@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7303-9665>

Аннотация. Основной целью исследования является анализ перспектив современного образования в эпоху развития цифровых технологий. Требования, которые предъявляет международный рынок труда, становятся более информационно-направленными и предполагают частое использование методов из точных и технических наук. Внедрение и реализация данных методов в различные исследования и на всю профессиональную деятельность специалистов заставляют пересмотреть многие образовательные концепции в подготовке будущих специалистов различного профиля. И эта потенциальная проблема, которая с большой долей вероятности может возникнуть в ближайшем будущем, освещается через призму педагогического синкретизма, предполагающего создание гармоничных условий для обучения и подготовки учащихся, чтобы сформировать интеллектуальный капитал любого государства в будущем.

Ключевые слова: педагогический синкретизм, цифровое образование, цифровой университет, интеллектуальный капитал, диверсификация образовательной парадигмы

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке Худжандского государственного университета имени академика Бободжона Гафурова и Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики.

Для цитирования: Хомитов Д. Ш., Бабаджанов Б. М. Педагогический синкретизм как феномен и драйвер развития интеллектуального капитала постиндустриальной эпохи // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 2. С. 72–83. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-72-83.

Original article

PEDAGOGICAL SYNCRETISM AS A PHENOMENON OF AND DEVELOPING FACTOR FOR AN INTELLECTUAL CAPITAL IN THE POST-INDUSTRIAL ERA

Daleriddin Sh. Khomitov^{1✉}, Bakhodurkhon M. Babadzhanov²

¹ Tajik State University of Law, Business and Policy, Khujand, the Republic of Tajikistan

² Khujand State University named after Academician Bobojon Gafurov, Khujand, the Republic of Tajikistan

¹ dalerdin@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-8458-0334>

² babay12082022@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7303-9665>

Abstract. The study aims to analyze the prospects of contemporary education in the digital era. The requirements of the international labor market are becoming more information-oriented, implying a frequent usage of methodologies from the mathematical and engineering sciences. The introduction and implementa-

tion of these methods into various studies and the entire professional activities of specialists provide for the re-evaluation of many education concepts in preparing future specialists in numerous fields. This issue is likely to arise in the near future. Therefore, it is addressed through the prism of pedagogical syncretism, which implies the creation of a comfortable environment for the education and training of students in order to build the intellectual capital of any state in the future.

Keywords: pedagogical syncretism, digital education, digital university, intellectual capital, diversification of education paradigm

Funding: the article was supported by Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov and Tajik State University of Law, Business and Policy.

For citation: Khomitov D. Sh., Babadzhonov B. M. Pedagogical syncretism as a phenomenon of and developing factor for an intellectual capital in the post-industrial era. *Surgut State University Journal*. 2023;11(2):72–83. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-72-83.

ВВЕДЕНИЕ

Педагогическая наука в Республике Таджикистан на пороге XXI в. приобрела новый статус стратегической геополитической науки. Сегодня необходимо философски осмыслить интегративное движение науки и образования, которое стратегически направлено не только на духовное развитие нации, но и на развитие экономики страны в целом. Образование человека, его здоровье, культура, духовное, интеллектуальное развитие, взаимное влияние образования и геополитики, образования и культуры, образования и экономики в третьем тысячелетии постоянно находятся в центре внимания ведущих ученых республики.

В этих условиях первостепенной задачей ведущих ученых республики становится активное включение общества в новые процессы развития науки, образования и экономики, объединение в этом движении представителей всех научных сообществ страны.

В этом процессе сложилось несколько направлений научных исследований.

В национальной стратегии развития Таджикистана на период до 2030 г. установлены приоритеты развития человеческого потенциала. В ней указаны основные направления развития образования и науки, которые включают в себя обеспечение равенства и доступности образования, повышение качества образования на всех уровнях, увеличение финансовой стабильности и эффективности в секторе образования, развитие национальных центров для исследований

и проектирования, а также укрепление и эффективная реализация научного потенциала страны. Кроме того, стратегия также предусматривает меры по повышению здоровья населения, созданию условий для занятости и повышению качества жизни людей, а вся данная стратегия базируется на четырех различных направлениях в области образования и развития нации.

Первое направление фокусируется на научных и образовательных технологиях, а также на перспективах интегративного развития нации и образования.

Второе – посвящено здоровью нации и ставит проблемы формирования духовного и физического здоровья молодежи, взаимосвязи мировоззренческих ориентиров и психического здоровья индивидуума, а также связи этих вопросов с экологическим воспитанием.

Третье – охватывает вопросы управления современным процессом образования и правового образования, а также их связь с образовательной политикой.

Четвертое – раскрывает различные аспекты развития образования и экономической науки, а также предоставляет обзор конкретных технологий образования, включая технологии интеллектуального развития, которые могут способствовать формированию высоко интеллектуального человеческого капитала и стать движущей силой экономического роста Республики Таджикистан [1].

Согласно четвертому направлению актуальной задачей в деле подготовке специалиста в высших профессиональных учреждениях

большую роль начинает играть цифровое обучение и цифровая трансформация образовательного процесса.

Это особенно актуально в процессе внедрения педагогического синкретизма, который обозначает не только идею, но и целую парадигму, технологии, которые преподаватель будет должен применять к ученикам, студентам и предлагать настраиваемые программы обучения на основе их различных стратегий и уровня знаний. Педагогический синкретизм предполагает, что предмет должен быть преподаваем по-разному и индивидуально, исходя из потребностей каждого учащегося.

Цель исследования – актуализация и рассмотрение концепции педагогического синкретизма как социально-экономического феномена и его роль в развитии когнитивного роста людей, который в свою очередь воздействует на социально-экономическое развитие в целом.

Научным посылом и основной концепцией данного исследования стали работы Э. Ханушека, Л. Вёссманна [2] о значимости интеллектуального капитала для экономического развития страны и теория парадигм Т. Куна [3].

Цивилизационные достижения человечества – это история развития общества, культуры и экономики. Образование же, как значимый атрибут человеческой культуры – результат продуцирования данных феноменов.

Вся образовательная система (независимо от модели) представляет собой иерархическую стратификацию, в которой субъект (им может быть ученик, студент или преподаватель) того или иного стратума в совокупности обладает гетерогенными и специфическими характеристиками, так или иначе влияющими на учебно-воспитательные процессы внутри данного слоя.

Описанием, анализом, поиском связей между компонентами системы и определением основного содержания триединой системы образования «обучение = воспитание = развитие» занимается *инфоноосферная эдукология* – междисциплинарная наука, сочетающая в себе элементы классической педагогики,

информатики и физики. Автором данной концепции и этого термина является ученый-физик Извочкиков Валерий Александрович.

Именно в рамках инфоноосферной эдукологии – педагогики новой информационной, если конкретнее – цифровой эпохи, соединившей в себе все дисциплины инновационного характера, включая и образовательные системы, технологии и экономические процессы, тесно взаимодействующие и учитывающие всю специфику информационного общества, мы выделяем особенно педагогический синкретизм [4]. Небывалый рост информационного потока, цифровизация экономики, культуры и компетенций, размежевание в цифровом мире границ естественно-точных и гуманитарных наук, возникновение новых специальностей, так или иначе связанных сетевыми процессами, возникновение такой области как digital humanities (цифровые гуманитарные науки) – вот тот неполный перечень, который способствовал зарождению этого социально-экономического феномена. Задачу нашей научной работы составляет изучение феномена педагогического синкретизма с позиции экономической науки. О степени влияния образования на экономику в экономической науке традиционно высказывались еще представители ее классического направления: У. Петти, А. Смит [2, с. 11], А. Маршалл. Однако во второй половине XX в. образовательная сфера приобрела огромное значение как составная часть экономической науки, и многие экономисты начали изучать связь между образованием и экономикой.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В ходе исследовательской работы использовались следующие общепедагогические и общенаучные методы, концепции и принципы:

- метод диалектического материализма (само зарождение педагогического синкретизма как социально-экономического феномена можно было спрогнозировать уже как результат общеметодологической концепции диалектики Гегеля. Ведь общеизвестно, что на основе его диалектики любое противостояние и при-

мирение двух рьяных антагонизмов соответствует взглядам этого немецкого философа на сущность прогресса. Если брать его учение в аспекте основного предмета нашего исследования, по Гегелю двигатель какого-либо феномена (например, вся история человечества) – это конфликт одной социально-экономической формации с другой [5, с. 70–126]. Каждый шаг в развитии человеческой цивилизации или ее основных атрибутов (культурных артефактов самого человека) со времен его доисторических предков и до XXI в. вызван силами, которые сталкиваются и создают что-то новое. Философия Гегеля основана на уверенности в том, что мир или человеческая цивилизация действует по рациональным принципам и что истинная природа реальности познаваема) [6];

- концепция научных революций и парадигм Т. Куна (по Т. Куну любая научная парадигма, созданная на общенаучных принципах, имеет тенденцию сменяться на более продвинутую и отвечающую жизненным вопросам общества. Педагогический синкретизм – это ответ на новый вызов наступающей постиндустриальной эпохи, где традиционные образовательные системы меняются на другие образовательные траектории и системы, чутко соотносясь с требованиями общества, экономики и цивилизации);

- метод абстракции (данный метод в контексте нашего основного предмета исследования представляет собой процесс идентификации особенностей педагогического синкретизма как социально-экономического феномена, где он является неким «агрегатором» перспективных культурных потребностей, таких как новое цифровое поведение, образование и культурное взаимодействие в другой («виртуальной») среде);

- метод индукции (при нем даются глобальные тенденции в области образования и требования к современным образовательным учреждениям, так как они уже не успевают адаптироваться к реалиям уровня подготовки профессиональных кадров. Педагогический синкретизм занимает здесь свою нишу согласно появлению нового уровня професси-

ональных компетенций, навыков и умений, которые должны стать драйверами интеллектуального роста подрастающего поколения, а уровень этого роста коррелирует с экономическим ростом);

- метод дедукции (используя предположение о том, что педагогический синкретизм не является чисто образовательным «понятием», а выходит за рамки педагогических исследований, мы подводим нашу научную гипотезу под фактологические моменты, которые, дифференцируясь и дробясь, складываются в отдельные, но взаимосвязанные цепочки нашего исследования).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Культура, как и человечество в целом, имеет свои вехи, но если описывать ее развитие в рамках образования, то она делится на три основных этапа: архаичный, индустриальный и постиндустриальный. Данная типология культурных эпох достаточно условная, но вектор эволюции здесь четко просматривается.

Из трех этапов цивилизационного развития человека основным объектом нашего исследования будет именно постиндустриальная культура. Данный выбор обусловлен тем, что это такой тип культурной эпохи, где в образовании доминируют креативные инновации. Базой этой образовательной модели являются и будут являться социально значимые умения и навыки: коммуникация (реальная и виртуальная), интеллектуальная гибкость, навыки кооперации и социальная ответственность. Кроме этого, наряду с социальными навыками (от англ. *soft skills*), необходимы будут также и прикладные навыки (от англ. *hard skills*), куда входят цифровые и технические умения. Главной средой и способом обучения в постиндустриальной модели образования будет сеть интернет и образование (см. рис. 1–3), а средством ретрансляции знаний (см. рис. 4) становится продуцирование деятельности всех поколений в целом. В данной образовательной модели основным организатором и модератором становится общество.

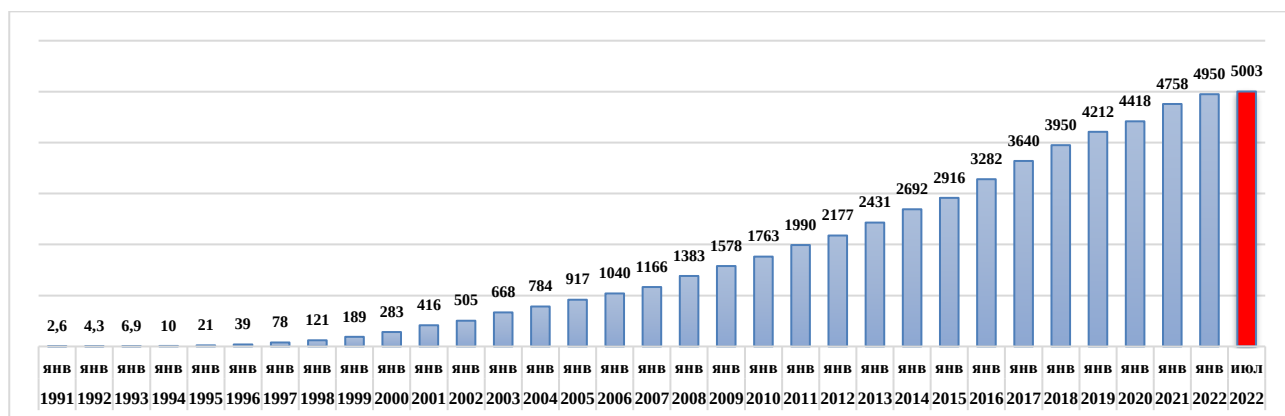

Рис. 1. Динамика роста интернет-пользователей с первого года функционирования всемирной сети (млн чел.)
Примечание: составлено авторами на основании данных [7].

Рис. 2. Динамика численности населения и зачисления в образовательные учреждения, Таджикистан, 2010–2030 гг.
Примечание: составлено авторами на основании данных [8].

Рис. 3. Состояние цифровой среды на июль 2022 г.
Примечание: составлено авторами на основании данных [9].

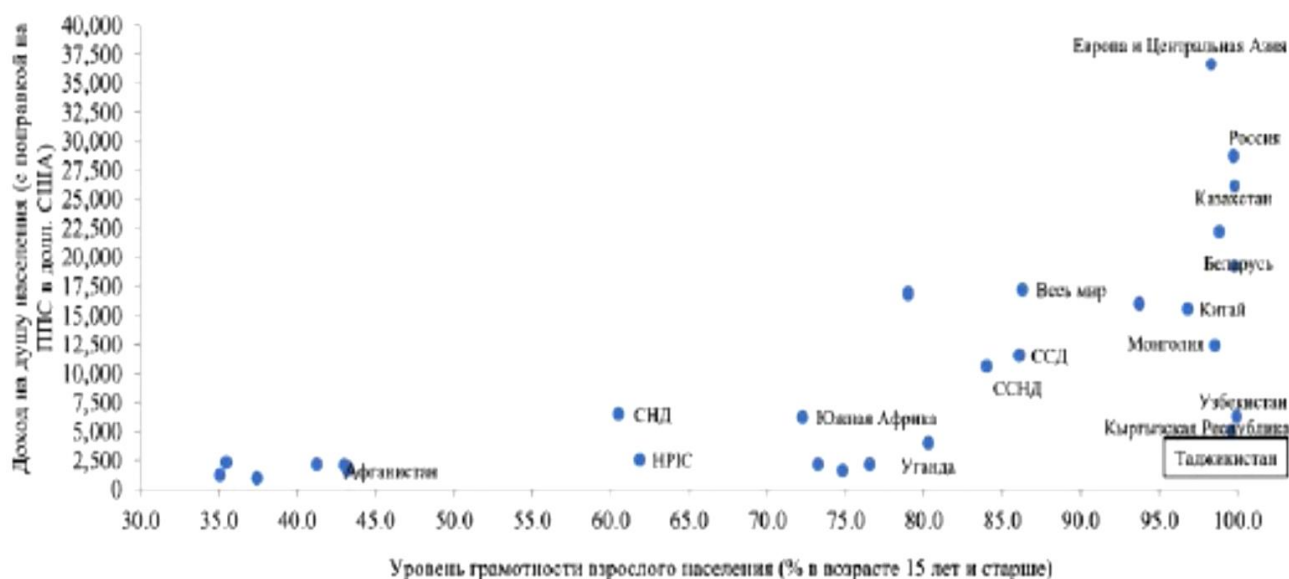

Рис. 4. Грамотность взрослого населения в Таджикистане по отношению к ВВП на душу населения в сопоставимых странах с низкими доходами и странах Европы и Центральной Азии (2018 г. или последний год, по которому имеются данные)

Примечание: составлено авторами на основании данных [8].

Предпосылкой же становления постиндустриальной культуры является четвертая

промышленная революция (Industry 4.0) (рис. 5).

Рис. 5. Этапы промышленной революции

Примечание: составлено авторами.

Общественное устройство постиндустриальной культуры согласно академической конвенциональности можно называть постиндустриальным обществом. Хотя в научных работах многочисленных ученых данный тип общества называется по-разному и имеет различные обозначения (см. рис. 6), но дефиниция данных научных понятий у всех одна: это цивилизационная стадия развития общества, в которой основным двигателем общественных отношений являются знания.

Самым главным признаком постиндустриального общества или культуры является глобальная цифровизация информационных потоков, где под цифровизацией мы понимаем глобальное изменение человеческой деятельности, в которой все сферы жизни человека, общества, к которому он принадлежит и цивилизации в целом, были направлены на модернизацию благодаря динамично развитым цифровым или компьютерным технологиям.

Рис. 6. Обозначения новой социально-экономической формации в исследованиях различных авторов
Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании [10].

Таким образом, сложившаяся цифровая эпоха требует не только новых навыков от выпускников школ и университетов, но и другого видения перспектив и дидактических концепций к организации самого обучения [11, 12].

Пандемия COVID-19 форсировала потребность в цифровых возможностях и их использование в образовательном процессе. Однако следует отметить (это концептуально важно), что сформированное, например, дистанционное обучение – это не то же самое, что цифровое. Потенциал и возможно-

сти цифровых технологий гораздо глубже, а их инструментальная реализация шире: к ним относятся цифровые лаборатории и симуляторы, дополненная и виртуальная реальность, цифровые двойники, цифровые платформы, электронный обмен документами, интеллектуальный кампус, основанный на интернете вещей, блокчейне, искусственном интеллекте и многом другом [11]. Сказанное выше соответствует данным, которым согласно которым Республика Таджикистан начинает инвестировать в образовательную сферу (см. табл. 1 и рис. 7).

Таблица 1

**Расходы на образование как доля ВВП и общих государственных расходов в
Таджикистане и некоторых других странах, 2017–2018 гг.**

	Государственные расходы на образование (в процентах от ВВП)	Государственные расходы на образование (в процентах от общих государственных расходов)	Государственные расходы на образование в расчете на одного учащегося (в процентах ВВП на душу населения)
Беларусь	4,8	12,3	35,7
Буркина-Фасо	5,4	22,7	19,9
Грузия	3,5	13,0	...
Казахстан	2,6	13,9	21,2
Кыргызская Республика	6,0	15,7	...
Мали	3,8	16,5	25,5
Таджикистан	5,4	19,0	21,0
Россия	4,7	13,5	...
Украина	5,4	13,1	30,3
Узбекистан	5,3	23,0	...
Европа и Центральная Азия	4	12,3	23,0
Страны с низким уровнем дохода	3,4	15,8	...
Страна с уровнем доходов ниже среднего	4	16,9	...

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании [8].

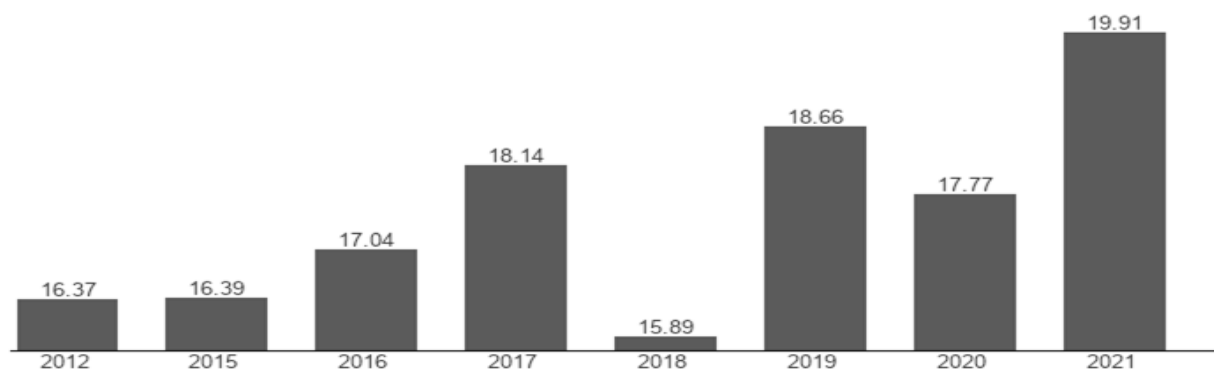

Рис. 7. Показатели расходов Республики Таджикистан на образование (по этому показателю UNESCO предоставляет данные о Таджикистане за период с 1998 по 2021 гг. Среднее значение для Таджикистана в течение этого периода составило 15,15 % при минимуме в размере 11,83 % в 1999 г. и максимуме в размере 19,91 % в 2021 г.)

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании [8].

Таким образом, данная интерпретация позволяет нам по-другому взглянуть на состояние дел, цифровую зрелость университетов и колледжей, на формулирование политики цифровой трансформации и даже на нормативно-правовую базу, имеющую в первую очередь экономическую основу. Также такой подход будет полезен не только преподавателям, но и всем тем, кто интересуется экономическими и социальными перспективами образовательной сферы, поскольку поможет более полно реализовывать их в практическом плане [13].

Цифровая трансформация – это только начало пути, который позволит университетам перейти на модель 4.0, объединяющую интеллектуальные и промышленные области человеческой цивилизации.

Высшее образование больше не будет прежним: структура человеческого мышления, виды его деятельности и образ поведения изменятся. «Текстовая культура» станет неотъемлемой частью этой «новой цивилизации» и будет всесторонне дополнена сложными вычислениями, моделированием, дизайном и алгоритмизацией. Человек, который раньше читал (образ-метафора «галактика Гуттенберга»), заменяется программистом (образ-метафора «галактика Тьюринга») [14, 15].

В рамках данной статьи отдельным объектом нашего исследования является общая

модель цифрового университета, которая рассматривается как интегративная, методологическая, техническая и концептуальная конструкция. Схематическая модель цифрового университета – это сочетание четырех структурных подсистем: цифрового формата обучения, цифровой среды, цифровой платформы и связанных между ними основными компонентами (см. рис. 8).

Сам цифровой университет имеет предельно простую модель для учащихся: она основана на принципе использования таких технологий и инструментов, как интернет, мобильные устройства, социальные сети, медиа-серверы и т. д. Основные элементы цифрового университета включают:

1. Учебный план. Это план учебных занятий, который цифровой университет может предложить своим студентам. Обычно это включает изучение определенных предметов, прохождение определенных курсов и получение определенных квалификаций, навыков или умений.

2. Платформа образования. Это технология, которая используется для размещения всех материалов учебного плана, а также для интерактивных и социальных сессий благодаря которым студенты могут учиться как очно, так и дистанционно. Обычно сюда входит использование образовательных сайтов, мобильных приложений, интерактивных телеконференций и т. д.

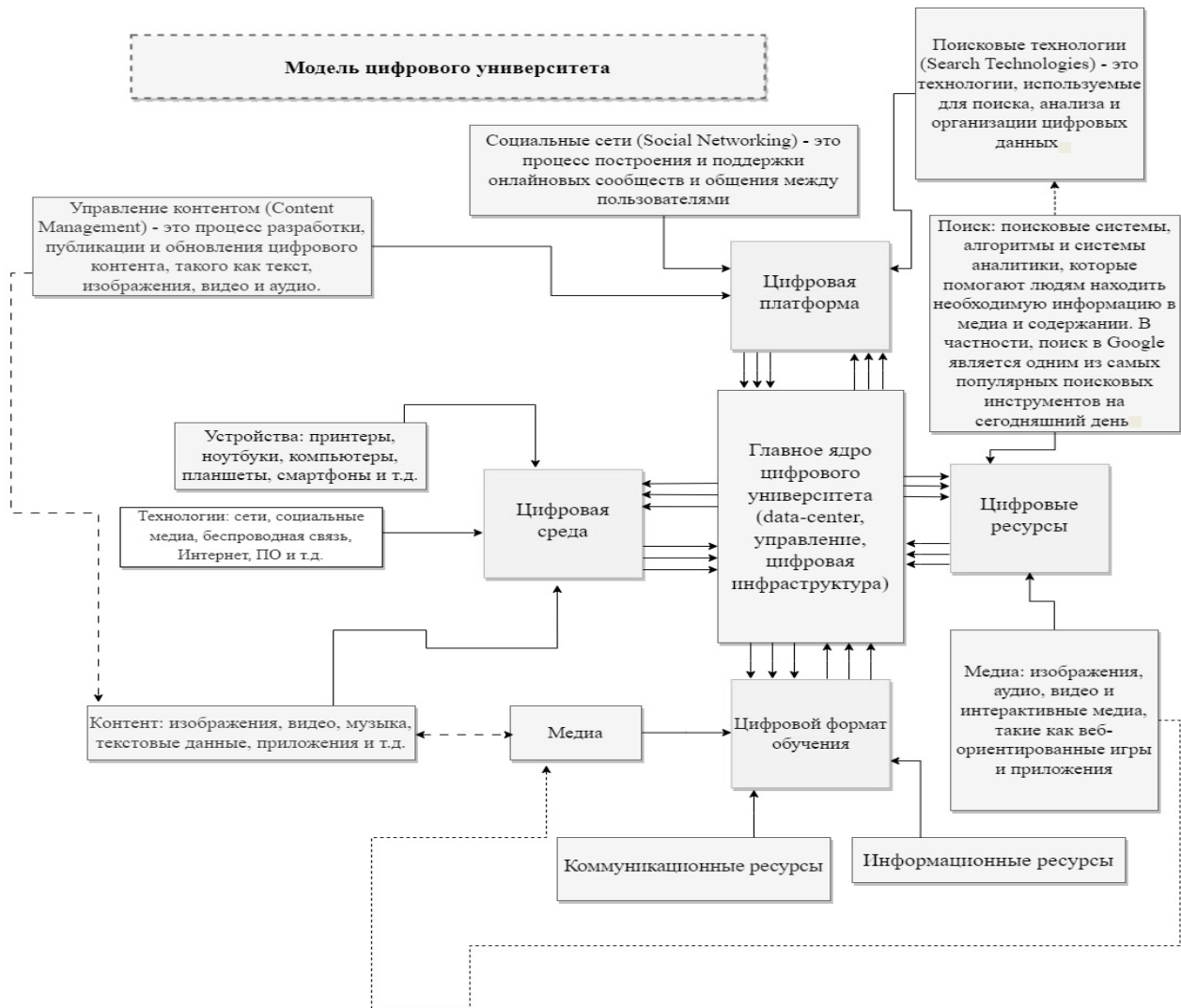

Рис. 8. Модель цифрового университета

Примечание: составлено авторами.

3. Отдельная система авторизации. Это процесс, через который студенты могут идентифицировать себя и получать доступ к различным цифровым образовательным платформам.

Цифровой университет является инициативой, нацеленной на обеспечение доступности качественных образовательных ресурсов по всему миру с помощью технологий. Основные задачи цифрового университета включают в себя следующие компоненты: создание цифровых платформ, обеспечивающих доступность образовательных ресурсов; разработку образовательных материалов; предоставление сертификации и поддержку лиц, проходящих обучение. Также цифровой университет помогает в работе над развитием возможностей для обучающихся и пре-

подавателей, и предоставляет средства для постоянного улучшения образовательных процессов.

Таким образом, можно смело формулировать 10 основных задач цифровизации образования [16, 17]:

1. Интеграция информационных технологий в учебную программу.
2. Переход на бесплатное онлайн-образование.
3. Разработка виртуальных платформ для учебных процессов.
4. Интеграция социальных сетей в учебные процессы.
5. Оптимизация доступа к информации через мобильные платформы.

6. Создание интерактивных приложений для образовательных целей.

7. Интеграция аналитических инструментов в обучение.

8. Развитие автоматизированных процессов оценивания.

9. Использование робототехники и искусственного интеллекта для обучения.

10. Развитие интернет-ресурсов для доступа к знаниям и образовательным материалам.

Данные задачи являются частью формирования новой знаниевой экономики, особенности которой включают в себя увеличение значимости знаний для обеспечения стабильного роста и инновационного развития; привлечение заинтересованных сторон в процессе создания знаний, управление ими, их превращение в конкурентное преимущество; трансформация капитала на знания; повышение эффективности отраслей и экономики в целом [18].

Но чтобы сформировать такую модель экономики, необходимо правильно и адекватно подходить к основному источнику знаний человеческой цивилизации – образованию. Образование обладает важным экономическим аспектом: оно является важным инструментом экономического роста, поскольку определяет рыночную доступность рабочей силы. Образованные люди имеют больше шансов на занятость и более высокую заработную плату, что приводит к росту доходов в целом. Также образование повышает продуктивность рабочих и помогает развивать новые технологии и идеи, которые позволяют предприятиям и индустриям расти быстрее и эффективнее. Повышение уровня образования также может помочь бизнесам преодолеть барьеры при выходе на международные рынки [18, 19].

Модель отношений между образованием и экономическим ростом представляет собой системную интерактивную связь между инвестициями в образование и экономическим ростом. Ключевая идея состоит в том, что в образовании лежит основа экономического развития страны, поскольку оно улучшает занятость, повышает эффективность труда и увеличивает прибыль компаний. Та-

кой вклад в образование может принести большую прибыль и экономический рост для долгосрочного развития страны [20].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Педагогический синкретизм, также известный как образовательный синкретизм – это социально-экономическое явление, в котором сочетаются различные образовательные подходы для удовлетворения разнообразных образовательных потребностей. Синкретизм обычно используется для описания сочетания образовательных подходов из разных культур, таких как, например, восточная и западная культуры. Синкретизм только внедряется многими образовательными учреждениями как способ содействия обмену знаниями и идеями, а также для укрепления взаимопонимания между различными культурами и обществами. Кроме того, синкретизм используется для преодоления разрыва между традиционными и нетрадиционными образовательными моделями, например, в программах профессионального, технического и профессионального образования.

Основная экономическая функция образования состоит в создании высококвалифицированных кадров для всех отраслей экономики. Образование не только предоставляет, но и генерирует новые знания. Оно является услугой, для которой требуется значительный капитал. Образование становится стратегическим ресурсом развития и конкурентоспособности нации, системообразующим фактором стратегии развития государства, основой национальной безопасности страны и национальной конкурентоспособности. Научно-технический и технологический прогресс являются ключевыми факторами производства.

Таким образом, педагогический синкретизм становится одной из парадигм образования, которое формирует постиндустриальное общество, а также из которого, в свою очередь, формируется интеллектуальный капитал страны или государства, хотя данные феномены могут быть связаны более тесно. Интеллектуальный капитал – это не просто знания, навыки и опыт, а их приобретение

в результате мультикультурного образования, обучения и опыта. Это ценный актив, который может быть использован для повышения производительности и конкурентоспособности отдельного человека или организации. Образование является важной частью процесса приобретения и увеличения интеллектуального капитала, поскольку оно дает людям навыки и знания, необходимые для успешной работы в выбранной ими области, а так как все области приобретут цифровой формат, то оно будет актуально и перспективно. Кроме того, образование, полученное в аспекте педагогического синкретизма, также дает людям возможность

развить навыки критического мышления согласно логике цифровой культуры и экономики, что является еще одним дополнительным доводом в необходимости принятия обоснованных решений и решения сложных проблем, поскольку это позволит воспитывать и гармонизировать в ходе своей деятельности навыки работы аналитического и интуитивного мышления. Таким образом, педагогический, образовательный и интеллектуальный капиталы тесно взаимосвязаны, и для увеличения интеллектуального капитала требуется закладывать и воспитывать приверженность обучению и образованию на протяжении всей жизни.

Список источников

1. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. URL: [http://ef-ca.tj/publications/02.2_rus\(FILEminimizer\).pdf](http://ef-ca.tj/publications/02.2_rus(FILEminimizer).pdf) (дата обращения: 12.02.2023).
2. Ханушек Э., Вёссманн Л. Интеллектуальный капитал в разных странах мира. Образование и экономическая теория роста / пер. с англ. Ю. Каптуревского ; под науч. ред. А. Рябова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 351 с.
3. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. Налетова. М. : ООО «Изд-во АСТ», 2003. 605 с.
4. Бабаджанов Б. М. Дидактические технологии педагогического синкретизма // Ученые записки. Серия гуманитарных-общественных наук. 2022. № 4. С. 209–213.
5. Гегель Г. Законы диалектики. Всеобщая история мировая ирония. М. : Родина, 2019. 240 с.
6. Асадуллаев И. К. Новый материализм и экспансия подобия. Душанбе : ЭР-граф, 2013. 84 с.
7. Internet World Stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/> (дата обращения: 12.02.2023).
8. Таджикистан. Обзор государственных расходов. Стратегические вопросы среднесрочной повестки реформ. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099715011042233983/pdf/P17223700b68630890a0af0be51fd539151.pdf> (дата обращения: 21.02.2023).
9. Гохберг Л. М., Кузьмичева Л. Б., Озерова О. К. и др. Образование в цифрах: 2022 : краткий статистический сборник. М. : НИУ ВШЭ, 2022. 132 с.
10. Игнатова Н. Ю. Образование в цифровую эпоху : моногр. Нижний Тагил : НТИ (филиал) УрФУ, 2017. 128 с.
11. Атлас новых профессий 3.0. / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М. : Интеллектуальная Литература, 2020. 456 с.
12. Будущее образования: глобальная повестка. URL: <http://vcht.center/wp-content/uploads/2019/0>

References

1. Natsionalnaia strategiiia razvitiia Respubliki Tadjhikistan na period do 2030 goda. URL: [http://ef-ca.tj/publications/02.2_rus\(FILEminimizer\).pdf](http://ef-ca.tj/publications/02.2_rus(FILEminimizer).pdf) (accessed: 12.02.2023). (In Russian).
2. Hanushek E. A., Woessmann L. The knowledge capital of nations. Education and the economics of growth. Kapturevsky Yu., translator; Ryabov A., editor. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2022. 351 p. (In Russian).
3. Kuhn T. S. The structure of scientific revolutions. Naletov I., translator. Moscow: ООО "Izd-vo AST"; 2003. 605 p. (In Russian).
4. Babadzhanov B. M. Didactic technologies of pedagogical syncretism. *Scientific Notes. Series of Humanities and Social Sciences*. 2022;(4):209–213. (In Russian).
5. Gegel G. Zakony dialektiki. Vseobshchaia istoriia mirovaia ironiia. Moscow: Rodina; 2019. 240 p. (In Russian).
6. Asadullaev I. K. Novyi materialism i ekspansiiia podobiiia. Dushanbe: ER-graf; 2013. 84 p. (In Russian).
7. Internet World Stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/> (accessed: 12.02.2023).
8. Tadjhikistan. Obzor gosudarstvennykh raskhodov. Strategicheskie voprosy srednesrochnoi povestki reform. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099715011042233983/pdf/P17223700b68630890a0af0be51fd539151.pdf> (accessed: 21.02.2023). (In Russian).
9. Gokhberg L. M., Kuzmicheva L. B., Ozerova O. K. et al. Obrazovanie v tsifrakh: 2022. Brief statistical databook. Moscow: National Research University Higher School of Economics; 2022. 132 p. (In Russian).
10. Ignatova N. Yu. Obrazovanie v tsifrovuiu epokhu. Monograph. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil Technological Institute (branch) Ural Federal University; 2017. 128 p. (In Russian).
11. Varlamova D., Sudakov D., editors. Atlas novykh professii 3.0. Moscow: Intellekturnaia Literatura; 2020. 456 p. (In Russian).

- 6/6.-Obrazovanie-do-2035.pdf. (дата обращения: 13.02.2023).
13. Волков Ю. Г., Поликарпов В. С. Человек: энциклопедический словарь. М. : Гардарики, 2000. 518 с.
14. Годунов И. В., Ларионов И. К. Синергия образования: Философия. Право. Управление. Экономика : моногр. М. : Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 2017. 292 с.
15. Инновации в современной системе образования: подходы и решения : коллективная моногр. / отв. ред. А. Ю. Нагорнова. Ульяновск : Зебра, 2016. 494 с.
16. Гуляев Г. Ю. Инновационные процессы в науке и образовании : моногр. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2019. 188 с.
17. Каримова И. Без технарей для таджикской науки движение вперед невозможно URL: <https://tj.sputniknews.ru/radio/20200323/1030938474/nauka-rahmon-uchenye-tajikistan.html> (дата обращения: 25.01.2023).
18. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
19. Кристенсен К., Этциони С., Рот Э. Что дальше? Теория инноваций как инструмент предсказания отраслевых изменений / пер. с англ. Е. Калинина. М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. 398 с.
20. Майбуров И. А. Эффективность инвестирования и человеческий капитал в США и России // Мировая экономика и международные отношения. 2004. №. 4. С. 3–13.
12. Budushchee obrazovaniia: globalnaia povestka. URL: <http://vcht.center/wp-content/uploads/2019/06/6.-Obrazovanie-do-2035.pdf>. (accessed: 13.02.2023). (In Russian).
13. Volkov Yu. G., Polikarpov V. S. Chelovek: entsiklopedicheskii slovar. Moscow: Gardariki; 2000. 518 p. (In Russian).
14. Godunov I. V., Larionov I. K. Sinergiia obrazovaniia: Filosofii. Pravo. Upravlenie. Ekonomika. Monograph. Moscow: Informatsionno-vnedrencheskii tsentr "Marketing"; 2017. 292 p. (In Russian).
15. Nagornova A. Yu., editor. Innovatsii v sovremennoi sisteme obrazovaniia: podkhody i resheniia. Collective monograph. Ulyanovsk: Zebra; 2016. 494 p. (In Russian).
16. Gulyaev G. Yu. Innovatsionnye protsessy v nauke i obrazovanii. Monograph. Penza: MTsNS "Nauka i Prosveshchenie"; 2019. 188 p. (In Russian).
17. Karimova I. Bez tekhnarei dlia tadjhikskoi nauki dvizhenie vpered nevozmozžno. URL: <https://tj.sputniknews.ru/radio/20200323/1030938474/nauka-rahmon-uchenye-tajikistan.html> (accessed: 25.01.2023). (In Russian).
18. Castells M. The information age: Economy, Society and Culture. Shkaratan O. I., editor. Moscow: State University Higher School of Economics; 2000. 608 p. (In Russian).
19. Christensen C. M., Anthony S. D., Roth E. A. Seeing what's next: Using theories of innovation to predict industry change. Kalinina E., translator. Moscow: Alpina Biznes Buks; 2008. 398 p. (In Russian).
20. Maiburov I. A. Effektivnost investirovaniia i chelovecheskii kapital v SShA i Rossii. *World Economy and International Relations*. 2004;(4):3–13. (In Russian).

Информация об авторах

Д. Ш. Хомитов – заведующий центром дистанционного обучения.

Б. М. Бабаджанов – преподаватель, соискатель кафедры общественных наук.

Information about the authors

D. Sh. Khomitov – Head of the Center for Remote Education.

B. M. Babadzhanov – Lecturer, Candidate for the Department of Social Sciences.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343

DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-84-90

ДЕФИНИЦИИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Вадим Игоревич Замараев^{1✉}, **Наталья Александровна Никиташина**²

^{1,2} Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия

¹ vadim.zamaraev.95@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-4820-8516>

² shinan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6239-9449>

Аннотация. Интенсивное правотворчество последних лет привело к появлению большого количества новеллизаций, в том числе в области дефиниций. Не все из них отвечают базовым требованиям законодательной техники, что, в свою очередь, не только создает существенные проблемы правоприменителю, но и влияет на дальнейшую судьбу виновного лица.

В работе выявлены, обоснованы и проиллюстрированы примеры отдельных неудачно сконструированных дефиниций, предложены авторские альтернативные варианты формулировок. Кроме того, в статье определены основные признаки дефиниции, выявлены типичные правовые ошибки в выработке определений, рассмотрены разные группы терминов, которые имеют теоретическое и практическое значение для юридической техники.

Авторами предлагается свое видение способов совершенствования уголовного законодательства в закреплении дефиниций.

Ключевые слова: дефиниции, определение, термин, понятие, уголовное право, законодатель

Для цитирования: Замараев В. И., Никиташина Н. А. Дефиниции в уголовном законодательстве // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 2. С. 84–90. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-84-90.

Original article

DEFINITIONS IN THE CRIMINAL LEGISLATION

Vadim I. Zamaraev^{1✉}, **Natalya A. Nikitashina**²

^{1,2} Katanov Khakass State University, Abakan, Russia

¹ vadim.zamaraev.95@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-4820-8516>

² shinan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6239-9449>

Abstract. Recent intensive lawmaking has led to a set of novelizations, particularly in defining terminology, that do not always comply with the fundamental requirements of legislative technique. Therefore, law-makers face significant challenges, while convicts' penalties may be influenced by them.

The article detects, substantiates, and illustrates examples of specific poor definitions. The authors propose alternative definitions. In addition, the study determines the main features of a definition, identifies common legal errors made while creating definitions, and describes various types of terms with theoretical and practical value for legislative technique.

The authors suggest their own view on the approaches to advancing criminal legislation in creating definitions.

Keywords: definitions, denotation, term, concept, criminal law, law-maker

For citation: Zamaraev V. I., Nikitashina N. A. Definitions in the criminal legislation. *Surgut State University Journal*. 2023;11(2):84–90. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-84-90.

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость исследования данной темы обусловлена рядом причин. Во-первых, интенсивностью изменений уголовного законодательства, о чем говорят следующие факты: в настоящее время Уголовный кодекс России насчитывает на 143 статьи больше, чем первоначальный вариант; ряд статей подвергался изменениям не один раз (например, ст. 104.1 (Конфискация имущества) – 16 раз); за 27 лет количество составов преступлений выросло более чем на 50 % [1]. При этом не всегда новеллизация уголовного законодательства осуществлялась с учетом юридико-технических требований. Во-вторых, в отечественной науке сложился и по сей день господствует стереотип, согласно которому дефиниции играют в практической деятельности второстепенную роль. В-третьих, в отечественной научной доктрине данная тема не раз поднималась и юристами, и филологами, но ей по-прежнему не хватает комплексных исследований.

Цель исследования – выявить основные нарушения законодательной техники при формулировании уголовно-правовых дефиниций, показать последствия таких нарушений и предложить пути оптимизации.

Указанная цель обусловила необходимость решения следующих задач: проанализировать понятие, сущность и признаки категории «дефиниция», выявить типичные дефекты дефиниций в уголовном праве, определить основные пути повышения эффективности действующего уголовного и смежного с ним законодательства в части формулирования и применения дефиниций.

Научная новизна состоит в исследовании отдельных уголовно-правовых дефиниций как законодательно закрепленных, так и предлагаемых современной научной доктриной, анализе признаков и требований, которым применительно к современным условиям развития отечественной правовой системы должны соответствовать законодательные дефиниции. Как результат, выявлены, обос-

нованы и показаны на отдельных примерах различные дефекты неудачного конструирования дефиниций, предложены альтернативные варианты.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объект исследования – нормы уголовного законодательства в их исторической ретроспективе и юридико-технической трансформации.

Методологическую основу исследования составил так называемый герменевтический подход, позволяющий органично использовать современные методы познания, выявленные и разработанные философией, филологией, общей теорией права, отдельными отраслями права, но преимущественно уголовным правом. При подготовке настоящей статьи для анализа конкретных уголовно-правовых дефиниций и выявления законодательных дефектов использовались три группы методов: общеправовые, общенаучные и специально-юридические. Особое внимание уделено анализу (для обработки большого массива нормативной базы), сравнению (для понимания эволюции уголовно-правовой терминологии), а также методам: лингвистическому (для определения этимологии понятий и адекватности перевода иностранной терминологии), системно-структурному (при изучении признаков дефиниций, исследовании однопорядковых явлений, закрепленных с помощью дефиниций, в разных отраслях права), формально-юридическому (для изучения норм уголовного законодательства с позиции требований юридической техники), логическому (при построении логических умозаключений и обоснования авторской позиции), в меньшей степени – историческому и сравнительно-правовому методам.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Терминология выступает одним из средств юридической техники, позволяющим не только точно передавать смысл правовой идеи, но и структурировать текст правового документа. Кроме того, такой текст должен

излагаться в официально-деловом стиле, одним из признаков которого является использование терминологии. Другое дело, что в правовом тексте используются разные группы терминов: общеупотребительные, юридические и специальные неюридические, заимствованные законодателем из других отраслей знаний. Все они выполняют функцию обеспечения такого требования законодательной техники, как компактность текста. Поэтому отказ от терминологии или ее неверное употребление может привести к неоднозначности толкования и отсутствию единой практики правоприменения.

Для эффективного использования исследуемого средства юридической техники необходимо, чтобы используемый термин отвечал определенным неформальным требованиям. Он должен быть кратким – от одного слова до словосочетания, состоящего не более чем из трех слов. Например, преступление, преступное сообщество, организованная группа и т. д.

Кроме того, в качестве термина следует использовать слово или словосочетание, ставшее общеупотребительным (филологи используют для этого термин «частотность»). При этом не важно, является слово отечественным или иностранным. В ряде случаев иностранный термин успевает стать общеупотребительным прежде, чем законодатель предложит отечественный аналог. Яркие примеры – следующие термины: интернет или киберпреступность. В данном случае нет смысла искать русифицированный эквивалент, как и нет необходимости заменять отечественный термин иностранным по причине популярности последнего в определенных кругах (пример, термин «транспарентность»). Более того, при использовании иностранных терминов следует уделить пристальное внимание этимологии слов (пример – термин «арбитраж», который из-за несовпадения отечественного и зарубежного институтов, названных данным словом, до сих пор не имеет однозначного перевода на английский язык) [2].

При образовании законодательного термина немаловажно помнить, что юриспру-

денция не приемлет синонимии. Так, понятия «должностное лицо» (прим. 1 к ст. 285 УК РФ) и «представитель власти» (прим. к ст. 318 УК РФ), также как употребляемые в указанных статьях, термины «функции» и «полномочия» не тождественны друг другу [3, с. 156]. Более того, законодатель совершает достаточно распространенную ошибку, пытаясь при формулировке определений «должностное лицо» и «представитель власти» объяснить подобное подобным.

Между тем точное установление содержания термина «должностное лицо» имеет существенное значение не только для уголовного, но и для других отраслей права, например, гражданского, по вопросу соотношения обычного подарка и «взятки». В ст. 575 ГК РФ законодатель не использует напрямую термин «должностное лицо», но связывает запрет на дарение подарков с иными понятиями, с одной стороны, отождествляя термины «должность» и «служба», с другой – приравнивая к должностному лицу иных лиц, выполняющих в определенный момент распорядительно-управленческие функции [4].

В нормативных правовых актах следует избегать использования оценочных понятий. Как правило, они не имеют объективного однозначного толкования. Например, понятие «справедливость». Хотя из данного правила имеются такие исключения, как «добросовестное заблуждение», «развратные действия», «пособник», «соучастие», «более мягкое наказание» и др.

Однако сам термин не может существовать без дефиниции, которая так же имеет свои признаки. Так, определение должно не только отражать суть явления, обобщать имеющуюся информацию, быть кратким, но и включать в себя родовые (или видовые) характеристики, а равно общие (объединяющие) и отличительные (позволяющие отграничить) признаки, свойства.

И, напротив, конструируя дефиницию, законодатель должен исключить из нее оценочные, случайные, производные или факкультативные признаки. Так, по мнению

А. М. Смирнова, определение термина «преступление», данное в ст. 14 УК РФ, является избыточным, т. к. включенные в него признаки «виновность» и «угроза наказанием» не всегда выступают как самостоятельные и неизменные [5, с. 417]. В результате автор предлагает следующее определение преступления – «деяние, запрещенное настоящим Кодексом» [5, с. 421].

С одной стороны, суть явления определена им верно. Преступление является юридическим фактом, а именно – деянием, которое законодатель отличает от замысла. Однако с отдельными высказываниями автора мы не можем согласиться. Так, он предлагает отказаться от признака общественной опасности, поскольку тот присущ всем правонарушениям [5, с. 419]. Следуя данной логике, отказаться придется и от признака противоправности, хотя степень общественной опасности преступления на порядок выше, чем степень опасности других правонарушений. Более того, законодатель активно использует выражение «общественная опасность» в УК РФ, в связи с чем изменения придется вносить не только в ст. 14, но и в другие статьи данного Кодекса.

Полагаем, что общественная опасность не подлежит доказыванию, как другие признаки преступления, например, виновность. Вопрос об общественной опасности – это вопрос о мотивах законодателя, установившего, что в один исторический отрезок времени те или иные деяния будут иметь повышенную степень опасности, и потому будут запрещены законом, а в другой исторический период – нет (как это было со спекуляцией, а ныне предпринимательством). Напротив, сохраняя такой признак преступления как противоправность, автор подчеркивает, что речь может идти об указании на преступный характер деяния исключительно в УК РФ, но стоит отметить, что, например, определение коррупции, пусть и не особенно удачное, дается не в УК РФ, а в специальном законе.

В целом, приведенный пример удачно иллюстрирует ранее высказанную мысль,

что дефиниция должна отражать не только отличительные, но и существенные признаки явления, объекта, предмета. Что касается дефиниции, предложенной А. М. Смирновым, считаем ее неоправданно урезанной.

Следует отличать научную терминологию от официальной (нормативной). К примеру, термин «киберпреступность» широко используется в современной науке, однако ни в законодательных, ни в подзаконных актах его нет. Еще одним таким примером является так называемое «интеллектуальное посредничество во взяточничестве», признаваемое еще Пленумом Верховного Суда СССР от 31.07.1962 (до появления Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23.09.1977) [6]. По сути, под ним понимается всяческое содействие (установление контакта, переговоры) лицам, заинтересованным в получении (даче) взятки, кроме самого факта передачи, который заинтересованные лица совершают самостоятельно. До недавнего времени посредничество рассматривалось как соучастие во взяточничестве, что, в свою очередь, создавало сложности в квалификации деяний, ибо соучастие, как правило, поглощало посредничество. Признаваемое на данный момент разграничение не порождает специальной терминологии в законодательстве. Такое разграничение встречается исключительно в научной литературе [7].

Впрочем, несмотря на писанные и неписанные правила юридической техники, ошибки порой имеют место быть. Так, в нормативных правовых актах не место не только наукообразной, но и разговорной лексике.

Безусловно, правильно и четко сформулировать дефиницию не так просто, как может показаться на первый взгляд. Даже профессионалу для этого может потребоваться время и апробация на практике. Поэтому чаще всего законодатель предлагает не описательные (казуистические), а перечневые формы определения понятий. Ярким примером такой дефиниции выступает определение коррупции, данное в ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции», представляющее собой перечень деяний, отнесенных законо-

дателем к коррупционным [8]. Считаем, что такой подход приводит не только к появлению тяжеловесных дефиниций. Законодатель не всегда может предложить исчерпывающий перечень, а открытый перечень часто ведет к необоснованному расширению толкования со стороны правоприменителя. Предлагаем более короткий вариант дефиниции с использованием отсылочного приема изложения текста: «совершение деяний, указанных в ст. ст. 201, 204, 285, 286, 290, 291 УК РФ и выражающихся в любом незаконном использовании должностным лицом своего служебного положения в целях получения благ имущественного характера для себя или третьих лиц, равно как и незаконное предоставление таких благ должностному лицу физическими и юридическими лицами».

Другой проблемой являются определения составных понятий, возникающих из соединения нескольких слов, одно из которых – главное, обозначающее предмет (явление, процесс), а второе – зависимое, уточняющее существенные характеристики этого предмета. Например, «обоснованный риск», «условное осуждение», «мелкое взяточничество», «значительный размер» и т. п. В таких случаях законодатель должен либо изначально определиться с содержанием главных слов, либо, если значение главных слов ранее определено в иных актах или их значение не отличается от общепринятого, дать однозначное определение сложному словосочетанию, уточнив параметры зависимых слов.

Так, можно дать определение ночного времени суток, не поясняя, что законодатель подразумевает под «временем суток», поскольку понимание данного термина не отличается от общепринятого. Однако неразумно отказываться от определения необоснованного риска, не предлагая взамен ни самого понятия риска в уголовном праве, ни критериев, позволяющих правоприменителю отличить обоснованный риск от необоснованного.

Здесь считаем необходимым еще раз напомнить следующее: чем научная терминология отличается от терминологии, использу-

емой в нормативном правовом акте. В науке относительно одного вопроса может быть несколько точек зрения, каждая из которых имеет право на существование, в нормативном правовом акте понимание терминологии должно быть единообразным. Поэтому отсутствие дефиниций в нормативном правовом акте (правовой пробел) не всегда может быть восполнено путем обращения к научной доктрине, особенно в уголовном праве, где аналогия права не применяется.

Конечно, нет смысла давать определения всем понятиям, используемым в законе, как это сделали разработчики Водного кодекса 1995 г., закрепившие в нем взятое из словарей понятие воды [9, с. 67]. Общеупотребительные слова, значение которых не меняется, нет смысла пояснять обывателю. В то же время специальная неюридическая терминология, значение которой в юриспруденции отличается от значения термина в «родной среде», как и специальная юридическая терминология, значение которой меняется в зависимости от отрасли права, подлежит конкретизации путем закрепления в законе искомых дефиниций.

Так, например, в 2016 г. законодатель ввел в УК РФ такую новеллу, как «судебный штраф» (ст. 104.4 и ст. 76.2), но учитывая, что и обычный штраф назначается судом, не пояснил, чем указанные виды штрафов отличаются друг от друга. Если штраф выступает как мера наказания, то судебный штраф – это то, что освобождает виновное лицо от уголовной ответственности, но на вопрос, что представляет собой судебный штраф, по сути (условие, основание, исключение из правил), и как он соотносится с уже имеющейся в уголовном праве системой координат, законодатель ответа не дает.

Не раскрывает законодатель в УК РФ и содержание понятия «состав преступления», хотя сам термин активно использует, например, в ст. 8 УК РФ указано, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления.

В научной доктрине данное понятие, конечно, не является чем-то новым или малоизу-

ченным. И в частном праве, где на помощь законодателю всегда придет научная доктрина, а с ней и аналогия права, подобный пробел не являлся бы существенной проблемой, но в уголовном праве действует иной принцип, требующий от законодателя фиксировать подобные детали непосредственно в УК РФ.

Соответственно, из этого следует, что качество судопроизводства, отношение населения в целом и в частности к правосудию, а также к государственной власти во многом зависят от качества правотворчества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, поставленные в начале исследования задачи выполнены, а цель достигнута.

Как показал анализ действующего уголовного законодательства, типичными дефекта-

ми правовых дефиниций являются: двусмысленность и расплывчатость формулировок, отсутствие существенных признаков, избыточная детализация или, напротив, излишняя абстрактность изложения, тавтологичность, нарушение логики. Основная причина указанных дефектов кроется в несоблюдении базовых правил и требований законодательной техники на уровне правотворчества.

В данном исследовании мы остановились на отдельных, наиболее ярких примерах неудачных дефиниций для иллюстрации своих теоретических рассуждений и умозаключений. Безусловно, проведенное нами исследование не носит исчерпывающий характер. Так, было бы не лишним в дальнейшем провести анализ актов судебного толкования, позволяющих восполнить пробелы, оставленные законодателем на уровне конструирования дефиниций.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.04.2023), (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.04.2023) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Попкова Е. М. Arbitrazh vs arbitration: терминологические ловушки в русско-английском переводе реалий российской судебной системы. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/ne470z9989/77650345.pdf> (дата обращения: 24.02.2023).
3. Середин А. А. Дефиниция «должностное лицо» в уголовном праве: внутренние противоречия // Сборник научных трудов сотрудников Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2018. С. 155–159.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. II : федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Смирнов А. М. О дефиниции понятия «преступление» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 3. С. 417–423.
6. Калатоzi Д. Г. Посредничество во взяточничестве: проблемы теории и правоприменения // Политика, государство и право. 2012. № 8. С. 72–75.
7. Яни П. С. Посредничество во взяточничестве: начало и окончание // Законность. 2014. № 12. С. 23–29.
8. О противодействии коррупции : федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (последняя редакция) //

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on April 14, 2023), (with amendments and additions, came into force as of April 14, 2023). Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
2. Popkova E. M. Arbitrazh vs arbitration: terminologicheskie lovushki v russko-angliiskom perevode realii rossiiskoi sudebnoi sistemy. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/ne470z9989/77650345.pdf> (accessed: 24.02.2023). (In Russian).
3. Seredin A. A. Definitisiia “dolzhnostnoe litso” v ugovonom prave: vnutrennie protivorechiia. In: *Collection of scientific works of staff at Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia*. Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia; 2018. p. 155–159. (In Russian).
4. Federal Law of January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on July 1, 2021), Civil Code of the Russian Federation. Pt. II. Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
5. Smirnov A. M. On the definition of the concept of crime in the Criminal Code of the Russian Federation. *Russian Journal of Criminology*. 2018;12(3):417–423. (In Russian).
6. Kalatozi D. G. Posrednichestvo vo vziatocnistve: problemy teorii i pravoprimereniia. *Politics, State and*

- СЗ РФ. 2008. № 52. Ст. 6228. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Исаков В. Б. Языковой аспект // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 64–77.
7. Yani P. S. Intellectual mediation bribery: Start-up and ending. *Zakonnost*. 2014;(12):23–29. (In Russian).
8. Federal Law “On Anti-Corruption” of December 25, 2008 No. 273-FZ (last revision). Collection of legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52. Art. 6228. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
9. Isakov V. B. Iazykovoi aspekt. *Iurislingvistika*. 2000;(2):64–77. (In Russian).

Информация об авторах

В. И. Замараев – старший преподаватель.

Н. А. Никиташина – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. I. Zamaraev – Senior Lecturer.

N. A. Nikitashina – Candidate of Sciences (Law), Docent.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-91-98

ИЗМЕНЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПОДСУДНОСТИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПОВ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ И СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН

Алина Ахатовна Зимасова^{1✉}, Елена Владимировна Ежова²

^{1,2} Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

¹ zimasova.alina@bk.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-6042-8971>

² yezhova.eb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4894-4265>

Аннотация. В статье рассматривается практика применения пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ, в основе которой лежат предположения стороны обвинения о наличии обстоятельств, которые могут поставить под сомнение объективность и беспристрастность суда. За время существования данной нормы суды вынесли много решений, изменявших территориальную подсудность уголовных дел по ходатайству именно стороны обвинения без наличия конкретных доказательств. Это затрудняет работу защиты и создает более тяжелые условия обвиняемому (подсудимому), которого этапируют в другой регион, а также продляют срок содержания под стражей. К тому же затрагивается конституционный принцип о рассмотрении дела в том суде, к подсудности которого оно отнесено по закону. Актуальность и остроту вопросу придает тот факт, что в данном направлении практика тяготеет к резонансным и неоднозначным делам, которые будут рассмотрены в качестве примеров.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, независимость судей, состязательность сторон, территориальная подсудность, доказательства, правосудие

Для цитирования: Зимасова А. А., Ежова Е. В. Изменение территориальной подсудности уголовного дела в контексте принципов независимости судей и состязательности сторон // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 2. С. 91–98. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-91-98.

Original article

CHANGE IN TERRITORIAL JURISDICTION OF A CRIMINAL CASE ACCORDING TO THE PRINCIPLE OF JUDICIAL INDEPENDENCE AND ADVERSARIAL PRINCIPLE OF PARTIES

Alina A. Zimasova^{1✉}, Elena V. Ezhova²

^{1,2} Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

¹ zimasova.alina@bk.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-6042-8971>

² yezhova.eb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4894-4265>

Abstract. The study considers the practice of applying Article 35, Paragraph 1, Item 2, Sub-item “c” of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. The Article reads on the prosecutor’s assumptions of circumstances that may cast discredit on the court. While this regulatory provision was in force, the courts delivered many judgments on behalf of the prosecutor to change the territorial jurisdiction of a criminal case without any convincing evidence. All of which complicates the work of defense and the conditions for an accused (defendant), who is transferred to another region and faces an extended period of detention. In addition, the article considers the constitutional principle of considering a lawsuit in the court of its legal jurisdiction. The authors use as examples resonant and equivocal cases, which substantiate the relevance and urgency of the issue.

Keywords: criminal proceedings, judicial independence, adversarial parties, territorial jurisdiction, evidence, justice

For citation: Zimasova A. A., Ezhova E. V. Change in territorial jurisdiction of a criminal case according to the principle of judicial independence and adversarial principle of parties. *Surgut State University Journal*. 2023;11(2):91–98. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-91-98.

ВВЕДЕНИЕ

Принципы уголовного процесса всегда находятся под пристальным вниманием научной общественности. Законодательная деятельность и правоприменительная практика всегда должны придерживаться общей концепции уголовного процесса, базироваться на состязательном типе судопроизводства, началами-максимами которого являются наличие независимого суда и равенство сторон [1, с. 48–49]. Поэтому обратимся к данным принципам с целью более полного исследования процедуры изменения территориальной подсудности уголовного дела. Изменение территориальной подсудности по воле стороны обвинения со ссылкой на пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ без наличия на то достоверных доказательств какой-либо «зависимости» суда вступает в противоречие с обеспечением равенства процессуальных возможностей, ставя тем самым под сомнение гарантию стороны защиты на справедливое судебное разбирательство [2]. В связи с этим возникает разумный вопрос, не ставится ли «под удар» принцип состязательности сторон новым положением, которое изначально было направлено на обеспечение независимости судей. В рамках уголовного процесса невозможно пренебречь одним принципом ради другого. Принцип равенства сторон требует предоставления им равных возможностей для отстаивания своих прав и законных интересов. При этом разные возможности сторон должны быть уравновешены разными правами. Принцип процессуальной независимости суда требует беспристрастности и объективности по отношению к сторонам и иным участникам процесса, а также оценки доказательств на основании только своего внутреннего убеждения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Изучив действующее и предшествующее российское законодательство, а также правовые позиции Конституционного Суда РФ,

Верховного Суда РФ, иную судебную практику и доктринальные источники, мы пришли к выводу, что законодатель и правоприменитель, преследуя цель обеспечить реализацию принципа независимости судей, должны также не забывать об обеспечении состязательности в ходе изменения территориальной подсудности. Также нами были рассмотрены становление и развитие судебной практики изменения подсудности и законодательная регламентация, проанализировано их соотношение с учетом временных периодов. Был проведен комплексный анализ процедуры изменения территориальной подсудности уголовного дела на основании пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Обратимся к понятию подсудности, которое понимается через совокупность признаков конкретного уголовного дела, позволяющих установить определенный суд, правомочный рассмотреть дело в качестве суда первой инстанции. В ст. 47 Конституции РФ закреплено, что никто не может быть лишен права на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которого оно отнесено законом [3]. В реализации этого конституционного положения также сыграли свою роль правила определения территориальной юрисдикции, при этом ст. 34 УПК РФ предусматривает возможность исключений из общих правил по решению вышестоящего суда.

Внесение изменений в ст. 35 УПК РФ в конце 2018 г. породило дискуссии вокруг нового основания изменения территориальной подсудности. Для выявления правового смысла, который вложил законодатель, дополняя ст. 35 УПК РФ, обратимся к пояснительной записке к проекту Федерального закона (далее – ФЗ) «О внесении изменений в УПК РФ по вопросам подсудности уголовных дел» [4]. Подпункт «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ был введен с целью обеспечения осуществления правосудия необходимыми условиями на основе принципов объектив-

ности, независимости и беспристрастности суда, путем регламентации вопросов подсудности уголовных дел. Сложившаяся неоднозначная судебная практика изменения территориальной подсудности уголовных дел выявила определенные проблемы, связанные с различным толкованием ст. 35 УПК РФ, что и побудило к ее совершенствованию. Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно подчеркивал единство международных и национальных стандартов правосудия в рамках правовой системы РФ. Нормы международного права представляют принцип независимости суда как права человека на разбирательство уголовного дела независимым и беспристрастным судом. Европейский Суд указывал, что самым важным является доверие, которое суд должен вызывать у участников процесса (и вообще у людей). Например, в постановлении от 3 февраля 2011 г. по делу «Igor Kabanov v. Russia», было указано, что суд должен быть объективно и субъективно беспристрастен, т. е. должен обеспечивать достаточные гарантии, исключаяющие всякое законное сомнение, чтобы отвечать критериям, установленным ст. 6 Конвенции [5]. Конституционный Суд РФ придерживается другой позиции, что доверие к суду может быть поставлено под сомнение только на основе достоверных и обоснованных доказательств, свидетельствующих об обратном. Практика изменения территориальной подсудности уголовного дела в целях обеспечения независимости судей сложилась задолго до появления соответствующей нормы в УПК РФ и (по сути) стала основной причиной ее появления. Принимая такое решение, суды не ограничивались ст. 35 УПК, а прямо ссылались на положения Конвенции. В таком случае при неполноте правового регулирования решение вопроса оставалось на усмотрение судей. Несогласная с принятым решением сторона могла его обжаловать в законном порядке. Наличие организационного и административного неравенства между обвинением и защитой приводит к неравенству в возможности осуществления существующих процессуальных прав. Поэтому в 2018 г. из-

менения коснулись и ч. 3 ст. 35 УПК РФ, закрепляющей применение порядка, предусмотренного статьей 125 УПК РФ, определяющей рассмотрение ходатайства об изменении территориальной подсудности в срок до 10 суток со дня его поступления. В целях соблюдения прав и законных интересов участников судебного разбирательства был установлен специальный срок для обеспечения решения вопроса о подсудности по уголовным делам, в том числе для уведомления сторон о дате, времени и месте судебного заседания. Сам законодатель указал, что внесенные в ст. 35 УПК РФ изменения должны способствовать обеспечению проведения справедливого судебного разбирательства независимым и беспристрастным судом в разумный срок, обеспечивая тем самым конституционные права участников уголовного судопроизводства.

Основополагающим для формирования дальнейшей судебной практики и указанных изменений в законодательстве стало Постановление Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2018 г. № 39-П (принятое до вступления в законную силу Ф3 от 27 декабря 2018 г. № 509-ФЗ) [6]. Было признано допустимым «изменение территориальной подсудности уголовного дела, если на территории юрисдикции суда, в который поступило уголовное дело, сохраняется фактическое влияние обвиняемого (в силу ранее занимаемого им должностного положения) на деятельность государственных и общественных институтов, создается угроза гарантиям объективного и беспристрастного правосудия». Конституционный Суд РФ указал, что «решение данного вопроса должно рассматриваться в рамках состязательного судебного разбирательства при обеспечении его участникам гарантий справедливого правосудия, то есть должно быть учтено мнение сторон о наличии каких-либо препятствий к передаче дела в другой суд. Соблюдая принцип доступности правосудия, необходимо учитывать территориальную и транспортную доступность, техническую возможность использования видеоконференцсвязи (далее – ВКС), судебные издержки и др.» [6].

Более подробно остановимся на двух особых мнениях судей, сам факт наличия которых как минимум констатирует разумные сомнения в правильности правовой позиции, содержащейся в рассмотренном постановлении Конституционного Суда РФ.

Судья С. М. Казанцев, не разделяя правовую позицию Конституционного Суда РФ, в своем особом мнении указал, что территориальная подсудность уголовного дела может быть изменена в исключительных случаях при наличии исчерпывающих оснований, которые закреплены в процессуальном законе, и которые правоприменитель, соответственно, не в праве произвольно расширять. На практике изначально положения ст. 35 УПК РФ начали трактоваться расширительно. Правоприменитель, ставя под сомнения беспристрастность судей целого региона в отношении конкретного дела, считал возможным поменять территориальную подсудность. Мнение Верховного Суда РФ сводилось к тому, что позиция судей конкретных регионов при установлении фактических обстоятельств дела не будет исключительно нейтральной, если к уголовной ответственности привлекаются влиятельные должностные лица. При этом не во всех аналогичных случаях вообще поднимался вопрос о необходимости изменить территориальную подсудность. Например, Южно-Сахалинским городским судом были осуждены экс-губернатор Сахалинской области А. Хорошавин и экс-заместитель председателя правительства Сахалинской области С. Карепкин. Согласно критериям, отраженным в решениях Европейского Суда, на которые неоднократно ссылался Верховный Суд РФ при принятии своих решений об изменении подсудности, беспристрастность судьи презюмируется, пока нет данных, указывающих на обратное. Нет никаких оснований полагать, что у стороны обвинения есть право ставить под сомнение беспристрастность всех судей определенного субъекта РФ. Отсутствуют критерии, которыми необходимо руководствоваться при определении объективной беспристрастности судей, а также не закреплен порядок определения конкретного суда другого субъекта

РФ, в который должно быть передано дело. В связи с этим С. М. Казанцев обратил внимание на несостоятельность в таком толковании и применении ст. 35 УПК РФ, которую осознавал даже сам Верховный Суд РФ, как раз поэтому и предложивший законопроект № 346533-7. Однако этот законопроект оставил неурегулированным некоторые вопросы, например, в какой «другой» суд должно направляться дело, если обвиняемый возражает против рассмотрения дела в данном конкретном суде. Следовательно, поправки к ст. 35 УПК РФ не в полной мере соответствуют общеправовым стандартам определенности, ясности и недвусмысленности правовых норм, сознательно оставляя предпосылки для избирательного правосудия. Судья Ю. М. Данилов в своем особом мнении также указал, что Конституционный Суд РФ опередил принятие законопроекта № 346533-7, выявив конституционно-правовой смысл несуществующей правовой нормы (еще одного из оснований для изменения территориальной подсудности уголовного дела в виде наличия «экстраординарных» обстоятельств), тем самым ограничив права и законные интересы граждан. Не вступившему в законную силу положению (законопроект на тот момент был принят Государственной Думой только в первом чтении) Конституционный Суд РФ придал обратную силу, что ухудшило положение обвиняемых, которые подали жалобу. Судьей было отмечено, что позиция Европейского Суда в большей степени, наоборот, направлена на изменение территориальной подсудности по инициативе стороны защиты для обеспечения прав граждан на беспристрастный суд. При этом непонятно, как сторона обвинения будет доказывать наличие фактического влияния обвиняемого в конкретном регионе. Ю. М. Даниловым был затронут еще один важный вопрос: почему не учитывается мнение самих судей того суда, к подсудности которого по закону относится уголовное дело? Это важно отметить, потому что выдвигается предположение именно об их необъективности и ангажированности (хотя, возможно, и по независящим от них обстоятельствам),

затрагивается компетентность, деловая репутация, честь и верность присяге судей целого региона.

Негодование обоих судей Конституционного суда РФ разделяет и адвокатское сообщество [7–8]. Достаточно сложно представить, как одно должностное лицо способно оказать «достаточное» влияние в одном или даже в нескольких субъектах РФ, чтобы создать угрозу гарантиям объективного и беспристрастного правосудия. В судебной практике сформировался правовой режим, согласно которому достаточно определить факты, указывающие на наличие прямых или косвенных оснований сомневаться в беспристрастности судебных процедур. Так, к объективным обстоятельствам суды относят ситуации, когда обвиняемый:

- занимал руководящие должности в органах власти;
- имел широкие связи во властных структурах, деловых кругах, криминальной сфере;
- мог манипулировать общественным мнением через подконтрольные СМИ с целью породить недоверие в отношении легитимности будущего судебного решения;
- оказывал воздействие на судей путем угроз (потенциальных или реальных) им и их близким.

В каждом случае должны оцениваться не только личность обвиняемого, его авторитет, служебное положение, властные полномочия, но именно те инструменты влияния, которые лицо реально может использовать на определенной территории, чтобы оказать воздействие как на общественное мнение, так и на деятельность государственных институтов. Однако судебная практика показывает, что в большинстве случаев основанием для изменения территориальной подсудности является лишь факт служебного положения обвиняемого.

Обратимся же к судебной практике, которая сложилась после изменения ст. 35 УПК РФ. Изначально уголовное дело в отношении заместителя начальника УМВД России по Астраханской области по обвинению его в получении взятки в особо крупном размере рассматривалось в районном суде Астра-

ни. Кассационный суд, рассмотрев ходатайство заместителя Генерального прокурора РФ, принял решение о передаче дела в городской суд Ростовской области, а также продлил срок содержания обвиняемого под стражей на три месяца. Было принято во внимание следующее: «обвиняемый проходил службу в разных подразделениях МВД, долгое время исполнял обязанности начальника полиции, имел широкий круг связей в правоохранительных органах и владел тактикой проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ)». Сторона обвинения также ссылалась на информацию ФСБ о том, что обвиняемым планировалось оказывать воздействие на свидетелей и даже на судей области. Верховный Суд РФ, рассмотрев жалобу стороны защиты, несогласной с принятым решением об изменении территориальной подсудности, посчитал, что связь обвиняемого с правоохранительными органами, а также органами государственной власти не может не подвергать сомнению беспристрастность судей Астраханской области. Азовский городской суд был выбран, чтобы успеть рассмотреть дело в разумные сроки, по причине более низкой нагрузки. Допрос же свидетелей, проживающих в Астраханской области, предполагался с использованием ВКС. Срок содержания под стражей был продлен, а обвиняемый был доставлен в следственный изолятор суда г. Азова [9].

Особо негативно стороной защиты оценивается практика продления срока содержания под стражей обвиняемого в случаях рассмотрения ходатайства об изменении территориальной подсудности, которая прямо не предусмотрена в УПК РФ, но предполагается в связи с необходимостью подготовки дела к судебному разбирательству в другом регионе.

В качестве примера приведем противоположные ситуации, когда инициатором изменения территориальной подсудности на основании пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ выступила сторона защиты.

В Республике Мордовия в отношении С. Забайкина, бывшего заместителя началь-

ника управления федеральной службы исполнения наказаний (далее – УФСИН), было возбуждено уголовное дело. В СМИ неоднократно публиковалась информация о том, что он причастен к «спортивной афере на 35 млн руб.». Следственный комитет сообщил, что на протяжении нескольких лет с целью формирования высоких спортивных показателей в системе ФСИН обвиняемый принимал на службу профессиональных спортсменов, которые не выполняли свои должностные обязанности, а только участвовали в спортивных соревнованиях. Адвокат С. Забайкина, учитывая большой резонанс вокруг уголовного дела в Республике Мордовия, хотел, чтобы оно было рассмотрено судом другого региона. Верховный Суд РФ и апелляционная коллегия Верховного Суда РФ не удовлетворили ходатайство и апелляционную жалобу адвоката в интересах обвиняемого, указав, что изменение территориальной подсудности возможно лишь в исключительных случаях и только при наличии оснований, которые затрудняют, препятствуют рассмотрению уголовного дела в соответствии с территориальной подсудностью, определенной ст. 32, 33 УПК РФ. Ранее занимаемая обвиняемым должность в системе республиканского УФСИН не указывает на то, что объективность и беспристрастность судей в регионе может быть поставлена под сомнение, поэтому нет и основания для применения пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ [10]. На практике стороне защиты не удалось доказать возможность «предвзятости» судей в отношении обвиняемого, так как у адвокатов не было возможности предоставить соответствующие доказательства.

По другому уголовному делу обвиняемый обратился в Верховный Суд РФ с ходатайством об изменении территориальной подсудности по основаниям, предусмотренным пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ, на что получил отказ. В апелляционной жалобе сторона защиты указала, что у председателя Верховного суда Республики Саха имеется заинтересованность в исходе данного уголовного дела, что подтверждается сложившимся

негативным отношением к обвиняемому. В связи с этим у стороны защиты есть основания не доверять всему составу суда. Председатель суда уже ранее принимал решение о проведении в отношении обвиняемого ОРМ, после не стал рассматривать ходатайство защитника о восстановлении срока апелляционного обжалования. Также обвиняемый заявил о проблематичности формирования беспристрастной коллегии присяжных заседателей в его регионе в связи с тем, что в СМИ неоднократно транслировались негативно характеризующие его данные и недоказанные недостоверные обстоятельства дела. Допрос же свидетелей, включая засекреченных, можно будет провести с использованием ВКС. Апелляционная коллегия пришла к выводу, что в данном случае отсутствуют те исключения (обстоятельства), которые могут позволить изменить территориальную подсудность в соответствии с требованиями ст. 35 УПК РФ. В определении было указано, что доводы стороны защиты о возможном влиянии председателя на исход дела являются надуманными. В силу ст. 120 Конституции РФ вмешательство в деятельность суда при осуществлении правосудия, в том числе со стороны председательствующего, является недопустимым. Ранее принятые решения по делу не связаны с дальнейшим его рассмотрением. При решении данного вопроса судом также было учтено место проживания большинства свидетелей в республике притом, что это не должно иметь вообще никакого значения в случае принятия решения об изменении территориальной подсудности на основании пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ. Так же было отмечено, что при данных обстоятельствах передача уголовного дела в суд другого субъекта РФ не отвечает интересам эффективного правосудия, а доводы стороны защиты являются необоснованными [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государство, декларируя независимость судебной власти, не может с полной уверенностью исключить вероятность того, что отдельными судьями будет нарушено данное

положение. Поэтому законодатель и правоприменитель в целях обеспечения принципа независимости судей меняет организационно-правовые условия их деятельности, процедуры самого судопроизводства. Каждый раз правоприменитель, прибегая к механизму изменения территориальной подсудности на основании пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ, ставит под сомнение положения о том, что действия и решения судьи принимаются только на основании закона и в соответствии с собственной совестью, соответственно, не могут определяться политической, ведомственной конъюнктурой. Вероятность заинтересованности судей конкретного региона или оказанного на них воздействия ни в коем случае не ставит под сомнение всю судебную систему в стране в целом. Для самих участников уголовного процесса имеют значение только те судебные решения, которые принимаются по их делу. С их субъективной точки зрения правосудие должно защитить именно их интересы, что вступает в противоречие с обеспечением общей для всех справедливости [12, с. 11, 15, 19].

Отсутствие четкой стратегии обеспечения состязательности обуславливает несовершенство существующего порядка изменения территориальной подсудности уголовного дела. Рассмотренный вопрос является одной

из проблем обеспечения равенства сторон, наличие которой подтверждается сложившейся судебной практикой, сформировавшимися позициями Верховного и Конституционного Судов. Необходимо в самом законодательстве упорядочить компенсационные механизмы с целью уравновесить процессуальные возможности сторон [13, с. 163–164]. Очевидно, что сторона обвинения имеет больше возможностей для воздействия на формирование общественного мнения, по сравнению с находящимся под стражей обвиняемым, поэтому право на беспристрастный суд является более актуальным для самой стороны защиты. Механизм изменения территориальной подсудности уголовного дела должен быть более прозрачным, понятным и в равной степени доступным для обеих сторон, которым должны предоставляться равные возможности для реализации имеющихся процессуальных прав.

Проблема изменения территориальной подсудности уголовных дел существует вне всяких сомнений, но на данном этапе решить ее в рамках законодательного урегулирования достаточно сложно ввиду сложившейся противоречивой и многолетней практики. Рассмотренные вопросы многогранны и требуют комплексного подхода.

Список источников

1. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: авторский курс. М.: Эксмо, 2022. 368 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022, с изм. от 19.04.2022). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Рос. газ. 2020. 4 июля. № 144. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Законопроект № 346533-7 // Система обеспечения законодательной деятельности : офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/346533-7> (дата обращения: 10.03.2023).
5. Дело «Игорь Кабанов против Российской Федерации» (жалоба № 8921/05) (Первая секция) : постановление Европейского суда по правам человека от 03.02.2011. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/>

References

1. Smirnov A. V., Kalinovskiy K. B. Ugolovnyi protsess: avtorskii kurs. Moscow: Eksmo; 2022. 368 p. (In Russian).
2. Criminal Procedural Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on March 25, 2022, with additions of April 19, 2022). Accessed through Law assistance system "Consultant Plus". (In Russian).
3. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with additions approved by all-Russian vote on July 1, 2020). Ros. gaz. 2020. 4 July. No. 144. Accessed through Law assistance system "Consultant Plus". (In Russian).
4. Bill Draft No. 346533-7. Sistema obespecheniia zakonodatelnoi deiatelnosti: official web-site. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/346533-7> (accessed: 10.03.2023). (In Russian).
5. Judgment of the European Court of Human Rights of February 3, 2011 on the Case "Igor Kabanov v. Russia" (Complaint No. 8921/05) (First Section).

6. По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. В. Лушников, А. С. Пушкарёва и И. С. Пушкарёва : постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 № 39-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310692/ (дата обращения: 10.03.2023).
7. Адвокаты поддержали судей КС, выступивших против выводов Суда по вопросу изменения подсудности уголовного дела. URL: <https://www.advga.zeta.ru/novosti/advokaty-podderzhali-sudey-ks-vystupivshikh-protiv-vyvodov-suda-po-voprosu-izmeneniya-pod-sudnosti-ug/> (дата обращения: 10.03.2023).
8. КС: Во избежание возможного влияния бывшего главы города на суд можно изменить подсудность его уголовного дела. URL: <https://tinyurl.com/mrkw2vue> (дата обращения: 10.03.2023).
9. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17.02.2022 № 18-АПУ22-1-К4. URL: <https://tinyurl.com/mr9bapnu> (дата обращения: 10.03.2023).
10. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15.04.2021 № АПЛ21-140. URL: <https://legalacts.ru/sud/apeliatsionnoe-opredelenie-apelliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-15042021-n-apl21-140/?ysclid=lha5cop7jg549564870> (дата обращения: 10.03.2023).
11. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 24.06.2021 № АПЛ21-200. URL: <https://legalacts.ru/sud/apeliatsionnoe-opredelenie-apelliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-24062021-n-apl21-200/?ysclid=lha5f3cy3l461188479> (дата обращения: 10.03.2023).
12. Тарасов А. А., Гизатуллин И. А. Независимость судей и процессуальные проблемы ее реализации в судебном производстве по уголовным делам : моногр. М. : Проспект, 2022. 224 с.
13. Лазарева В. А., Тарасов А. А. Уголовно-процессуальное право. 5-е изд., пер. и доп. М. : Юрайт, 2023. 434 с.
6. Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 9, 2018 No. 39-P "On the Case of Verification of the Constitutionality of Article 35, Paragraphs 1, 3, 4, and Article 1, Paragraphs 1, 3 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in Accordance with Complaints of Lushnikov A. V., Pushkarev A. S., Pushkarev I. S." Accessed through Law assistance system "Consultant Plus". URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=228130#FL6P9fTCQirGr6b6> (accessed: 24.03.2023). (In Russian).
7. Advokaty podderzhali sudei KS, vystupivshikh protiv vyvodov Suda po voprosu izmeneniia podsudnosti ugovnogo dela. URL: <https://www.advga.zeta.ru/novosti/advokaty-podderzhali-sudey-ks-vystupivshikh-protiv-vyvodov-suda-po-voprosu-izmeneniya-podsudnosti-ug/> (accessed: 10.03.2023). (In Russian).
8. KS: Vo izbezhanie vozmozhnogo vliianiia byvshego glavy goroda na sud mozno izmenit podsudnost ego ugovnogo dela. URL: <https://tinyurl.com/mrkw2vue> (accessed: 10.03.2023). (In Russian).
9. Appellate Decision of the Judicial Chamber on Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of February 17, 2022 No. 18-APU22-1-K4. URL: <https://tinyurl.com/mr9bapnu> (accessed: 10.03.2023). (In Russian).
10. Appellate Decision of the Appellation Chamber of the Supreme Court of the Russian Federation of April 15, 2021 No. APL21-140. URL: <https://legalacts.ru/sud/apeliatsionnoe-opredelenie-apelliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-15042021-n-apl21-140/?ysclid=lha5cop7jg549564870> (accessed: 10.03.2023). (In Russian).
11. Appellate Decision of the Appellation Chamber of the Supreme Court of the Russian Federation of June 24, 2021 No. APL21-200. URL: <https://legalacts.ru/sud/apeliatsionnoe-opredelenie-apelliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-24062021-n-apl21-200/?ysclid=lha5f3cy3l461188479> (accessed: 10.03.2023). (In Russian).
12. Tarasov A. A., Gizatullin I. A. Nezavisimost sudei i protsessualnye problemy ee realizatsii v sudebnom proizvodstve po ugovnym delam. Monograph. Moscow: Prospekt; 2022. 224 p. (In Russian).
13. Lazareva V. A., Tarasov A. A. Ugolovno-protsessualnoe pravo. 5th ed, rev. ed. Moscow: Iurait; 2023. 434 p. (In Russian).

Информация об авторах

А. А. Зимасова – студент.

Е. В. Ежова – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. A. Zimasova – Student.

E. V. Ezhova – Candidate of Sciences (Law), Docent.

Научная статья

УДК 343.8

DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-99-104

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ ИНСТИТУТА ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Екатерина Валерьевна Кашкина

*Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
Москва, Россия*

000049@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5045-2054>

Аннотация. В статье авторы отдают предпочтение исследованию специальных принципов, выражающих специфику межотраслевого института исправительных работ, что делает их более значимыми на сегодняшний день вследствие имеющихся неразрешенных вопросов, тормозящих развитие указанного института и создающих проблемы в правоприменительной практике. На основе анализа законодательства и практики применения исправительных работ были выделены четыре наиболее характерных специальных принципа, рассмотрено их содержание, исходя из сути указанного вида наказания, а также формирование установочных позиций по определению обязательных критериев при исправлении осужденного. Сделанные выводы послужат основой для дальнейшего изучения специальных принципов исследуемого института.

Ключевые слова: институт уголовного права, институт уголовно-исполнительного права, отрасль права, исправительные работы, наказание, принципы, уголовно-исполнительные инспекции, осужденный

Для цитирования: Кашкина Е. В. К вопросу о возможности выделения специальных принципов института исправительных работ // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 2. С. 99–104. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-99-104.

Original article

TO THE ISSUE OF POSSIBILITY TO DIFFERENTIATE SPECIAL PRINCIPLES OF THE CORRECTIVE LABOR INSTITUTION

Ekaterina V. Kashkina

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

000049@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5045-2054>

Abstract. The article studies special principles that identify the features of an interdisciplinary corrective labor institution. These principles are even more important today as there are unresolved issues that postpone the progress of the institution and instill challenges in law enforcement practice. Based on the analysis of legislation and corrective labor practices, the authors differentiate four types of special principles. The study considers their content according to the key point of the prescribed penalty, as well as the development of basic factors determining the obligatory criteria for a convict's behavior correction. The study's findings can serve as a foundation for further research on the institution's special principles.

Keywords: criminal law institution, penal law institution, branch of law, corrective labor, penalty, principles, corrective services, convict

For citation: Kashkina E. V. To the issue of possibility to differentiate special principles of the corrective labor institution. *Surgut State University Journal*. 2023;11(2):99–104. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-99-104.

ВВЕДЕНИЕ

Исправительные работы, являясь видом уголовного наказания, подчиняются общим законам построения всех институтов уголовного права. В настоящее время отечественные ученые не пришли к единому мнению относительно четкой классификации институтов указанной отрасли. Например, В. П. Коняхин, Н. А. Лопашенко, С. С. Пирвагидов, Т. Г. Понятовская, Ю. Е. Пудовочкин, В. Д. Филимонов, А. Н. Ященко и др. представляют свой авторский вариант систематизации институтов, полностью обоснованный и имеющий право на существование. Одним из видных научных деятелей, разработавших концепцию институционального строения уголовного права как отрасли, опиравшийся на труды ученых: Ю. В. Баулина, А. А. Герцензона, Н. Д. Дурманова, С. В. Познышева, В. Г. Смирнова, Н. С. Таганцева, Б. В. Яцеленко, является С. М. Жук, сформулировавший в своей фундаментальной работе понятие и систему признаков «институтов уголовного права» [1].

С учетом разнообразных подходов к изучению отраслевых институтов, С. М. Жук приводит новую структуру и порядок изложения институтов, составляющих систему институтов общей части уголовного права, одним из которых видит «институт понятия и видов наказания» [1, с. 16]. При этом такой вид уголовного наказания, как «исправительные работы», не является отдельным институтом, из чего мы можем предположить, что его предлагается рассматривать как субинститут.

Вместе с тем Е. В. Рогова [2], А. Ш. Габараев [3] в своих исследованиях представляют исправительные работы в формате института уголовного права. Отсутствие единого понимания данной проблемы позволяет нам разделить мнение Е. В. Роговой и А. Ш. Габараева, тем более что исправительные работы обладают всеми структурными признаками института, предложенными С. М. Жуком [1, с. 13], в том числе наличием идей (принципов), в которых формируется в нашем случае исследуемый вид наказания.

Одновременно с этим исправительные работы относятся к отрасли уголовно-

исполнительного права, в рамках которого также поднимается вопрос о типологизации институтов, изучению которых посвятили свои работы Л. С. Бабаян, Д. В. Горбань, О. А. Головастова, М. П. Мелентьева, В. Д. Филимонов и О. В. Филимонов и другие авторы. Обращаем внимание, что указанные исследователи и ряд других научных деятелей признают закрепление целей, задач и принципов за отраслевыми институтами.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Анализ работ отечественных ученых свидетельствует о приоритетном значении принципов определения факта существования того или иного института, его сущности и значения для отрасли в целом. При этом С. М. Жук обращает наше внимание на тот факт, что подобные принципы выражаются либо в нормативном их закреплении, либо в доктринальных установках института [1, с. 29]. Учитывая то, что исправительные работы как вид уголовного наказания подпадают под юрисдикцию уголовного законодательства, а в главе 9 УК РФ не закреплены наравне с целями и задачами наказаний, основополагающие начала правового регламентирования их назначения – принципы. В то же время централизованный характер правового обеспечения исполнения уголовных наказаний регламентирует уголовно-исполнительное законодательство [4, с. 113], где ст. 8 УИК РФ указывает на общие принципы, присущие всей уголовно-исполнительной системе. Единственное, где мы можем встретить отсылку к принципам исполнения исправительных работ – это Концепция воспитательной работы с осужденными в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы, которая была утверждена 20 апреля 2000 г. Ю. И. Калининым, заместителем Министра юстиции Российской Федерации, государственным советником юстиции 1-го класса, при более детальном изучении которой становится ясно, что речь идет в ней об осужденных к лишению свободы. Получается, что интересующая нас категория осужденных, точнее применяемый к ним вид наказания, остался вне поля зрения законодателя.

Следовательно, несмотря на принадлежность исправительных работ к уголовно-правовой отрасли, механизм их реализации (исполнение, отбывание) закреплён в уголовно-исполнительной отрасли, что является основанием для дальнейшего рассмотрения принципов исправительных работ как межотраслевого института.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Основываясь на общеизвестном факте наличия общих, отраслевых и межотраслевых принципов (часть из которых нормативно не закреплена, но предлагаются учеными), предпримем попытку обоснования гипотезы существования специальных принципов, присущих исключительно институту исправительных работ. К таковым мы отнесем:

1. *Принцип воспитания в трудовом коллективе.* Назначая осужденному наказание в виде исправительных работ, суд ориентируется в первую очередь на то, что данная категория лиц не будет изолирована от общества, а также:

- либо продолжит свою трудовую деятельность в случае наличия рабочего места до вступления в законную силу приговора суда;

- либо будет обеспечен местом работы благодаря усилиям органов местного самоуправления совместно с уголовно-исполнительной инспекцией.

Необходимо помнить, что трудовой коллектив формируется не по принципу случайности, а вследствие наличия определенного социально-экономического единства, обладающего организационной основой с формальными и неформальными лидерами и управленческим аппаратом. Проблемой развития трудовых коллективов и их влияния на роль труда занимались такие ученые, как А. С. Макаренко, Л. С. Бляхмана, А. Г. Здравомыслова, Л. Н. Когана, И. А. Громова, Т. В. Окунева, И. П. Цимбалова, Г. Я. Дорофеевой, Л. В. Чегаева, Л. А. Лазаренко, В. А. Ядов и др.

Со времен А. С. Макаренко известно, что трудовой коллектив, устанавливая свои правила функционирования, обладая мощным воспитательным потенциалом, может

как принять нового члена, так и отторгнуть его из своих рядов. Принимая новичка в свой коллектив, его члены требуют «подчинения» установленным не только администрацией и трудовым законодательством требованиям, но и правилам коллектива, поддерживающим морально-психологический климат вследствие построения гармоничных межличностных отношений. Несмотря на то, что советское понимание трудового коллектива, как залога «формирования моральной ответственности, дисциплины труда, чувства гордости, ощущения успеха» [5, с. 317] сегодня отходит на второй план в связи с перестройкой ориентиров на новые экономические реалии, как справедливо отметила Т. В. Окунева, в рабочих коллективах продолжают сохраняться коллективистские ценности [6, с. 64].

В процессе интеграции в трудовой коллектив у осужденного формируются навыки общения с коллегами (и иными лицами по роду деятельности), исходя из деловых и нравственных качеств, осознания общей цели профессиональной деятельности в ходе причастности к единой трудовой общности [7]. Помимо этого, осужденный в ходе трудовой деятельности вынужден соблюдать режим труда и отдыха, что дисциплинирует его и влияет на эффективность его производительности.

Следовательно, благодаря принципу воспитания в трудовом коллективе у осужденного к исправительным работам:

- повышается нравственная культура, трудовая активность, мотивация к трудовой деятельности;

- вырабатывается организованность и дисциплина;

- формируются деловые качества (навыки общения), навыки взаимовыручки и помощи.

2. *Принцип стимулирования,* прослеживающийся в двух аспектах: стимулирование к труду и правопослушному поведению, которые неразрывно связаны между собой.

Наиболее эффективные методы стимулирования были предусмотрены в ранее действующем УИК РФ 1997 г. Так, в ст. 45 УИК РФ 1997 г. была закреплена система поощрений лиц, отбывающих наказание в виде

исправительных работ. Осужденный к исправительным работам мог быть представлен к условно-досрочному освобождению за добросовестное отношение к труду или ему мог быть сокращен срок, объем обязанностей и запретов, предусмотренных ст. 41 УИК РФ 1997 г. Сегодня, вследствие реформирования российской уголовно-исполнительной системы, уголовно-исполнительные инспекции лишены такой возможности, что негативно сказывается на мотивации и отношении осужденного к общественно-полезному труду. Мы полностью поддерживаем мнение Н. В. Ольховика, С. Л. Бабаяна и В. Н. Орловой, выступающих за возрождение поощрительного института условно-досрочного освобождения в отношении осужденных к упомянутому виду наказания.

Несмотря на это, система стимулирования осужденных в настоящее время продолжает существовать и развиваться в работах В. И. Курилова, А. В. Пищелко, А. З. Малько, М. С. Рыбака, В. М. Барановой, А. Ф. Сизова, С. Л. Бабаян, каждый из которых рассматривал стимулирование исключительно как меру поощрения осужденного, или поощрения и ответственности, или наступления благоприятных последствий для последнего.

Тем не менее, наряду с уже существующими мерами поощрения и взыскания, отображенными в уголовно-исполнительном законодательстве, полагаем, что наиболее эффективными являются поощрительные меры, предусмотренные трудовым законодательством, в виде нематериальных благ, а именно: почетная грамота, благодарность, а также материальных – премия, награждение ценным подарком.

Поощрение работодателем работника, в нашем случае осужденного, в торжественной обстановке в присутствии всего коллектива указывает на значимость и ценность сотрудника, достойную оценку его профессионализма, что приводит к эффективному воздействию на сознание и поведение работника [8, с. 198].

Посредством принципа стимулирования осужденный:

- не чувствует себя ущемленным в правах (вследствие судимости) и на общих основа-

ниях, как равноправный член коллектива, имеет возможность на достойное признание своих профессиональных навыков и умений;

- получает равноценное признание коллег как сформировавшаяся личность и профессионал, что является сильным мотивирующим фактором в процессе исправления.

3. *Принцип социального взаимодействия.* Осужденные к лишению свободы также реализуют свое право на труд на предприятиях и в трудовом коллективе, однако происходит подобное на предприятиях уголовно-исполнительной системы с закрытым доступом в социум. Осужденные к исправительным работам, напротив, остаются в социуме и имеют возможность изменить свое отношение к обществу посредством осознания его законов развития и функционирования, являясь непосредственным участником всех событий, исходя из критерия «здесь и сейчас».

Известно, что человек, с одной стороны, обособленное существо, а, с другой – общественное. Иными словами, он стремится удовлетворить свои потребности и интересы, что возможно только во взаимодействии с другими людьми. Это проявляется в обратном отклике общества на те или иные действия – одобрении или осуждении, поощрении или наказании. Получается некий симбиоз: общество способно изменить взгляды и убеждения человека, которому необходимо усвоить эти взгляды как некий социально-исторический опыт [9, с. 90]. Например, при осознании доверия со стороны общества, выражающегося в назначении наказания, не связанного с изоляцией от социума, осужденный начинает понимать необходимость следования нормам и правилам общежития, соблюдения морально-нравственных норм. За этим следует обратная положительная реакция со стороны общества в виде одобрения подобного поведения, что становится важным стимулом для достижения цели – исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Совокупность действий всех социальных институтов способна сформировать и развить достойного члена общества. Однако,

если мы говорим об осужденных к исправительным работам, то на первый план социального взаимодействия выходит правовая социализация, при которой указанная нами категория лиц не только приобретет дополнительные правовые знания, правовое воспитание, но и благодаря этому обретет чувство уверенности и защищенности от соблазна совершать дальнейшие противоправные действия.

В то же время благодаря сохранению социальных связей у осужденного появляется возможность заняться саморазвитием, что в дальнейшем позволит ему самореализоваться.

4. Принцип контроля и автономности. Исследованием понятия «автономность личности» занимались Т. И. Ежовская, Э. Ю. Майова, Э. Ф. Зеер, А. М. Павлова, О. А. Трещева, М. Ю. Луков. Однако на сегодняшний день единого представления о рассматриваемом понятии относительно категории осужденных не имеется. Отчасти Т. И. Савельева, проанализировав имеющиеся научные позиции, касающиеся данного вопроса, сделала вывод, что личностная автономия осужденного – это личностное образование, в структуру которого входят следующие компоненты: поведенческий, коммуникативный, волевой, правовой, эмоциональный, рефлексивно-оценочный, ценностно-мотивационный, каждый из которых оказывает влияние на процесс их ресоциализации и реадaptации [10, с. 169]. Присоединяясь к данному выводу, мы добавим, что с точки зрения именно исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, под автономностью осужденного к исправительным работам также можно рассматривать совокупность прав, обязанностей и интересов, а также мотивацию и возможность их реализации без тех ограничений, которые предусмотрены нормами действующего законодательства для лиц, осужденных к лишению свободы. Главный вопрос заключается именно в мотивации и возможности, которые вслед-

ствие дезориентации и деструктивного поведения не всегда имеют вектор направленности, который и задают компетентные органы благодаря грамотному построению продуктивной работы по организации исполнения наказания. В то же время учитывая тот факт, что речь идет о наказании, говорить о полной автономии лица не приходится. Здесь уместен не только контроль за исполнением, но и четко очерченные границы дозволенного, определяемые законодательством в лице должностных лиц государственных органов, организаций и иных заинтересованных субъектов. Мы полагаем, что в предложенном нами варианте осужденный:

- обладает возможностью проявить себя и доказать степень и меру осознания совершенного деяния, его последствий и намерения исправиться;

- имеет определенную свободу для саморазвития, самовоспитания и самодисциплины;

- обязан осознать наличие установленных законодателем рамок и критериев, которые должны быть соблюдены во благо общества и самого осужденного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая вышеизложенные рассуждения предположим, что специальными принципами института исправительных работ являются:

- принцип воспитания в трудовом коллективе;

- принцип стимулирования;

- принцип социального взаимодействия;

- принцип контроля и автономности.

Полагаем, что предложенные принципы не являются окончательными. В процессе дальнейшего изучения рассматриваемого института имеются предпосылки для вычленения из сущности и специфики новых исправительных работ, более значимых исходных начал.

Список источников

1. Жук С. М. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013. 66 с.
2. Рогова Е. В. Анализ развития института обязательных и исправительных работ и практики

References

1. Zhuk S. M. Instituty rossiiskogo ugovnogo prava: poniatie, sistema i perspektivy razvitiia. Extended abstract of Doctoral (Law) Thesis. Krasnodar; 2013. 66 p. (In Russian).
2. Rogova E. V. Analysis of the development of the institution of correctional and forced labor, and the

- их назначения несовершеннолетним // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 1. С. 25–29.
3. Габараев А. Ш. Возникновение и развитие институтов исправительных и обязательных работ // NovalInfo. 2016. № 42. С. 200–204.
4. Батыров А. Х. О системе уголовно-исполнительного законодательства в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 113–115.
5. Иовчук М. Т., Коган Л. Н. Духовный мир советского рабочего: опыт конкретно-социологического исследования. М. : Мысль. 1972. 438 с.
6. Окунева Т. В. Особенности культуры труда современных рабочих // Дискуссия. 2014. № 6. С. 62–69.
7. Чегаяева Л. В. Ретроспективная трансформация понятия «трудовой коллектив» // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2020. № 3. С. 111–116.
8. Горбунова О. С., Петрякова С. В., Стахеева Л. М. и др. Стимулирование труда работников посредством награждения // Образование и право. 2020. № 3. С. 195–199.
9. Поликанова Е. П. Социализация личности // Философия и общество. 2003. № 2. С. 84–108.
10. Савельева Т. И. К понятию личностной автономии осужденных // Человек: преступление и наказание. 2015. № 2. С. 163–170.
3. Gabaraev A. Sh. Vozniknovenie i razvitie institutov ispravitelnykh i obiazatelnykh работ. *NovalInfo*. 2016;(42):200–204. (In Russian).
4. Batyrov A. Kh. On the system of penal enforcement legislation in the Russian Federation. *Vestnik of Economic Security*. 2020;(5):113–115. (In Russian).
5. Iovchuk M. T., Kogan L. N. Dukhovnyi mir sovetskogo rabocheho: opyt konkretno-sotsiologicheskogo issledovaniia. Moscow: Mysl; 1972. 438 p. (In Russian).
6. Okuneva T. V. Labor culture peculiarities of modern workers. *Discussion*. 2014;(6):62–69. (In Russian).
7. Chegaeva L. V. Retrospective transformation of the concept of “labor collective”. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii*. 2020;(3):111–116. (In Russian).
8. Gorbunova O. S., Petryakova S. V., Stakheeva L. M. et al. Stimulation of work of employees by rewarding. *Education and Law*. 2020;(3):195–199. (In Russian).
9. Polikanova E. P. Sotsializatsiia lichnosti. *Philosophy and Society*. 2003;(2):84–108. (In Russian).
10. Savelyeva T. I. To the concept of the personal autonomy of the condemned. *Man: Crime and Punishment*. 2015;(2):163–170. (In Russian).

Информация об авторе

Е. В. Кашкина – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. V. Kashkina – Candidate of Sciences (Law), Docent.

Научная статья

УДК 349.6

DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-105-111

ЛИКВИДАЦИЯ НАКОПЛЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА В АРКТИКЕ КАК МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Алена Александровна Мишунина¹, Артем Павлович Гоглов²✉

^{1,2} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ MishuninaAA@duma72.ru

² artem.goglov@gmail.com ✉, <https://orcid.org/0000-0002-4120-4267>

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние правового механизма ликвидации накопленного экологического вреда в Арктике, выявляется специфика ликвидации такого вреда, его значимость в обеспечении конституционных экологических прав человека, определяется сам правовой механизм такой ликвидации, проблемы, имеющие место быть в таком механизме, а также пути их решения на примере арктического региона, экосистема которого высокочувствительна к внешним воздействиям от производственной деятельности человека.

Авторы приходят к выводу о наличии отдельных проблем ликвидации накопленного экологического вреда, связанных в первую очередь с несовершенством правового регулирования рассматриваемых общественных отношений. На основе этого предлагаются пути решения возникших проблем путем точечных изменений в законодательстве Российской Федерации.

В ходе исследования применению подлежали как общенаучные, так и частные методы научного познания: диалектический, анализ и синтез, формально-юридический и метод компаративистики.

Ключевые слова: право на благоприятную окружающую среду, экологические права человека, правовой механизм ликвидации накопленного экологического вреда, вред окружающей среде, Арктика

Для цитирования: Мишунина А. А., Гоглов А. П. Ликвидация накопленного экологического вреда в Арктике как механизм обеспечения экологических прав человека // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 2. С. 105–111. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-105-111.

Original article

ELIMINATION OF ACCUMULATED ENVIRONMENTAL DAMAGE IN THE ARCTIC AS A MECHANISM TO PROVIDE ENVIRONMENTAL HUMAN RIGHTS

Alena A. Mishunina¹, Artem P. Goglov²✉

^{1,2} University of Tyumen, Tyumen, Russia

¹ MishuninaAA@duma72.ru

² artem.goglov@gmail.com ✉, <https://orcid.org/0000-0002-4120-4267>

Abstract. The article discusses the current state of the legal mechanism for the elimination of accumulated environmental damage in the Arctic; identifies the distinguishing features of such elimination, its importance in ensuring constitutional environmental human rights; determines the legal mechanism for the elimination of accumulated environmental damage, arising issues and their solutions on the example of the Arctic region, which ecosystem is highly sensitive to external influences from human production activities.

The authors conclude that there are separate problems in eliminating the accumulated environmental damage, primarily related to the imperfection of the legal regulation of the social relations under consideration. Based on the aforementioned, the authors propose approaches to solve the arising issues through particular changes in the legislation of the Russian Federation.

In the course of the study, both general scientific and particular methods of scientific knowledge were used as following: dialectical, analysis and synthesis, formal legal and comparative methods.

Keywords: right to a favorable environment, environmental human rights, legal mechanism for the elimination of accumulated environmental damage, environmental damage, the Arctic

For citation: Mishunina A. A., Goglov A. P. Elimination of accumulated environmental damage in the Arctic as a mechanism to provide environmental human rights. *Surgut State University Journal*. 2023;11(2):105–111. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-105-111.

ВВЕДЕНИЕ

Возмещение экологического вреда является важнейшей гарантией реализации конституционного права человека на благоприятную окружающую среду. Конституционно-правовая основа такого механизма строится на основополагающих положениях статей 42 и 58 Конституции Российской Федерации [1], провозглашающих, с одной стороны, право человека на благоприятную окружающую среду, с другой – корреспондирующую этому праву конституционную обязанность сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам. И если дефиниция «экологического вреда» так или иначе исследована в правовой доктрине, то категория «возмещение накопленного экологического вреда» требует дальнейшей научной и правоприменительной разработки.

В 2016 г. в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» [2] вносятся важные поправки, включившие в экологическое законодательство категорию «накопленный вред окружающей среде», под которым федеральный законодатель понимает вред окружающей среде, возникший в результате прошлой экономической и иной деятельности, обязанности по устранению которого не были выполнены либо были выполнены не в полном объеме.

Особую актуальность рассматриваемая категория приобретает при ликвидации накопленного экологического вреда в Арктике. Чтобы это понять, стоит провести небольшой экскурс в историю.

В 30-е гг. XX в. Советский Союз начинает активное освоение арктических территорий. В 1932 г. создается Главное управление Северного морского пути, являвшееся государственной организацией, сферой деятельности которой являлось промышленное освоение территорий Арктики.

С этого времени в Арктике создается фундамент для интенсивного промышленного развития, основой которого была сырьевая направленность производства, в частности добыча полезных ископаемых.

Во времена существования СССР на повестке дня стояло активное развитие промышленности и производства, вопросы экологии являлись второстепенными.

Наконец, с распадом Советского Союза на огромных территориях Арктики после активной промышленной деятельности остались брошенными мусор, топливо и т. п. Кроме того, остались закрытыми рудники по добыче различного рода полезных ископаемых, военные базы. Весь этот накопленный мусор, оставаясь на территориях Арктики, вплоть до настоящего времени продолжает причинять вред окружающей среде. Конституционное право на благоприятную окружающую среду остается необеспеченным. Ю. И. Соколов пишет, что природа Арктики не в состоянии переработать накопленные отходы даже за сотни лет [3, с. 18]. Масштабы же накопленного экологического вреда на российских арктических территориях можно выразить словами С. К. Шойгу: «за многие годы там скопилось столько, что дай бог нашему поколению это все завершить» [4].

Особенность Арктической зоны состоит в высокой чувствительности экологических систем к внешним воздействиям, как это определено в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 26.10.2020 № 645 [5]. В связи с чем уже на декларативном уровне определяются специальные подходы к социально-экономическому развитию Арктического региона.

Несомненно, стоит согласиться с подобным положением. Природа Арктики является весьма уязвимой, а растущие потребности человека только усугубляют и без того пострадавшую экосистему Арктической зоны. Последняя эколого-техногенная авария в городе Норильске является очередным подтверждением этого.

Таким образом, разрабатываемый в настоящее время правовой механизм ликвидации накопленного экологического вреда приобретает особую актуальность при обеспечении права человека на благоприятную окружающую среду.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объект настоящего исследования заключается в изучении общественных отношений, возникающих в связи с ликвидацией накопленного экологического вреда в Арктике, через призму обеспечения конституционного права человека на благоприятную окружающую среду.

Исследование осуществлялось при комплексном применении как общенаучных, так и частных методов научного познания: диалектического, анализа и синтеза, формально-юридического и метода компаративистики.

Авторами для выявления специфики и проблематики правового механизма ликвидации накопленного экологического вреда, обеспечивающего реализацию конституционного права на благоприятную окружающую среду, ставилась задача продемонстрировать общую структуру ликвидации рассматриваемого вреда и на ее основе выявить определенную проблематику. Следует прийти к выводу, что в настоящее время механизм ликвидации накопленного экологического вреда строится на основании положений главы XIV.1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» и Правил организации работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 04.05.2018 № 542 [6]. Выглядит он следующим образом:

1) орган публичной власти осуществляет выявление и оценку объектов накопленного вреда окружающей среде. К примеру, в од-

ном из «арктических» субъектов Российской Федерации – Ямало-Ненецком автономном округе, полностью входящем в Арктическую зону Российской Федерации [7], подпунктом 5 пункта 2 статьи 3 Закона Ямало-Ненецкого автономного округа от 27.06.2008 № 53-ЗАО [8] на органы исполнительной власти автономного округа возложена обязанность выявлять и оценивать объекты накопленного вреда окружающей среде. Кроме того, что особенно актуально для Арктической зоны, если речь идет, к примеру, о континентальном шельфе Российской Федерации, территориальном море либо же о земельных участках, находящихся в собственности Российской Федерации, то такую процедуру осуществляет Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации (далее по тексту – Минприроды России) [9];

2) Минприроды России включает объект «прошлого» экологического вреда в государственный реестр на основании результатов выявления и оценки объектов накопленного вреда окружающей среде, предоставляемых вышеуказанными органами публичной власти. В настоящее время в Арктике согласно данным озвученного государственного реестра [10] такими объектами являются территория и акватория поселка Амдерма в Ненецком автономном округе, Хвостохранилище Лебединской золотоизвлекательной фабрики в п. Лебединый Алданского района Республики Саха (Якутия), место накопления металлолома в поселке Тикси Булунского района Республики Саха (Якутия), район поселка Ретинское (акватория Кольского залива Баренцева моря) в Мурманской области и ряд других объектов;

3) органы публичной власти организуют работы по ликвидации накопленного экологического вреда в соответствии с Правилами организации работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде. Это проявляется:

- во-первых, в проведении необходимых обследований объекта накопленного вреда окружающей среде (в том числе инженерных изысканий). Заказчиком данных работ является соответствующий уполномоченный орган публичной власти;

- во-вторых, в определении в рамках контрактной системы исполнителя работ, который разрабатывает проект работ и согласовывает его с Федеральной службой по надзору в сфере природопользования (далее по тексту – Росприроднадзор). Последний в течение 30 дней должен направить заключение о согласовании проекта либо об отказе в таком согласовании по основаниям, предусмотренным пунктом 6 рассматриваемых Правил организации работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде. И после того, как Росприроднадзор согласовал проект работ, заказчик в течение 30 дней утверждает его;

4) исполнитель проводит работы по ликвидации прошлого экологического ущерба в Арктике, по результатам которого подписывается акт о приемке работ, что является основанием для направления в Минприроды извещения об исключении данного объекта из Реестра.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Из представленной процедуры ликвидации накопленного экологического вреда видно, что выглядит она достаточно простой, а между тем она не лишена существенных изъянов, в конечном итоге сказывающихся на обеспечении конституционного права человека на благоприятную окружающую среду.

Так, в вышеуказанных Правилах организации работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде не уточнено как распределяются полномочия между уровнями публичной власти по организации этих работ. Другими словами, остается без ответа вопрос: должен ли орган местного самоуправления организовать работы, если он не обращался в Минприроды России в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 80.1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» с результатами выявления и оценки объектов накопленного вреда окружающей среде, и объект был внесен в Реестр по заявлению органа государственной власти Российской Федерации.

В правовой доктрине также высказывается проблема о том, что в системе возме-

нения «прошлого» экологического вреда выпадает хозяйствующий субъект. Так, Л. И. Брославский предлагает возложить обязанности по ликвидации накопленного экологического вреда помимо государства на хозяйствующих субъектов, обладающих правами собственности, владения или пользования определенным объектом окружающей среды [11, с. 40].

Вряд ли стоит согласиться с подобным предложением, поскольку будет несправедливым как с правовой точки зрения, так и с финансовой возлагать обязанности по возмещению экологического вреда на лицо, которое само не причиняло экологический вред. Возложение такой обязанности возможно лишь на причинителя вреда, тогда как при ликвидации «прошлого» экологического вреда найти такого причинителя маловероятно. Возложение ответственности за «унаследованный» экологический вред на хозяйствующего субъекта является как минимум нецелесообразным. Именно государство как «хранитель окружающей среды», исполняя публично-правовые обязанности перед гражданами, должно нести ответственность за благоприятное состояние окружающей среды, а не лицо, которое не причиняло тот или иной экологический вред. Подобные предложения являются способом дистанцировать органы публичной власти от решения экологических проблем с возложением бремени несения расходов на частных лиц. Особенно актуально это в Арктическом регионе, где вред причинялся в большинстве своем еще советской промышленностью, не являвшейся частной.

Справедливости ради стоит отметить, что подобный механизм предлагается имплементировать из законодательства США в соответствии с «Законом о принятии всеобъемлющих мер по охране окружающей среды, выплате компенсаций и ответственности» (Comprehensive Environment Response Compensation and Liability, CERCLA) 1980 г., более известному как «Закон о Суперфонде» [12]. Однако полагаем, что заимствование подобных норм в российскую правовую материю является излишним и неоправданным.

Как компромиссный вариант, полагаем, что возможно привлечение хозяйствующих субъектов к ликвидации накопленного экологического вреда в Арктике с предоставлением им определенных преференций. Ликвидация такого вреда коммерческими организациями должна быть не только безубыточной для них, но и в какой-то степени экономически выгодной.

Нельзя согласиться и с мнением ученого принять отдельный закон о возмещении экологического вреда, в том числе и прошлого. Подобное предложение не повлечет за собой надлежащего регулирования соответствующих общественных отношений, а только усилит и без того имеющиеся фундаментальные коллизии между конституционным, экологическим и гражданским законодательствами в сфере возмещения вреда, причиненного окружающей среде.

Полагаем, что наиболее приемлемым вариантом надлежащей регламентации вопросов ликвидации накопленного экологического вреда, в том числе и в Арктической зоне, будет являться его дальнейшее развитие в рамках профильного Федерального закона «Об охране окружающей среды». Иное предложение сводится к созданию в России отдельного Экологического кодекса, где и нашло бы свое место правовое регулирование ликвидации накопленного экологического вреда по примеру французской или казахстанской правовых систем, однако такое предложение является более глобальным, требующим детальной переработки всех институтов и категорий экологического права в целях их кодификации и систематизации.

В механизме ликвидации накопленного экологического вреда усматривается и другая проблема юридико-технического характера между пунктом 2 статьи 80.2 Федерального закона «Об охране окружающей среды» и пунктом 2 Правил организации работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде. В соответствии с положением рассматриваемого Федерального закона органы публичной власти вправе организовывать работы по ликвидации «прошлого» экологического вреда. Напротив, положение

вышеуказанных Правил говорит об обязанности осуществлять соответствующую ликвидацию. Из иерархии перечисленных нормативных правовых актов следует, что правоприменитель должен ориентироваться на право, а не на обязанность производить ликвидацию накопленного экологического вреда.

Полагаем, что предложенная законодателем модель правового регулирования рассматриваемого вопроса является дефектной. По нашему мнению, органы публичной власти обязаны предпринимать активные меры к выявлению и своевременной ликвидации накопленного экологического вреда. В противном случае обесценивается практическая значимость возмещения «прошлого» экологического вреда. Более того, возникает риск проявления коррупционной составляющей ввиду существующей широты дискреционных полномочий.

В этой связи также остаются нерешенными вопросы контроля и надзора за ликвидацией накопленного экологического вреда, так как никаких мер юридической ответственности за отказ организовывать и проводить соответствующие мероприятия законодательством не предусмотрено. Не предусмотрено и механизмов воздействия на органы публичной власти, если они не проводят выявление объектов накопленного вреда, объективно существующего и требующего соответствующих обследований. Заслуживает внимания и проблема, поднимаемая Т. В. Редниковой – в какой именно временной период обычный экологический вред переходит в категорию накопленного экологического вреда [13, с. 32]. Представляется, что решение этого вопроса должно зависеть от двух составляющих: 1) возможность/невозможность выявления причинителя экологического вреда; 2) продолжительность существования вреда окружающей среде. Между тем при любых обстоятельствах именно публичная власть должна нести окончательную ответственность перед своими гражданами за благоприятное состояние окружающей среды.

Все эти проблемы приобретают особую значимость в условиях «хрупкой» экосистемы Арктики, где продолжают находиться

масштабные объекты накопленного экологического вреда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в правовом механизме ликвидации накопленного окружающей среде вреда, обеспечивающем реализацию конституционного права на благоприятную окружающую среду, усматривается ряд проблем, которые возможно устранить путем законодательных изменений. Речь идет о прямом закреплении обязанности органов публичной власти проводить ликвидационные и рекультивационные мероприятия и порядка финансирования данных работ, устранив при этом концептуальные противоречия между Федеральным законом «Об охране окружающей среды» и подзаконными нормативными правовыми актами, регулируемыми рассматриваемую сферу общественных отношений. Привлечение хозяйствующих субъектов

к ликвидации накопленного экологического вреда в Арктике, а в большинстве своем это ресурсодобывающие предприятия, возможно при помощи предоставления им определенных налоговых льгот и преференций.

В то же время несмотря на существующий ряд проблем, связанных как с несовершенством нормативного регламентирования порядка возмещения «прошлого» экологического вреда, так и недостатком финансирования соответствующих мероприятий по ликвидации, на сегодняшний день государственная арктическая политика представляет собой окончательно сформированное общегосударственное направление, полностью нацеленное на ликвидацию «прошлого» экологического вреда в Арктике. Рассмотренный правовой механизм служит одной из важнейших гарантий обеспечения конституционного права на благоприятную окружающую среду.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Рос. газ. 2020. 4 июля. № 144. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Об охране окружающей среды : федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ ; принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20.12.2001 ; одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26.12.2001 // СЗ РФ. 2002. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Соколов Ю. И. Арктика: к проблеме накопленного экологического ущерба // Арктика: экология и экономика. 2017. № 2. С. 18–27.
4. Шойгу: на очистку Арктики от металлолома потрачено 700 млн рублей. 2015. URL: <https://ria.ru/20151022/1306234766.html> (дата обращения: 07.03.2023).
5. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года : указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 // СЗ РФ. 2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении Правил организации работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде : постановление Правительства РФ от 04.05.2018 № 542 // СЗ РФ. 2018. Доступ из СПС «Гарант».
7. О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.05.2014 № 296 // СЗ РФ. 2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with additions approved by all-Russian vote on July 1, 2020). Ros. gaz. 2020. 4 July. No. 144. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
2. Federal Law of January 10, 2002 No. 7-FZ “On Environment Protection”, adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, approved by the Federation Council of the Russian Federation on December 26, 2001. Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
3. Sokolov Yu. I. Arctic: Problem of the accumulated environmental damage. *Arctic: Ecology and Economy*. 2017;(2):18–27. (In Russian).
4. Shoigu: na ochistku Arktiki ot metalloloma potracheno 700 mln rublei. 2015. URL: <https://ria.ru/20151022/1306234766.html> (accessed: 07.03.2023). (In Russian).
5. Decree of the President of the Russian Federation of October 26, 2020 No. 645 “On Strategy to Develop the Arctic Zone in the Russian Federation and Provide for National Security up to 2035”. Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
6. Resolution of the Government of the Russian Federation of May 4, 2018 No. 542 “On Approval of Rules for Managing Elimination of Cumulative Environmental Damage”. Collection of legislation

8. Об охране окружающей среды в Ямало-Ненецком автономном округе: закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 27.06.2008 № 53-ЗАО ; принят Гос. Думой Ямало-Ненецкого автономного округа 18.06.2008. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. О случаях организации работ по ликвидации накопленного вреда, выявления и оценки объектов накопленного вреда окружающей среде, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 25.12.2019 № 1834 // СЗ РФ. 2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Государственный реестр объектов накопленного вреда окружающей среде по состоянию на 26.01.2023. URL: <https://tinyurl.com/555bfhvj> (дата обращения: 07.03.2023).
11. Брославский Л. И. России нужен закон о возмещении экологического вреда // Экологическое право. 2020. № 3. С. 37–43.
12. Comprehensive Environmental Response, Compensation, and Liability Act of 1980. URL: <https://studylib.net/doc/10929438/comprehensive-environmental-response--compensation--and-l...?ysclid=lib8q0xu7v345324487> (дата обращения: 07.03.2023).
13. Редникова Т. В. Проблемы и перспективы ликвидации накопленного вреда окружающей среде в Арктической зоне Российской Федерации // Экологическое право. 2020. № 1. С. 31–33.
7. Decree of the President of the Russian Federation of May 2, 2014 No. 296 “On Land Domain of the Arctic Zone of the Russian Federation”. Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
8. Law of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug of June 18, 2008 No. 53-ZAO “On Protection of Environment of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug”, adopted by the State Duma of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug on June 18, 2008. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
9. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 25, 2019 No. 1834 “On Cases of Managing Elimination of Accumulated Damage, Identifying and Assessing Objects of Accumulated Damage to the Environment, as well as on Amending Certain Acts of the Government of the Russian Federation”. Collection of legislation of the Russian Federation. 2019. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
10. Gosudarstvennyi reestr obektov nakoplennoego vreda okruzhaiushchei srede po sostoianiiu na 26.01.2023. URL: <https://tinyurl.com/555bfhvj> (accessed: 07.03.2023). (In Russian).
11. Broslavsky L. I. Russia needs a law on compensation for the environmental damage. *Environmental Law*. 2020;(3):37–43. (In Russian).
12. Comprehensive Environmental Response, Compensation, and Liability Act of 1980. URL: <https://studylib.net/doc/10929438/comprehensive-environmental-response--compensation--and-l...?ysclid=lib8q0xu7v345324487> (accessed: 07.03.2023).
13. Rednikova T. V. Issues and prospects of liquidation of the accumulated damage to the environment in the Arctic zone of the Russian Federation. *Environmental Law*. 2020;(1):31–33. (In Russian).

Информация об авторах

А. А. Мишунина – доктор юридических наук, профессор.
А. П. Гоглов – аспирант.

Information about the authors

A. A. Mishunina – Doctor of Sciences (Law), Professor.
A. P. Goglov – Postgraduate.

Научная статья

УДК 347.471

DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-112-117

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА

Александр Павлович Сунцов¹, Анастасия Ивановна Андриенко^{2✉}

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

² Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

¹ suncovap@duma72.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7374-6143>

² andrienko_ai@surgu.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-9189-9717>

Аннотация. Настоящая статья посвящена выявлению особенностей деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, включившихся в процесс помощи гражданам во время чрезвычайных и иных экстренных ситуаций, и проблем правового регулирования взаимодействия органов публичной власти с социально ориентированными некоммерческими организациями в рассматриваемых условиях.

В результате проведенного исследования авторы пришли к выводу, что перед государством в настоящее время стоит задача наладить взаимодействие с социально ориентированными некоммерческими организациями, которые имеют широкие цели, оперативно реагируют на экстренные ситуации и гибко подключаются к выполнению функций органами публичной власти во время чрезвычайных ситуаций; требуется научное осмысление нового направления деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций и правового обеспечения их взаимодействия с органами публичной власти.

Цель государства, по мнению авторов – объединить, скоординировать и при определенных обстоятельствах сообразовать значительную часть социально ориентированных некоммерческих организаций на такие направления деятельности, в рамках реализации которых они стали бы равноправными партнерами с органами публичной власти, тогда как изменение положения социально ориентированных некоммерческих организаций свидетельствует о начале нового этапа трансформации конституционно-правового статуса социально ориентированных некоммерческих организаций.

Ключевые слова: общественные объединения, социально ориентированные некоммерческие организации, социальное государство, гражданское общество, право на объединение, пандемия COVID-19, специальная военная операция, добровольчество

Для цитирования: Сунцов А. П., Андриенко А. И. Приоритетные направления деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в современных условиях: правовое регулирование и практика // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 2. С. 112–117. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-112-117.

Original article

TOP-PRIORITY ORIENTATION OF SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS' ACTIVITIES IN CURRENT STATE: LEGAL REGULATION AND PRACTICE

Aleksandr P. Suntsov¹, Anastasiya I. Andrienko^{2✉}

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russia

² Surgut State University, Surgut, Russia

¹ suncovap@duma72.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7374-6143>

² andrienko_ai@surgu.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-9189-9717>

Abstract. The article is devoted to the detection of features of the activities of socially oriented non-profit organizations that helped citizens during emergency situations, and issues of legal regulation of public authorities' entities interactions with socially oriented non-profit organizations in considered conditions.

As a result of the study, the authors conclude that at present, the state needs to ensure cooperation with broad-aimed socially oriented non-profit organizations that are suitable for quick response to emergency situations and adaptable participation in maintaining the functions of public authorities during emergency situations. The new activities of socially oriented non-profit organizations require scientific reflection as well as legal provision for their cooperation with public authorities.

The authors think that the state aims to unite, coordinate, and, if required, conform socially oriented non-profit organizations to such activities, by implementing which they would become an equal partner to the public authorities. At the same time, the change in socially oriented non-profit organizations' place demonstrates a new stage in redefining the constitutional and legal status of such organizations.

Keywords: public associations, socially oriented non-profit organizations, welfare state, civil society, right to association, COVID-19 pandemic, special military operation, volunteerism

For citation: Suntsov A. P., Andrienko A. I. Top-priority orientation of socially oriented non-profit organizations' activities in current state: Legal regulation and practice. *Surgut State University Journal*. 2023;11(2):112–117. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-112-117.

ВВЕДЕНИЕ

За последние три года в связи с наступлением чрезвычайных и иных экстремальных ситуаций и нестабильной мировой обстановкой серьезно изменились условия жизни. Пандемия COVID-19 серьезно повлияла на все сферы жизни общества, пострадали экономический, социальный, культурный и иные секторы развития государства. Помощь беженцам и вынужденным переселенцам из Донбасса, специальная военная операция (далее – СВО) вызвали необходимость мобилизации сил государства и граждан, а также изменения сложившихся правил жизнедеятельности общества.

В чрезвычайных и иных экстремальных ситуациях большой вклад в помощь пострадавшим и поддержание функционирования различных сфер жизнедеятельности делают общественные объединения, социально ориентированные некоммерческие организации (далее – СОНКО).

Сегодня перед СОНКО возникли новые задачи – это участие в мероприятиях, приуроченных к празднованию Дня Победы в Великой Отечественной войне [1] и вовлечение ветеранов СВО в работу по патриотическому воспитанию молодежи [2].

Деятельность СОНКО приобрела новый характер в связи с их вкладом в решение проблем, вызванных чрезвычайными ситуациями. В связи с этим актуальным представляется анализ и оценка правового регулирования деятельности СОНКО и их взаимодействия с органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Тюменская область, ХМАО-Югра и ЯНАО в последние годы являются регионами-лидерами в рейтинге Министерства экономического развития России [3]. Изучение опыта данных субъектов РФ в части взаимодействия органов государственной власти субъектов РФ и общественных объединений в экстремальных и чрезвычайных ситуациях важно для совершенствования правового регулирования и практики правоприменения в рассматриваемой сфере в других субъектах РФ, а также в рамках всей Федерации.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Новые условия жизни общества диктуют необходимость корректировки правового регулирования взаимодействия СОНКО с органами публичной власти. В настоящей статье авторами осуществляется анализ правоприменительной практики в части деятельности СОНКО в новых условиях на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Ямало-Ненецкого автономного округа и Тюменской области. Выборка конкретных сфер деятельности, в которых участвуют СОНКО, позволяет выявить точки взаимодействия СОНКО с органами публичной власти, что в свою очередь позволит определить характер взаимодействия указанных субъектов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Правовая природа деятельности СОНКО вытекает прежде всего из конституционного права каждого на объединение (ч. 1 ст. 30 Конституции РФ). Предназначение СОНКО – это развитие гражданского общества и решение социальных проблем.

Виды деятельности СОНКО разнообразны и во многом аналогичны функциям органов публичной власти. Например, в соответствии с Указом Президента РФ от 11.07.2004 № 868 Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий «осуществляет управление, координацию, контроль и реагирование в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах» [4]. Социально ориентированными признаются некоммерческие организации, которые осуществляют «подготовку населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, к предотвращению несчастных случаев; оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, беженцам и вынужденным переселенцам» (п. 3 ч. 1 ст. 31.1 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ (далее – ФЗ «Об НКО»)) [5].

Государство заинтересовано в организации сильного гражданского общества, члены которого смогут оказать поддержку в чрезвычайных ситуациях, и наделяет часть некоммерческих организаций, осуществляющих определенные виды деятельности, возможностью получить поддержку в приоритетном порядке. При этом, помимо поддержки, СОНКО осуществляют взаимодействие с органами публичной власти и в иных формах.

Основными федеральными законами, содержащими нормы о взаимодействии органов публичной власти с СОНКО, являются ФЗ «Об НКО», Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях». Гражданский кодекс РФ является также базовым законом, необходимым для определения организационно-правовых форм СОНКО.

Решение вопросов создания условий и осуществления поддержки СОНКО, благотворительной деятельности и добровольче-

ства (волонтерства) отнесено к полномочиям органов государственной власти субъекта РФ по предметам совместного ведения РФ и ее субъектов, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта РФ (за исключением субвенций из федерального бюджета) (п. 16 ч. 1 ст. 44 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ) [6].

Оказание поддержки СОНКО включается также в перечень вопросов местного значения (п. 34 ч. 1 ст. 14, п. 25 ч. 1 ст. 15, п. 33 ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ) [7].

Помимо основных федеральных законов, существует множество иных, содержащих нормы о взаимодействии с СОНКО – ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», ФЗ «О добровольной пожарной охране», ФЗ «О государственной службе российского казачества», ФЗ «О социальной защите инвалидов в РФ», ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и др.

Определение форм взаимодействия органов публичной власти с СОНКО может осуществляться по различным критериям. Важно опираться на нормативное закрепление данных форм, и в первую очередь стоит обратиться к специальному закону – ФЗ «Об НКО». Данный федеральный закон говорит о поддержке СОНКО органами публичной власти.

Помимо поддержки СОНКО существуют различные формы взаимодействия, которые можно обозначить как формы соучастия в управлении делами государства. В настоящее время они определены различными нормативными правовыми актами и не систематизированы законодательно. Например, условия, при которых возможно взаимодействие СОНКО с органами публичной власти на равных как партнеров, определяют ФЗ «Об общественной палате РФ» и ФЗ «Об общих принципах организации деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации».

Период пандемии COVID-19 потребовал значительного изменения форм деятельности органов власти, предприятий, организаций. Серьезной проблемой стала нехватка помощи заболевшим людям, а также людям, находящимся в группе риска. Именно помощь таким гражданам стала одним из направлений деятельности, в которые включились СОНКО.

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре деятельность по помощи людям, находящимся в зоне риска, осуществляли волонтеры АНО Гуманитарного добровольческого корпуса [8]. Организация и координация деятельности добровольцев требует значительных усилий, наличия специальных знаний и компетенций у сотрудников СОНКО.

В Тюменской области в деятельность по помощи незащищенным слоям граждан включились различные организации, в том числе СОНКО. Они объединили усилия и оказывали помощь пострадавшим во время пандемии. Общее число волонтеров, которые помогали нуждающимся жителям Тюменской области в условиях COVID-19, превысило три тысячи [9]. Региональная общественная организация тюменский атлетический клуб «АНТЕЙ» реализовала проект по созданию доступных условий для восстановления граждан, переболевших COVID-19, и привлечения их к регулярным занятиям физической культурой, используя уже имеющуюся инфраструктуру спорта [10, с. 81].

Несмотря на то, что СОНКО сами пострадали от последствий пандемии COVID-19, они продолжили свою общественно полезную деятельность, а также включились в оказание экстренной помощи.

Следующая сфера, где СОНКО стали активными участниками помощи пострадавшим – это помощь беженцам и вынужденным переселенцам в период СВО, а также гуманитарная помощь в зоне СВО. В ХМАО-Югре эту миссию взяло на себя АНО «Гуманитарный добровольческий корпус». В Тюменской области – Союз афганцев, Союз пограничников, Союз землячества Югры и Союз землячества Ямала, а также другие СОНКО. Ямальские землячества Союза ве-

теранов осуществляют сбор гуманитарной помощи беженцам из ДНР и ЛНР, а именно формируют груз из товаров первой необходимости: средств личной гигиены, продуктов, вещей для детей и взрослых [11].

Помимо чрезвычайных ситуаций, важно выделить такую сферу деятельности СОНКО, как участие в мероприятиях, приуроченных к празднованию Дня Победы в Великой Отечественной войне [1]. Подготовка волонтеров Победы также осуществляется в рамках СОНКО – Всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы», созданного волонтерами, действовавшими ранее разрозненно [12].

Еще одно направление деятельности, поставленное Президентом России – вовлечение ветеранов СВО в работу по патриотическому воспитанию молодежи. Социализация военнослужащих, вернувшихся с фронта – одна из важных государственных задач, которая должна быть реализована через программы с участием Героев России, солдат, прошедших СВО. Они могут выступить как инструкторы, наставники, кураторы, а также быть включены в кадровый резерв [2]. Таким образом, данная сфера деятельности также требует плотного взаимодействия СОНКО, оказывающих поддержку ветеранам боевых действий, с государственными органами.

Важно учесть, что помощь в наборе добровольцев для таких направлений деятельности должна осуществляться теми организациями, которые имеют положительную репутацию, опыт в проведении подобных мероприятий.

В связи с этим вопрос правового регулирования взаимодействия СОНКО и органов публичной власти становится актуальным. Важно поддерживать СОНКО с широкими целями и видами деятельности, возможностью оперативно реагировать на чрезвычайные или иные экстремальные ситуации, командой волонтеров, обученных и способных грамотно оказывать помощь пострадавшим и с возможностью включаться в осуществление функций государственных органов.

Со стороны государства особое внимание уделяется СОНКО, помогающим бойцам

СВО и их родственникам в форме грантов [13], защиты официальных сайтов в сети интернет [14], обучающих семинаров [15] и других форм поддержки СОНКО.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, вопрос об особенностях деятельности СОНКО в современных условиях в последние годы становится актуальным с точки зрения накопленного у них опыта реагирования на чрезвычайные ситуации.

СОНКО, которые изначально создавались для иных функций, при возникновении чрезвычайных ситуаций включились в деятельность государства по поддержке незащищенных слоев населения, по помощи беженцам и вынужденным переселенцам, по оказанию гуманитарной помощи людям, находящимся в зоне СВО. Данный факт свидетельствует о том, что СОНКО, имеющие широкие цели деятельности и состоящие из участников, волонтеров, уже обладающих опытом и показавших себя в деле, которые в настоящее время получили большее значение для деятельности государства и развития гражданского общества.

Такое изменение положения СОНКО свидетельствует о начале нового этапа транс-

формации конституционно-правового статуса СОНКО. Перед государством стоит задача наладить взаимодействие с СОНКО, которые имеют широкие цели, оперативно реагируют на экстренные ситуации и гибко подключаются к выполнению государственными органами функций во время чрезвычайных ситуаций.

Изучение опыта деятельности СОНКО в экстремальных условиях позволило выявить те, которые смогут стать платформой для воспитания «социально ориентированного гражданина».

Требуется научное осмысление нового направления деятельности СОНКО и правового обеспечения их взаимодействия с органами публичной власти. В таком случае цель государства – объединить, скоординировать и при определенных обстоятельствах поддерживать СОНКО, которые стали бы его равноправными партнерами.

С положительной стороны зарекомендовали себя такие формы поддержки СОНКО со стороны государства, как: гранты, обучающие семинары, а также защита официальных сайтов в сети интернет.

Список источников

1. В России стартовал набор волонтеров ко Дню Победы, планируется привлечь 200 тысяч добровольцев. URL: <https://rg.ru/2023/03/01/v-rossii-startoval-nabor-volonterov-ko-dniu-pobedy-planiruet-sia-privlech-200-tysiach-dobrovolcev.html> (дата обращения: 13.03.2023).
2. Вовлечение ветеранов СВО в работу по патристическому воспитанию молодежи. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/279748197> (дата обращения: 13.03.2023).
3. Рейтинг субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки СОНКО и социального предпринимательства за 2021 год. URL: <https://nko.economy.gov.ru/Public/NewsPage/Details?id=190> (дата обращения: 13.03.2023).
4. Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий : указ Президента РФ от 11.07.2004 № 868 // СЗ РФ. 2004. № 28. Ст. 2882. Доступ из СПС «Гарант».
5. О некоммерческих организациях : федер. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145. Доступ из СПС «Гарант».

References

1. V Rossii startoval nabor volonterov ko Dniu Pobedy, planiruetsia privlech 200 tysiach dobrovolcev. URL: <https://rg.ru/2023/03/01/v-rossii-startoval-nabor-volonterov-ko-dniu-pobedy-planiruet-sia-privlech-200-tysiach-dobrovolcev.html> (accessed: 13.03.2023). (In Russian).
2. Vovlechenie veteranov SVO v rabotu po patrioticheskomu vospitaniiu molodezhi. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/279748197> (accessed: 13.03.2023). (In Russian).
3. Reiting subektov Rossiiskoi Federatsii po itogam realizatsii mekhanizmov podderzhki SONKO i sotsialnogo predprinimatelstva za 2021 god. URL: <https://nko.economy.gov.ru/Public/NewsPage/Details?id=190> (accessed: 13.03.2023). (In Russian).
4. Order of the President of the Russian Federation of July 11, 2004 No. 868 "Issues of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergency Situations and Elimination of Consequences of Natural Disasters". Collection of legislation of the Russian Federation. 2004. No. 28. Art. 2882. Accessed through Law assistance system "Garant". (In Russian).
5. Federal Law of January 12, 1996 No. 7-FZ "On Non-Profit Organizations". Collection of legislation

6. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федер. закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973. Доступ из СПС «Гарант».
7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822. Доступ из СПС «Гарант».
8. АНО Гуманитарный добровольческий корпус. URL: <https://humcorps.com> (дата обращения: 13.03.2023).
9. Число волонтеров клуба #МыВместе в Тюменской области превысило три тысячи. URL: <https://t-l.ru/316220.html> (дата обращения: 13.03.2023).
10. Каталог социальных проектов СОНКО Тюменской области. URL: https://op72.ru/assets/catalog_sinsib_2021.pdf (дата обращения: 13.03.2023).
11. Ветераны Ямала. URL: <https://veteranyamala.ru/informatsiya/news/> (дата обращения: 13.03.2023).
12. Всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы». URL: <https://волонтерыпобеды.рф/> (дата обращения: 13.03.2023).
13. Москва выдаст гранты НКО, помогающим участникам СВО и их семьям. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/279877030> (дата обращения: 13.03.2023).
14. НКО хотят дать право пользоваться защищенными серверами. URL: <https://news.rambler.ru/politics/50292434-zanko-mintsifry-gotovo-perevesti-sayty-sotsialnyh-nko-na-gosoblako/> (дата обращения: 13.03.2023).
15. Минтруд Дагестана провел второй обучающий семинар для социально ориентированных НКО. URL: https://news-life.pro/nizhniy_novgorod/343780229/ (дата обращения: 13.03.2023).
6. of the Russian Federation. 1996. No. 3. Art. 145. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russian).
6. Federal Law of December 21, 2021 No. 414-FZ “On General Principles of Managing Public Authority in the Subjects of the Russian Federation”. Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 52 (Pt. I). Art. 8973. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russian).
7. Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ “On General Principles of Managing Local Self-Government in the Russian Federation”. Collection of legislation of the Russian Federation. 2003. No. 40. Art. 3822. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russian).
8. ANO Gumanitarnyi dobrovolcheskii korpus. URL: <https://humcorps.com> (accessed: 13.03.2023). (In Russian).
9. Chislo volonterov kluba #MyVmeste v Tiimenskoi oblasti prevysilo tri tysyachi. URL: <https://t-l.ru/316220.html> (accessed: 13.03.2023). (In Russian).
10. Katalog sotsialnykh projektov SONKO Tiimenskoi oblasti. URL: https://op72.ru/assets/catalog_sinsib_2021.pdf (accessed: 13.03.2023). (In Russian).
11. Veterany Yamala. URL: <https://veteranyamala.ru/informatsiya/news/> (accessed: 13.03.2023). (In Russian).
12. Vserossiiskoe obshchestvennoe dvizhenie “Volontery Pobedy”. URL: <https://волонтерыпобеды.рф/> (accessed: 13.03.2023). (In Russian).
13. Moskva vydat granty NKO, pomogaiushchim uchastnikam SVO i ikh semiam. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/279877030> (accessed: 13.03.2023). (In Russian).
14. NKO khotiat dat pravo polzovatsia zashchishchennymi serverami. URL: <https://news.rambler.ru/politics/50292434-zanko-mintsifry-gotovo-perevesti-sayty-sotsialnyh-nko-na-gosoblako/> (accessed: 13.03.2023). (In Russian).
15. Mintrud Dagestana provel vtoroi obuchaiushchii seminar dlia sotsialno orientirovannykh NKO. URL: https://news-life.pro/nizhniy_novgorod/343780229/ (accessed: 13.03.2023). (In Russian).

Информация об авторах

А. П. Сунцов – доктор юридических наук, профессор.

А. И. Андриенко – старший преподаватель.

Information about the authors

A. P. Suntsov – Doctor of Sciences (Law), Professor.

A. I. Andrienko – Senior Lecturer.

Научная статья
УДК 343.237
DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-118-126

СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

Петр Леонидович Сурихин¹, Лариса Александровна Попова^{2✉}

¹ Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

² Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

¹ peter.surihin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5863-0791>

² popova_la@surgu.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-7565-918X>

Аннотация. Проблемы квалификации соучастия в преступлении не теряют своей актуальности. Несмотря на достаточно большое количество исследований, посвященных рассмотрению указанных проблем, далеко не все вопросы нашли свое решение. Предпринятый в представленном исследовании анализ института соучастия с точки зрения системного подхода позволил сформулировать выводы, объясняющие существующие противоречия и предлагающие пути их решения.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, преступление как система, формы соучастия, виды соучастия, квалификация преступления, совершенного в соучастии

Для цитирования: Сурихин П. Л., Попова Л. А. Соучастие в преступлении: системный анализ // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 2. С. 118–126. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-118-126.

Original article

CRIMINAL COMPLICITY: A SYSTEMATIC ANALYSIS

Petr L. Surikhin¹, Larisa A. Popova^{2✉}

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

² Surgut State University, Surgut, Russia

¹ peter.surihin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5863-0791>

² popova_la@surgu.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-7565-918X>

Abstract. The criminal complicity classification is still an issue. Despite the large number of studies on the topic, some issues remain unresolved. In the study, the complicity institution was analyzed in accordance with the systemic approach, which allowed for the substantiation of existing controversies as well as the proposal of solutions.

Keywords: criminal complicity, crime as a system, types of complicity, classification of a crime with complicity

For citation: Surikhin P. L., Popova L. A. Criminal complicity: A systematic analysis. *Surgut State University Journal*. 2023;11(2):118–126. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-118-126.

ВВЕДЕНИЕ

Институт соучастия к настоящему времени в достаточной степени разработан наукой уголовного права. Сложилось вполне конкретное представление о нем [1, с. 149–173, 2, с. 142–161, 3, с. 165–192], которому неуклонно следует судебная практика [4, с. 17, с. 38]. Однако, несмотря на законодательное

закрепление понятийного аппарата данного института и основных правил квалификации деяний, совершенных в соучастии, многие вопросы по сей день вызывают споры и неоднозначную трактовку, что, в свою очередь, порождает определенные противоречия в сложившейся правоприменительной практике. Преодолеть эти противоречия, по нашему

мнению, возможно, рассматривая соучастие как систему.

Конструируя уголовно-правовые дефиниции, законодатель исходит прежде всего из теоретических положений уголовно-правовой науки. Однако практическое применение тех или иных законодательных конструкций без учета их общей системной роли неизменно вызывает проблемы при квалификации деяний. Системный подход к анализу института соучастия должен позволить правоприменителю понять логику законодателя, а значит, и минимизировать возможные ошибки при квалификации преступлений, совершенных в соучастии.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методической и теоретической основой настоящего исследования послужили труды ученых, исследовавших институт соучастия, положения действующего уголовного законодательства и материалы правоприменительной практики.

В исследовании традиционно использовались общенаучные и специально-юридические методы. Цели исследования обусловили приоритет системного метода исследования, позволяющего выявить и проанализировать взаимосвязь и взаимовлияние понятийных единиц исследуемого уголовно-правового института, а также его влияние на квалификацию преступлений и назначение наказания.

Дефиниции института соучастия исследовались с помощью формально-юридического метода. Результаты исследования сформулированы с использованием логических методов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Законодатель признает соучастием в преступлении умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления (ст. 32 УК РФ).

В науке уголовного права традиционно выделяют простую и сложную форму соучастия [5, с. 233]. Простая форма имеет место в случаях совершения преступления соучастниками без разделения ролей, так называемое соисполнительство.

Сложная форма предполагает совместную деятельность одного исполнителя и со-

участника какого-либо другого вида. Статья 33 УК РФ закрепляет четыре вида соучастников – исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник. Сложная форма соучастия обеспечивает основание уголовной ответственности в ситуации, когда действия соучастника не содержат признаки объективной стороны состава преступления, описанные в диспозиции статьи Особенной части УК РФ [6, с. 8]. Вместе с тем данная форма соучастия не признается ни квалифицирующим признаком, ни обстоятельством, отягчающим наказание.

Статья 35 УК РФ определяет следующие формы соучастия в преступлении: 1) группа лиц; 2) группа лиц по предварительному сговору; 3) организованная группа; 4) преступное сообщество (преступная организация). Степень общественной опасности указанных групп увеличивается согласно порядку их перечисления в приведенной статье. Совершение преступления в составе какой-либо группы или сообщества является, как правило, основанием квалификации деяния как более тяжкого, так как часто указанные формы соучастия закреплены законодателем в качестве квалифицирующих признаков составов преступлений, либо как обстоятельства, отягчающие наказание. Следует обратить внимание на то, что деятельность по созданию и участию в наиболее опасной форме соучастия – преступном сообществе – включена в Уголовный кодекс РФ в качестве самостоятельного состава преступления (ст. 210 УК РФ).

В контексте нашей проблематики следует отметить объективный признак соучастия – совместное участие в совершении преступления двух или более лиц. Во-первых, здесь нет указания на конкретные виды соучастников, что позволяет обоснованно предположить любой вид соучастия при совершении деяния. Во-вторых, если рассматривать соучастие как систему, а в системе всегда есть органы управления и исполнения, то совместность участия в преступлении предполагает общее управление.

Рассматривая соучастие как систему, можно утверждать, что суть законодательного определения соучастия в преступлении –

объединение преступников под общим управлением – это антисоциальная система.

Виды соучастия в преступлении описаны законодателем в ст. 35 УК РФ. В целях нашего исследования выделим системные признаки данных видов, сравнивая их друг с другом:

1. Группа лиц без предварительного сговора – это два или более исполнителя, действующие под общим управлением, которое образовано в процессе совершения действий, предусмотренных объективной стороной состава преступления. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что законодатель в качестве участников данного вида группы называет исключительно исполнителей, что, по нашему мнению, не всегда соответствует действительности.

Сговор, как способ образования управления группой, в данном виде соучастия не носит предварительный характер как у других видов соучастия в преступлении, не осуществляется заранее, на стадии приготовления.

2. Группа лиц по предварительному сговору – это два или более соучастника, действующие под общим управлением, которое сформировано посредством сговора в процессе приготовления к преступлению, т. е. до начала совершения действий, предусмотренных объективной стороной состава преступления. Если сравнивать с предыдущим видом соучастия, то в данном случае законодатель в качестве участников, сговорившихся на совершение преступления, предполагает уже любую комбинацию их видов.

3. Организованная группа – это два или более соучастника, действующие под общим управлением, которое сформировано в результате сговора еще до какой-либо преступной деятельности, на стадии создания группы.

Виды соучастников в составе данного вида группы законодателем предполагаются любые. Сговор же здесь иного качества, он направлен не столько на совершение преступления, сколько на создание группы в целях его совершения, возможно, что еще и неопределенного. Именно характер сговора обеспечивает устойчивость группы. Главная его цель – организовать группу.

Первые два вида соучастия в преступлении обладают свойствами неустойчивых временных систем, созданных для совершения преступления или даже преступлений, но распадающихся после достижения своей преступной цели.

Организованная группа – устойчивая система, существующая без жесткой зависимости от предполагаемого или совершенного преступлений, и для обеспечения устойчивости она обладает необходимым ресурсом: управление сосредоточено в руках одного человека, выработаны и действуют строгие правила поведения, распределены обязанности между участниками, хорошо планируется преступная деятельность, существует разведка, маскировка, отлажен сбыт и легализация похищенного и т. п. Устойчивость – это не период существования системы соучастия, а высокое качество ее управления.

4. Преступное сообщество по своему существу – это две или более организованных группы, действующие под объединенным, общим управлением, сформированные для повышения сплоченности соучастия в преступлении, достижения преступных целей, которые не могут быть обеспечены отдельно взятой, даже организованной, группой.

Структурированность или объединение организованных групп – это атрибут общего управления группами, иерархия устойчивых связей между элементами системы соучастия, органами управления и исполнения. Она характеризуется тем, что у элементов системы (структурных подразделений), которые сами обладают внутренней структурой связей, появляется внешнее управление, стоящее на порядок выше. Так и формируется общая иерархия управления.

Анализируя соучастие как систему, необходимо описать ее функциональную модель, определить ее свойства.

Система как таковая обладает рядом обязательных признаков и свойств. Функциональная модель системы всегда в своей совокупности элементов содержит как минимум: цель, органы управления, органы исполнения, вход, выход, связи между этими элементами [7, 8]. Соответственно, опираясь

на положения УК РФ, функциональную модель системы соучастия в преступлении можно представить следующим образом:

1. Цель – планируемый подстрекателем и пособником подстрекателя результат преступной деятельности (необоснованное материальное обогащение, физическое устранение конкурента, удовлетворение низменных потребностей и т. п.).

2. Орган управления – организатор, пособник организатора. Данные участники управляют процессом сговора и непосредственного совершения преступления.

3. Орган исполнения – исполнитель, пособник. Исполнитель совершает действия, предусмотренные объективной стороной состава преступления, а пособник действует как до стадии покушения, так и после стадии оконченного преступления [9, с. 112–122] (или во время совершения преступления). Пособник, не совершая действий, предусмотренных объективной стороной, может до момента окончания преступления охранять место преступления во время его совершения; консультировать исполнителя, например, по мобильному телефону, сети интернет и т. п.; помогать скрыться исполнителю с похищенным; скрыть и хранить похищенное исполнителем, например, при совершении продолжаемого преступления; скрывать следы преступления, оставленные исполнителем на месте преступления, например, при похищении человека, убийстве и т. п. [10 с. 33; 11, с. 165].

4. На входе системы будет находиться объект преступления – охраняемые законом общественные отношения.

5. На выходе системы – преступление, предусмотренное соответствующей статьей УК РФ.

С позиции подхода к соучастию как к системе следует понимать:

1. Цель системы – это системообразующий элемент, все элементы системы связываются на ее основе. Кроме того, цель всегда ставится вышестоящей, внешней системой. Таким образом, подстрекатель – первопричина выгодного, прежде всего, ему образа будущего, который реализуется действиями других видов соучастников [12, с. 194].

2. Система имеет период формирования, продолжающийся до тех пор, пока ее элементы и структура не станут способны достичь цели системы – в нашем случае это преступный результат. Труднодостижимая цель преступления требует высокого качества управления соучастниками преступления. Для этого, как правило, требуется опыт и время.

3. Любая система так или иначе обрабатывает исключительно информацию, которая поступает на входе и преобразуется на выходе. В нашем случае система преобразует ее в преступление, т. е. изменяет функцию с общественно полезной на общественно опасную.

4. Преобразование информации в системе осуществляется до тех пор, пока не будет достигнута цель системы – преступный результат.

5. Эффективность и мощность системы зависит от качественных и количественных характеристик управления и исполнения: прочности сговора, степени организации вовлеченных в совершение преступления, опытности и количества исполнителей. Увеличение количества элементов системы (соучастников преступления, особенно в органе исполнения) предполагает и усложнение управления, обеспечивающее его эффективность.

6. Эффективность системы оценивается качественными и количественными характеристиками достигаемой цели – преступного результата. Общественная опасность соучастия в преступлении находится в прямой зависимости от этого параметра.

Системная модель соучастия в преступлении, закономерности ее функционирования позволяют определить ряд критериев, с которыми можно связать характеристику общественной опасности соучастия и соотнести на их основе общественную опасность его видов:

1. Критерии общественной опасности целеполагания: чем сложнее иерархия системы, которой принадлежит подстрекатель, пособник, тем выше общественная опасность соучастия в преступлении. Например, взрослый подстрекает взрослого либо взрослый подстрекает несовершеннолетнего; гражданин подстрекает должностное лицо либо руководитель подстрекает подчиненное ему должностное лицо – общественная опасность вторых описанных ситуаций значительно выше.

2. Критерии общественной опасности управления преступной системой:

2.1. Сговор. Данный критерий следует оценивать, учитывая заблаговременность сговора относительно начала реализации действий, предусмотренных объективной стороной, а также имел ли место сговор на совершение конкретного преступления в соучастии или сговор на объединение под общим управлением для совершения преступления.

Сговор более общественно опасен, если он осуществлен на ранних этапах преступной деятельности, особенно в случае, если он осуществлен на этапе формирования цели. Сговор, имеющий меньшую степень общественной опасности, осуществляется уже в процессе совершения преступных действий. Кроме того, степень общественной опасности сговора возрастает, если он изначально направлен на объединение соучастников на основе *идеи* совершения преступлений. Сговор менее общественно опасен, если он касается лишь факта совершения конкретного преступления.

2.2. Иерархия управления. Чем больше уровень структуры управления, тем качественнее управление большим числом соучастников.

Уровни структуры подразумевают увеличение числа соподчиненных организаторов преступлений, которые действуют с единым замыслом, реализуют единую преступную цель.

Так, в группе лиц без предварительного сговора управление соисполнителей может быть совместным. Возможно, что явным руководителем преступления станет один из соучастников, что более эффективно. Предварительный сговор предполагает конкретного организатора преступления (единоличного или коллективного) в группе лиц по предварительному сговору, который осознанно ставится над другими в структуре управления. Организованная группа уже изначально предусматривает обязательное наличие организатора группы соучастников преступления (единоличного или коллективного), и это обстоятельство повышает степень общественной опасности такой группы. Преступное сообщество (преступная органи-

зация) предусматривает наличие руководителя (единоличного или коллективного), стоящего над руководителями организованных групп, т. е. здесь уровень иерархии управления на порядок выше.

2.3. Устойчивость структуры управления. Структура управления в разных видах соучастия в преступлении, если их рассматривать как системы, обладает разной степенью устойчивости, что прямо пропорционально общественной опасности соучастия. В группе лиц без предварительного сговора структурированность управления соучастниками носит случайный характер или вообще отсутствует. Соучастники могут прекратить взаимодействие еще в процессе действий, предусмотренных объективной стороной.

В группе лиц по предварительному сговору структурированность управления соучастниками носит временный характер, как правило, на период совершения конкретного преступления и связана с совершением этого преступления.

В организованной группе структурированность управления соучастниками носит устойчивый характер. Создание и сплочение группы выступает первоочередной целью. Это обусловлено тем, что без создания такой группы совершение преступления будет затруднено либо вообще невыполнимо. Таким образом, само исполнение преступления вторично в такой системе.

В преступном сообществе структурированность управления организованными группами, как и в организованной группе, носит устойчивый характер и связана изначально с организацией и управлением руководителями организованных групп, а уже после – с организацией совершения преступлений для достижения целей организатора преступного сообщества.

3. Критерии общественной опасности исполнения:

3.1. Количество соучастников. Чем больше количество лиц, участвующих в преступной деятельности, тем большей степенью общественной опасности обладает данное соучастие.

3.2. Качество подготовленности соучастников органа исполнения. Чем выше их подго-

товленность: уровень имеющихся у них навыков, преступный опыт и т. п., тем выше степень общественной опасности такого соучастия.

Здесь стоит заметить, что при равных свойствах органов исполнения, эффективность конкретной системы в большей степени зависит от эффективности органа управления, что указывает на приоритетность критериев эффективности управления при определении общественной опасности вида соучастия в преступлении. Например, малочисленная организованная группа всегда обладает большей степенью общественной опасности, чем многочисленная группа лиц по предварительному сговору.

4. Общий критерий общественной опасности, характерный для системы соучастия в преступлении в целом при совершении конкретного преступления: чем больше соучастников преступления, тем выше общественная опасность соучастия.

Анализ соучастия как системы позволяет продемонстрировать, что отдельные законодательные признаки видов соучастия не укладываются в законодательное определение соучастия в преступлении. Кроме того, они не укладываются и в функциональную модель системы соучастия в преступлении, что является, по нашему мнению, одной из причин проблем квалификации соучастия в преступлении.

Законодательное определение соучастия в преступлении не конкретизирует виды соучастников. Соответственно, комбинации их минимального состава при определении видов соучастия изначально не могут быть ограничены комбинацией «исполнитель и исполнитель», как это сделано при определении группы лиц без предварительного сговора, которую могут образовать, по замыслу законодателя, только два или более исполнителя. Следует отметить, что в законодательных определениях других видов соучастия в преступлении нет подобных ограничений.

Как систему, группу лиц без предварительного сговора вполне могут образовать другие комбинации видов соучастников, а не только «исполнитель и исполнитель».

Например, исполнитель с пособником, сговоровившись в момент совершения преступления. На практике не редки ситуации, когда пособник может оказывать помощь исполнителю в момент совершения преступления, но не совершать при этом действий, предусмотренных объективной стороной состава преступления [13, 14]. В настоящее время судебная практика вынуждена в подобных случаях, по существу, пособника, например, в краже признавать соисполнителем, поскольку иного способа привлечь его к уголовной ответственности нет, так как не было доказательств предварительного сговора, который необходим по закону для признания его пособником.

При определении группы лиц по предварительному сговору в качестве обязательного признака уголовно-правовая теория называет признак: два и более исполнителя. По нашему мнению, он не характерен ни законодательному определению соучастия в преступлении, ни законодательному определению такого вида группы, ни функциональной модели системы соучастия в преступлении. Следствием данного теоретического положения является ряд нерешенных проблем квалификации данного вида соучастия. Так, например, сложность вызывает вопрос квалификации соучастия в преступлении со специальным субъектом. Согласно сложившейся практике, группу лиц по предварительному сговору не образуют соучастники в преступлении со специальным субъектом, если только один из соучастников обладает такими признаками. Аналогично обычно решается вопрос квалификации соучастия в преступлении как группы лиц по предварительному сговору, если второй соучастник не достиг возраста уголовной ответственности [15–18]. Тем не менее следует отметить, что судебная практика в отдельных случаях обоснованно квалифицирует действия субъекта преступления (соучастие в составе группы лиц по предварительному сговору) [19, с. 67; 20, 21]. Кроме того, в отдельных случаях имеет место конфликт положений судебной практики и уголовного закона. Так, требование квалифицировать действия всех видов соучастни-

ков организованной группы как действия соисполнителей, изложенное, например, в пп. 9 и 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», а также в п. 10 Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», вступает в противоречие с положениями закона, где подобное правило не предусмотрено, но оно предполагается самой сущностью данного вида соучастия [11, 22, 23]. Данная позиция Верховного Суда РФ, безусловно, позволяет наиболее адекватно отразить степень общественной опасности деяния, совершенного в составе организованной группы, кроме того, еще фактически постулируется возможность признания в качестве соисполнителей соучастников, не выполнявших объективную сторону преступления, но совершивших «...согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления» [11, 22, 23], т. е., рассматривая с точки зрения законодательного определения видов соучастников, эти люди являются подстрекателями или пособниками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный системный анализ положений закона, теории и судебной практики по вопросу квалификации деяний, выполненных в соучастии, позволяет сделать ряд принципиальных взаимосвязанных утверждений, направленных на совершенствование института соучастия в преступлении:

1. Соучастие в преступлении по смыслу уголовного закона предполагает относительную свободу форм объединения соучастников разного вида, обусловленную преступной целесообразностью.

2. Соучастие в преступлении формируется в процессе достижения согласия на совместное совершение преступления соучастников преступления. Сговор является его существенным признаком.

3. Основанием дифференциации видов соучастия в преступлении являются особенности сговора соучастников преступления, то есть момент его достижения в процессе развития преступной деятельности (стадии совершения преступления); его направленность на организацию преступления либо на организацию группы для совершения преступления.

4. В процессе правоприменения при квалификации деяния, совершенного группой лиц по предварительному сговору, целесообразно исходить из понимания группы как совокупности лиц, объединенных посредством сговора на совершение преступления между соучастниками разного вида и в разном сочетании, до покушения на совершение преступления.

5. Под организованной группой, по нашему мнению, следует понимать группу лиц, образованную посредством сговора на создание устойчивой группы между соучастниками разного вида (исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник) для будущего совершения одного или нескольких преступлений.

6. Степень общественной опасности соучастия в преступлении зависит от следующих факторов: сговор и момент, а также цели его достижения; устойчивость группы, которая обуславливается качеством управления, сформированным в результате сговора, общим числом соучастников.

Указанные факторы должны учитываться при квалификации деяния для определения вида соучастия, определения наличия квалифицирующих признаков, а также при назначении наказания.

Список источников

1. Благов Е. В., Бодаевский В. П., Воробьев В. В. и др. Российское уголовное право / под ред. В. В. Воробьева, Ю. В. Грачевой. М. : Проспект, 2020. 432 с.
2. Круковский В. Е., Чучаев А. И., Абатуров А. И. и др. Уголовное право России. Общая часть. М. : Проспект, 2020. 349 с.

References

1. Blagov E. V., Bodaevsky V. P., Vorobyev V. V. et al. Rossiiskoe ugovnoe pravo. Vorobyev V. V., Gracheva Yu. V., editors. Moscow: Prospekt; 2020. 432 p. (In Russian).
2. Krukovsky V. E., Chuchaev A. I., Abaturon A. I. et al. Uголовное право Rossii. Obshchaia chast. Moscow: Prospekt; 2020. 349 p. (In Russian).

3. Бибик О. Н., Гринберг М. С., Клейменов М. П. и др. Уголовное право России. М. : Проспект, 2017. 448 с.
4. Хлебушкин А. Г. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. М. : Проспект, 2020. 464 с.
5. Мицкевич А. Ф., Питецкий В. В., Севастьянов А. П. и др. Уголовное право / отв. ред. А. Н. Тарбагаев. М., 2016. 448 с.
6. Тулиглович М. А. Структура уголовно-правовой нормы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 22 с.
7. Гайдес М. А. Общая теория систем (системы и системный анализ). Винница : Глобус-Пресс, 2005. 201 с.
8. Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ. Киев : МАУП, 2003. 368 с.
9. Илизhev А. А. Преступления пособника и их отражение в Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29, № 1. С. 112–122.
10. Лопашенко Н. Новое постановление Пленума Верховного суда РФ по хищениям // Законность. 2003. № 3. С. 31–35.
11. Кириенко Н. Г. О квалификации соучастия в хищении с незаконным проникновением в жилище, помещение, иное хранилище // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы V Междунар. науч.-практич. конф. Барнаул, 2007. С. 165–167.
12. Сурихин П. Л. Общественная опасность соучастников коррупционного преступления // Антикоррупционная безопасность: выявление угроз и стратегия обеспечения : сб. науч. статей по итогам V Сибирского антикоррупционного форума, г. Красноярск, 19–20 декабря 2020 г. / отв. ред. И. А. Дамм, Е. А. Акунченко. Красноярск : Сибир. федер. ун-т, 2020. С. 194–200.
13. Белова Н. В. Рассогласованность норм Общей и Особенной частей Уголовного кодекса на примере института соучастия // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 3. С. 59–62.
14. Гордеев Р. Н., Сурихин П. Л. Уголовно-правовое противодействие организованным преступным группам, занимающимся изготовлением и сбытом наркотических средств и их аналогов. Красноярск : Сибир. юрид. ин-т ФСКН России, 2013. 48 с.
15. Бабий Н. А. Множественность лиц в преступлении и проблемы учения о соучастии : моногр. М. : Юрлитинформ, 2013. 718 с.
16. Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар : Кубан. гос. аграр. ун-т, 2000. 198 с.
17. Ковалев М. В. К вопросу о квалификации деяния совершенного с лицом, не подлежащим уголовной ответственности // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 2. С. 201–207.
18. Куликов Е. А. Институт соучастия в преступлении с позиции категорий общего, особенного
3. Bibik O. N., Grinberg M. S., Kleymenov M. P. et al. Ugolovnoe pravo Rossii. Moscow: Prospekt; 2017. 448 p. (In Russian).
4. Khlebushkin A. G. Sbornik postanovlenii Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii. Moscow: Prospekt; 2020. 464 p. (In Russian).
5. Mitskevich A. F., Pitetsky V. V., Sevastyanov A. P. et al. Ugolovnoe pravo. Tarbagaev A. N., editor. Moscow; 2016. 448 p. (In Russian).
6. Tuliglovich M. A. Struktura ugolovno-pravovoi normy. Extended abstract of Cand. Sci. (Law) Thesis. Omsk; 2006. 22 p. (In Russian).
7. Gaides M. A. Obshchaia teoriia sistem (sistemy i sistemnyi analiz). Vinnytsia: Globus-Press; 2005. 201 p. (In Russian).
8. Surmin Yu. P. Teoriia sistem i sistemnyi analiz. Kiev: Interregional Academy of Personnel Management; 2003. 368 p. (In Russian).
9. Ildzhev A. A. The crimes of an accomplice and their reflection in the special part of the Criminal Code of the Russian Federation. *Man: Crime and Punishment*. 2021;29(1):112–122. (In Russian).
10. Lopashenko N. Novoe postuplenie Plenuma Verkhovnogo suda RF po khishcheniiam. *Zakonnost*. 2003;(3):31–35. (In Russian).
11. Kirienko N. G. O kvalifikatsii souchastiia v khishchenii s nezakonnym proniknoveniem v zhilishche, pomeshchenie, inoe khranilishche. In: *Proceedings of the V International Research-to-Practice Conference “Aktualnye problemy borby s prestupleniiami i inymi pravonarusheniiami”*. Barnaul; 2007. p. 165–167. (In Russian).
12. Surikhin P. L. Obshchestvennaia opasnost souchastnikov korruptsionnogo prestupleniia. In: Damm I. A., Akunchenko E. A., editors. *Proceedings of the V Siberian Anti-Corruption Forum “Antikorruptsionnaia bezopasnost: vyivlenie ugroz i strategiiia obespecheniia”*, Krasnoyarsk, December 19–20, 2020. Krasnoyarsk: Siberian Federal University; 2020. p. 194–200. (In Russian).
13. Belova N. V. Inconsistency of the norms of the General and Special Parts of the Criminal Code on the example of the institute of complicity. *Judicial Authority and Criminal Process*. 2020;(3):59–62. (In Russian).
14. Gordeev R. N., Surikhin P. L. Criminal legal counteraction to organized criminal groups engaged in the manufacture and sale of drugs and their analogues. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of the Russian Federation; 2013. 48 p. (In Russian).
15. Babiy N. A. Mnozhestvennost lits v prestuplenii i problemy ucheniia o souchastii. Monograph. Moscow: Iurlitinform; 2013. 718 p. (In Russian).
16. Galiakbarov R. R. Borba s gruppovymi prestupleniiami. Voprosy kvalifikatsii. Krasnodar: Kuban State Agrarian University; 2000. 198 p. (In Russian).
17. Kovalev M. V. To the question of the qualification of an act committed by a person not subject to crim-

- и единичного: некоторые дефекты нормативно-правового регулирования // Социальная компетентность. 2021. Т. 6, № 1. С. 6–15.
19. Морозов В. И., Галкин В. В. Квалификация преступлений, совершенных с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 4. С. 60–73.
20. Обзор судебной практики ВС РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 8. URL: <https://supcourt.ru/documents/newsletters/1656/?ysclid=li01in5hb4388200044> (дата обращения: 09.04.2023).
21. Обзор судебной практики ВС РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4. URL: <https://supcourt.ru/documents/newsletters/1662/?ysclid=li01t5dih0156259150> (дата обращения: 09.04.2023).
22. Алексеев С. В. Практика квалификации группового преступления и соучастия в преступлении // Вестник Челябинского государственного университета 2010. № 9. С. 51–56.
23. Тулиглов М. А. Проблемы соучастия в преступлениях против собственности // Международные юридические чтения : сб. материалов науч.-практич. конф., г. Омск, 25 апреля 2008 г. Омск : Омская академия МВД РФ, 2008. С. 160–164.
18. Kulikov E. A. The institution of complicity in a crime from the perspective of the categories of general, special and singular: Some defects in legal regulation. *Social Competence*. 2021;6(1):6–15. (In Russian).
19. Morozov V. I., Galkin V. V. Qualification of crimes committed with the participation of persons who are not subject to criminal liability. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2018;(4):60–73. (In Russian).
20. Review of the Court Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation No. 8. 2001. URL: <https://supcourt.ru/documents/newsletters/1656/?ysclid=li01in5hb4388200044> (accessed: 09.04.2023). (In Russian).
21. Review of the Court Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4. 2005. URL: <https://supcourt.ru/documents/newsletters/1662/?ysclid=li01t5dih0156259150> (accessed: 09.04.2023). (In Russian).
22. Alekseev S. V. Praktika kvalifikatsii gruppovogo prestupleniia i souchastiia v prestuplenii. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2010;(9):51–56. (In Russian).
23. Tuliglovich M. A. Problemy souchastiia v prestupleniiakh protiv sobstvennosti. In: *Proceedings of the Research-to-Practice Conference “Mezhdunarodnye iuridicheskie chteniia”*, Omsk, April 25, 2008. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs; 2008. p. 160–164. (In Russian).

Информация об авторах

П. Л. Сурихин – кандидат юридических наук, доцент.

Л. А. Попова – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

P. L. Surikhin – Candidate of Sciences (Law), Docent.

L. A. Popova – Candidate of Sciences (Law), Docent.